

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№114, Октябрь 2024
(Часть 6)

Самара, 2024

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №114, Октябрь 2024 (Часть 6) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 - 172 с.

doi: 10.18411/trnio-10-2024-p6

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович

Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович

Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич

Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна

Кандидат исторических наук

Ильющенко Дмитрий Павлович

Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич

Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна

Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна

Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы

Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич

Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна

Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна

Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна

Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна

Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна

Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич

Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна

Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна

Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович

Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна

Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович

Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна

Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы

Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденов Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ XII. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Нагаева В.А., Рогиз И.В. Взаимодействие кредитных организаций и предприятий малого и среднего бизнеса в процессе кредитования: актуальные проблемы и пути их решения.....	8
Назаренко А.Е., Картавченко В.В. Покушение на создание банды: проблемы квалификации действий участников банды	10
Найденова А.Е., Картавченко В.В. Несовершенства правового регулирования порядка наступления уголовной ответственности за экоцид.....	13
Нестерович А.В. Анализ экологического происшествия, произошедшего в Норильске в контексте важности контроля и проверки крупных предприятий частного сектора.....	15
Никитенко Е.Ю., Белозёрова О.А. Деньги как объекты гражданских правоотношений.....	19
Осадченко Э.О., Бычкова А.О. Некоторые правовые аспекты регулирования долей в праве собственности на жилое помещение как объект жилищного права	22
Осадченко Э.О., Ясагашвили Д.З. Анализ законодательного регулирования договора дарения жилого помещения	24
Осадченко Э.О., Ясагашвили Д.З. Проблемы правового регулирования договора дарения жилого помещения.....	26
Павлова В.Д. Проблемы баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе ...	28
Пешкова Н.Д. Уголовно-процессуальный институт отказа государственного обвинителя от обвинения в суде	30
Пивень А.В., Дулепина О.В. Проблемы обеспечения безопасности стороны защиты в уголовном процессе	33
Полуянова Е.В. Актуальные вопросы, связанные с обезличиванием персональных данных в Российской Федерации.....	36
Полуянова Е.В. Функции и задачи оператора информационной системы в Российской Федерации.....	38
Ремизов А.А., Лукки Е.В. Возраст наступления уголовной ответственности за совершение склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ	41
Руднева Н.И. Возможности использования искусственного интеллекта в избирательной кампании	43
Рыжакова Ю.Н. Сущность и содержание миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации	46
Савин А.А. Проблемы квалификации причинения тяжкого вреда здоровью	48
Савин А.А. Умысел при причинении вреда здоровью средней тяжести	50
Самвелян К.С., Простякова П.С. Разрешительный порядок ввоза и вывоза наркотических средств и психотропных веществ.....	52
Самойленко Ю.И., Шарипова Э.А. Перспективы развития современной государственной службы в Российской Федерации.....	56
Свистунов Д.В. Особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения посягающих на здоровье граждан, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность в сети Интернет или с использованием сети Интернет	59

Сысоев И.Р. Роль прокурора в арбитражном судопроизводстве	67
Терентьев А.В. Судебная власть и разделение властей в Российской Федерации	70
Упоров И.В. Начало и окончание сроков полномочий муниципальных депутатов: правовой аспект.....	72
Упоров И.В. Отечественная уголовно-правовая мысль начала XIX века (российский правовед О.И. Горегляд)	76
Упоров И.В. Регулирование российского уголовно-процессуального права в XVII веке	81
Упоров И.В. Уголовно-правовые идеи отечественного криминалиста М.А. Чельцова-Чебутова	86
Чиркова А.М., Давудов Д.А. Анализ международного корпоративного права: выявление проблем и пути их решения	90
Чурюмова М.О., Осадченко Э.О. Место и роль жилищного права в российской системе права	93
Шамурин А.Г. Модель компетенций современного руководителя по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации	95
Шаназарова Е.В., Войнова А.Д. Право на честь, достоинство и деловую репутацию	97
Шаназарова Е.В., Мартынова А.В. Опровержение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию	99
Шаназарова Е.В., Шумова В.Д. Понятие уголовно-правовой квалификации преступлений	102
Яровой В.В. Некоторые аспекты взыскания морального вреда по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц	104
Яровой В.В. О вопросе восстановления нарушенного срока на обращение в суд по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц	109
Яшков С.А. К вопросу о неверной квалификации и иных недостатках, допускаемых при расследовании уголовных дел: обзор следственной практики.....	114
Lavrik E.A., Krivtsova V.A., Gusakova N.L. Energy law in the Russian legal system	117
Myatlenko O.A., Belykh V.E., Gusakova N.L. The Concept and Content of Profiling in Russian Law.....	119
Polkovnikova E.S., Timoshchenko A.S., Gusakova N.L. Corruption in internal affairs bodies and its prevention.....	121
Shavyrin P.O., Uvarova A.A., Gusakova N.L. Peculiarities of criminal liability of minors	129
Vasilieva Y.V., Kurochkina V.M., Shekhovtseva T.M. Legal Aspects of Cryptocurrency Regulation in Russia: Challenges for the Banking System and Integration Prospects	132
РАЗДЕЛ XIII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	135
Аксюмов Б.В. Цивилизационный дискурс в современной России и курс «Основы российской государственности».....	135
Незнанова В.С. Предложения по совершенствованию действующих механизмов взаимодействия гражданского общества и органов власти в Санкт-Петербурге.....	138
Реклер Е.Н., Горин В.А., Чуб М.В. Централизация и децентрализация управления	145
Тарасова М.В. Геополитические риски региональной безопасности в Республике Крым... ..	148

Упоров И.В. Институт местных советов в партийных решениях, законодательных актах и реальности (период «застоя» в СССР)	150
Упоров И.В. Местные советы в годы «застоя» после конституции СССР 1977 года: организационно-структурные аспекты	157
Упоров И.В. Правительствующий сенат как орган государственного управления Российской империи при Анне Иоанновне	162
Хохлов Р.Р. Влияние новейших технологий на политику государств	167

РАЗДЕЛ XII. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Нагаева В.А., Рогиз И.В.

Взаимодействие кредитных организаций и предприятий малого и среднего бизнеса в процессе кредитования: актуальные проблемы и пути их решения

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-232

Научный руководитель: Белецкая А.А.

Аннотация

Представленная статья направлена на анализ текущего состояния института кредитования малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. По ходу исследования выявляются наиболее актуальные проблемы, которые возникают в процессе кредитования субъектов малого и среднего бизнеса, определяются причины, повлиявшие на их возникновение. Авторами выдвигается перечень предложений по совершенствованию текущего состояния сферы кредитования малого и среднего бизнеса посредством устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: кредитование, кредитные организации, малый бизнес, средний бизнес, предпринимательство.

Abstract

The presented article is aimed at analyzing the current state of the institution of lending to small and medium-sized businesses in the Russian Federation. In the course of the study, the most pressing problems that arise in the process of lending to small and medium-sized businesses are identified, the reasons that influenced their occurrence are determined. The authors put forward a list of proposals for improving the current state of the sphere of lending to small and medium-sized businesses by eliminating the identified problems.

Keywords: lending, credit institutions, small business, medium business, entrepreneurship.

Малый и средний бизнес занимает одну из главенствующих ролей в повышении благосостояния государств, использующих рыночную модель экономики. Именно посредством создания новых предприятий малого и среднего бизнеса, их функционирования, образуются новые рабочие места, формируется конкурентная среда, способствующая повышению качества товаров, услуг и работ, а также наступают иные позитивные экономические последствия. Высокая роль малого и среднего бизнеса (далее по тексту – МСБ) предопределяет необходимость создания государственных и иных программ, направленных на их поддержку. Одним из инструментов такой поддержки может выступить кредитование, которое в Российской Федерации сталкивается с рядом определённых проблем, требующих своего разрешения.

С.П. Якимова в своём исследовании высказывает мнение, что на сегодняшний день в России сформировалась объективная потребность в развитии институтов кредитования МСБ. По мнению автора, представители МСБ, не обладая возможностью самостоятельно финансово обеспечить свою деятельность, вынуждены обращаться в кредитные организации [3, с. 1033].

Следует согласиться с позицией С.П. Якимовой. Действительно, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 2020 года, беспрецедентные международные санкции, наложенные на субъектов экономической деятельности и отдельные сектора экономики России в 2014 и 2022 гг., а также иные обстоятельства, сформировали потребность у многих предпринимателей в обращении к кредитным организациям. Именно по этой причине важно,

чтобы все препятствия, связанные с получением заёмных средств на развитие или поддержку собственного предприятия, были устранены не только на уровне отдельных коммерческих организаций, но и на уровне всего государства, посредством совершенствования существующих государственных программ, утверждённых Правительством Российской Федерации.

В.Б. Дзобелова, Д.Ш. Мусостова и Н.В. Еремина в своей работе делают указание на то, что кредитование МСБ в России представляет собой двустороннюю проблему. С одной стороны, предприниматели сталкиваются с трудностями, так как зачастую получают отказ в получении кредита или же лишаются возможности получить заёмные средства на льготных условиях, позволяющих сохранить рентабельность предприятия. С другой стороны, кредитные организации, учитывая риск выдачи заёмных средств представителям уязвимых секторов экономики, вынуждены отказывать субъектам МСБ в кредитовании [1, с. 336].

С мнением представленных выше авторов можно согласиться только от части. Безусловно, отдельные кредитные организации могут с предубеждением относиться к определённым группам субъектов МСБ. В тоже время, объективные статистические показатели, опубликованные на официальных ресурсах Центрального Банка России, свидетельствуют о том, что риски кредитования МСБ с каждым годом снижаются. Так, в 2023 году доля просроченной задолженности со стороны субъектов МСБ сократилась до 4,8% [4].

Таким образом, можно установить, что платёжная дисциплина среди субъектов МСБ в России не снижается, а наоборот, повышается достаточно высокими темпами. В тоже время, нельзя не отметить, что платёжная дисциплина не единственный показатель, который учитывается кредитными организациями, не меньшим значением обладает и кредитоспособность, которая в условиях сложных вызовов, ставших следствием международной обстановки, а также недостаточной государственной поддержки, стремительно снижается.

Е.В. Добролежа и Л.А. Маркарян указывают, что именно низкий уровень государственной поддержки института кредитования МСБ приводит к возникновению различных проблем, которые существенным образом сказываются на эффективности отечественной экономики. Авторы утверждают, что повышение уровня поддержки, в том числе, выраженное в предоставлении кредитным организациям дополнительных гарантий по снижению рисков кредитования субъектов МСБ, может поспособствовать экономическому росту, особенно в регионах с наименьшими показателями экономической эффективности [2, с. 369].

Следует согласиться с высказанным Е.В. Добролежей и Л.А. Маркаряном мнением. Рыночная экономика в Российской Федерации существует относительно непродолжительное количество времени, что требует, в отличие от других государств, большего вмешательства государства в деятельность экономических субъектов. Подобное вмешательство, на наш взгляд, не должно ограничиваться только антимонопольным и иным контролем и надзором. Оно также должно быть направлено на создание эффективных инструментов по поддержке именно субъектов малого и среднего предпринимательства, так как они находятся в уязвимом положении в сравнении с представителями крупного бизнеса.

Среди иных проблем, которые существуют в сфере кредитования МСБ, и замедляют её развитие, можно выделить:

- постоянное повышение процентных ставок, делающее получение кредитов недоступным для широкого круга представителей МСБ;
- недостаточный уровень контроля за деятельностью МСБ, создающий дополнительные риски по кредитованию его представителей;
- затягивание процесса рассмотрения заявок на получение кредита;
- краткосрочный характер кредитования.

Таким образом, в заключении можно сделать вывод, что кредитование малого и среднего бизнеса в Российской Федерации на современном этапе сталкивается с целым

комплексом проблем, которые могут быть разрешены посредством практической реализации следующих решений:

- повышение уровня государственной поддержки кредитных организаций (с целью создания дополнительных гарантий) и субъектов малого и среднего бизнеса (с целью создания системы льготного/доступного кредитования);
- повышение уровня участия государства в создании инфраструктуры по поддержке субъектов малого и среднего бизнеса;
- стабилизация процентных ставок;
- увеличение предельных сроков выплаты заёмных средств кредитным организациям;
- дебюрократизация процесса кредитования.

1. Дзобелова В. Б., Мусостова Д. Ш., Еремина Н. В. Основные проблемы кредитования малого бизнеса в России / В. Б. Дзобелова, Д. Ш. Мусостова, Н. В. Еремина // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 45. С. 335-337.
2. Добролежа Е. В., Маркарян Л. А. Проблемы и перспективы кредитования малого и среднего бизнеса / Е. В. Добролежа, Л. А. Маркарян // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2019. № 2. С. 368-372.
3. Якимова С.П. Проблемы кредитования малого и среднего бизнеса в России во время пандемии / С.П. Якимова // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформации. 2022. № 1. С. 1033-1037.
4. Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства // Центральный Банк России: официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/analytics/develop/inf_material_msp/.

Назаренко А.Е., Картавченко В.В.

Покушение на создание банды: проблемы квалификации действий участников банды

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-233

Аннотация

В настоящем исследовании авторы анализируют, в каких случаях действия лиц, принимающих участие в составе банды, квалифицируются по совокупности статей уголовного закона и возможно ли применение мер уголовного наказания за покушение на бандитизм. В ходе анализа правовых норм, регламентирующих порядок применения уголовных санкций к участникам банд, авторам удалось выявить, что законодатель не предусмотрел в уголовном законодательстве мер, направленных на побуждение преступников к деятельному раскаянию. Авторы предлагают внедрить подобные меры в уголовное законодательство, в связи с чем предлагает внести соответствующие изменения в уголовный закон.

Ключевые слова: бандитизм, банда, участник банды, грабеж, разбой, покушение, приготовление.

Abstract

In this study, the authors analyze in which cases the actions of persons participating in a gang are qualified by a set of articles of the criminal law and whether it is possible to apply criminal penalties for attempted banditry. During the analysis of the legal norms regulating the procedure for applying criminal sanctions to gang members, the authors managed to identify that the legislator did not provide for measures in criminal legislation aimed at encouraging criminals to actively repent. The authors propose to introduce such measures into criminal legislation, in connection with which they propose to make appropriate changes to the criminal law.

Keywords: banditry, gang, gang member, robbery, robbery, attempt, cooking.

Любое противоправное деяние может быть прервано сотрудниками правоохранительных органов на любой стадии, то есть как на стадии подготовки к совершению

преступления, так и в момент его совершения или уже после этого. В зависимости от того, на какой стадии прерывается процесс реализации преступного умысла варьируется характер общественно опасных действий и их последствий.

Итак, существует три этапа развития преступления: первый – приготовление, второй – покушение и третий – оконченное преступление. Законодатель четко разграничивает, что следует понимать под оконченными и неоконченными преступлениями. Ясность вносит ст. 29 УК РФ, в которой указано, что оконченным является такое преступление, которое в реализованном деянии содержит все признаки состава, регламентированного конкретной статьей уголовного закона. Все действия лиц, направленные на приготовление к совершению преступного посягательства или покушение на него, соответственно являются неоконченными преступлениями.

Несмотря на данное обстоятельством приготовление и покушение – это умышленные действия или бездействия. И тот, и другой этап развития преступления имеет своим основным направлением реализацию заранее поставленной преступной цели. В отличие от покушения приготовление с точки зрения степени опасности отличается высоким уровнем, на что также обращает внимание законодатель. Данный вывод следует из содержания ст. 30 УК РФ, так как данная статья уголовного закона предусматривает наступление уголовной ответственности только за приготовление к преступлениям, которые относятся к категории тяжких или особо тяжких. Что же касается покушения, то вопрос о применении мер уголовного наказания к виновному в его совершении будет решаться на основании того, является ли покушение полным или нет.

Обратим внимание на состав преступления, предусмотренный ст. 209 УК РФ. Данная правовая норма осуществляет правовое регулирование порядка наступления уголовной ответственности за бандитизм. Исходя из содержания анализируемой статьи уголовного закона следует, что уголовная ответственность за бандитизм наступает вне зависимости от того, совершила ли банда нападение в целях реализации преступного умысла. Так, группа лиц в составе банды может нападать на граждан или организации для того, чтобы завладеть каким-либо денежными средствами, имуществом, которым они владеют на праве собственности; повредить имущество, находящееся на балансе организации; в целях реализации сексуальных желаний и многое другое [1].

Если лицо выразило согласие в устной или письменной форме войти в состав банды, то он становится ее участником и эти действия должны быть квалифицированы по ст. 209 УК РФ. Однако практика показывает, что не встречается случаев, когда бы действия лиц были квалифицированы судом не по совокупности ст. 209 УК РФ совместно с другими статьями уголовного закона, а только по ней единственной. Обусловлено это тем обстоятельством, что, согласно современному российскому уголовному законодательству, умысел не является наказуемым [2]. Обвинять кого-либо в создании банды для того, чтобы осуществлять нападения на людей или организации – это значит обвинять в умысле на совершение этих нападений. Доказать то обстоятельство, что группа лиц объединилась для того, чтобы совершать нападения в целях ограбления, изнасилования и другие противоправные действия, представляется весьма затруднительным. Однако, даже если факт объединения и наличие преступных умыслов удастся доказать, осуждение лиц невозможно в силу закона.

Рассмотрим другую ситуацию. Участники банды неоднократно собирались вместе, на протяжении длительного времени обсуждали, как они будут совершать грабежи, разбои, убийства и другие преступления, относящиеся к категории тяжких, осуществляли приготовления к преступлениям, однако о них стало известно сотрудникам правоохранительных органов, и непосредственно перед тем, как реализовать преступный умысел действия преступников были прерваны. В таком случае действия лиц, входящих в состав банды, будут квалифицированы судом не по единственной правовой норме – ст. 209 УК РФ, а за бандитизм и приготовления к преступлениям, предусмотренными конкретными другими статьями, регламентирующими порядок наступления за разбой, убийство, изнасилование и т.д., то есть по совокупности статей [3].

То есть так или иначе, если банда совершит нападение или оно будет предотвращено по независящим от нее обстоятельствам, действия лиц, входящих в ее состав, будут квалифицироваться наряду со статьей, регламентирующей порядок наступления уголовной ответственности за бандитизм, по иным статьям уголовного закона, регулирующих уголовно правовые санкции за различные нападения.

Некоторые исследователи считают, если были совершены действия, направленные на подыскание лиц, которые бы вошли в состав банды, поиск оружия, организатор всячески пытался мотивировать, сплотить будущих участников банды, были распределены роли между членами банды, установлены предполагаемые объекты и другие действия, то все они должны считаться покушением на создание банды и быть подвергнуты уголовному наказанию. Н.В. Кремцева предлагает считать покушением на бандитизм ситуацию, когда организатору банды удалось побудить другое лицо стать ее участником, однако последнему принять непосредственное участие в реализации преступных умыслов банды не удалось в силу независящих от него обстоятельств [4]. По нашему мнению, внедрение уголовной ответственности за покушение на бандитизм видится излишним. Обусловлено это в первую очередь тем, что факт покушения на бандитизм очень сложно доказать.

Вместо этого обратим внимание на другую проблему. В ходе анализа правовых норм, регламентирующих порядок наступления уголовной ответственности за бандитизм и другие преступления, сопряженные с ним, нами было выявлено следующее несовершенство правового регулирования. В уголовном законодательстве не отражены меры, направленные на побуждение лиц, входящих в состав банды, к деятельному раскаянию либо же добровольному отказу от завершения преступлений, которые были начаты, но не окончены. При этом при анализе правовых норм, регламентирующих уголовные санкции за совершение сходных деяний (например, ст. 208, 210, 282.1 УК РФ) было установлено, что законодатель предусматривает меры, направленные на побуждение лиц прекратить совершение противоправных действий. В некоторых случаях, предусмотрено даже освобождение от уголовной ответственности лиц, которые совершали противоправные действия с оружием. Так, добровольная сдача оружия в соответствии со ст. 222 УК РФ позволяет лицу избежать применения мер уголовного наказания.

По нашему мнению, необходимо внедрить в уголовное законодательство правовые механизмы, направленные на побуждение лиц, принимающих участие в банде, к деятельному раскаянию. Для этого необходимо внести изменения в правовую норму, регламентирующую порядок наступления уголовной ответственности за бандитизм – ст. 209 УК РФ, и определить в ней, что участник банды, который добровольно прекратил в ней участие и совершил ряд активных действий, способствовавших сотрудникам правоохранительных органов раскрыть или пресечь запланированное бандой преступлений, освобождается от уголовной ответственности. Однако, как и в других статьях уголовного закона, содержащих подобное примечание, необходимо указать, что освобождение от уголовной ответственности допустимо только в том случае, если в действиях раскаявшегося не содержится другого состава преступления.

1. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / Сост. А.Г. Хлебушкин. 4-е изд. Москва: Проспект, 2021. 512 с.
2. Крюков, А.В. Вопросы квалификации преступлений по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 209 «бандитизм» УК РФ // Юридическая наука. 2022. №7. С. 84-87.
3. Апсаямов, Р. Г. Правовая оценка ценностей и деятельности национальной судебной системы по результатам проверки проведения чековой ваучеризации (приватизации) в России // Право и государство: теория и практика. 2015. №№ 10. С. 41-43.
4. Кремцева, Н.В. Бандитизм: вопросы законодательной регламентации, квалификации и разграничения со смежными составами: дис... канд. юрид. наук. Тюмень, 2021. 96 с.

Найденова А.Е., Картавченко В.В.
Несовершенства правового регулирования порядка наступления
уголовной ответственности за экоцид

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-234

Аннотация

В настоящем исследовании анализируются субъективная и объективная стороны экоцида. Выявлены несовершенства правового регулирования порядка наступления уголовной ответственности за совершение экоцида. Авторы считают несовершенством правового регулирования отсутствие легального определения понятия «экологическая катастрофа», а также высказывают мнение, что в качестве экоцида могут квалифицироваться не только активные действия виновных лиц, а но и бездействие. В связи с чем в статье предлагается внести изменения в правовую норму, в которой определены правовые санкции, следующие за совершение действий, квалифицирующиеся в качестве экоцида.

Ключевые слова: экоцид, экологические преступления, преступления против мира, преступления против безопасности человечества, экологическая катастрофа.

Abstract

In this study, the subjective and objective sides of ecocide are analyzed. The imperfections of the legal regulation of the order of criminal liability for the commission of ecocide have been revealed. The authors consider the lack of a legal definition of the concept of "environmental disaster" to be an imperfection of legal regulation, and also express the opinion that not only active actions of the perpetrators, but also inaction can be qualified as an ecocide. In this regard, the article proposes to amend the legal norm, which defines the legal sanctions following the commission of actions that qualify as ecocide.

Keywords: ecocide, environmental crimes, crimes against peace, crimes against human security, environmental disaster.

До того, как был принят ныне действующий уголовный закон (напомним, что это произошло в 1996 году), в отечественном уголовном законодательстве не содержалось правовых норм, регламентирующих порядок наступления уголовной ответственности за экоцид. Рассмотрим, какие противоправные действия законодатель рассматривает как экоцид и подробнее охарактеризуем данный состав преступления.

Начнем с того, что правовое регулирование порядка наступления уголовной ответственности за экоцид осуществляется ст. 358 УК РФ. Исходя из содержания рассматриваемой правовой нормы уголовного закона следует, что экоцидом считается:

1. Действия человека, направленные на уничтожение объектов животного или растительного мира, при этом законодатель акцентирует внимание на том, что такое уничтожение должно являться массовым;
2. Действия человека, направленные на отравление водных ресурсов либо же атмосферы;
3. Иные действия, которые далее дословно по букве закона «способны вызвать экологическую катастрофу».

Перечисленные действия составляют объективную сторону рассматриваемого нами состава преступления.

Активные дискуссии в научной литературе ведутся по вопросу правильности размещения законодателем правовой нормы, регламентирующей порядок наступления уголовной ответственности за экоцид, в главе уголовного закона, систематизирующей составы преступлений, направленных против мира и безопасности человечества. Споры среди исследователей порождает то обстоятельство, что по правовой природе экоцид является

экологическим преступлением, поэтому некоторые исследователи высказывают мнение, что правовую норму законодательно следовало бы разместить в главе уголовного закона, систематизирующей экологические преступления. Например, Н.В. Котова относит экоцид к числу экологических преступлений [1].

Вместе с тем, мы считаем правильным выбор законодателя разместить статью закона, посредством которой осуществляется правовое регулирование порядка наступления уголовной ответственности за совершение экоцида, в главе 27 УК РФ, в которой размещены все преступления, направленные против мира и безопасности человечества. Б.А. Левитанус и С.В. Стрельников также поддерживают позицию законодателя, акцентируя свое внимание на том, что экоцид отличается от экологических преступлений на основании такого элемента состава преступления как объект [2].

Объект состава преступления исследователи классифицируют на три вида: первый – родовой, второй – видовой, третий – непосредственный. Видовым объектом рассматриваемого нами преступления с учетом того, что по своей правовой природе экоцид имеет непосредственную связь с экологическими преступлениями, являются отношения по обеспечению экологической безопасности всего человечества. Что касается непосредственного объекта экоцида, то им являются отношения, направленные на обеспечение безопасности человечества от определенных, конкретных угроз, обладающих экологическим характером. Всем известно, что определить родовой объект любого состава преступления можно исходя из наименования главы, в которой расположена соответствующая правовая норма, поэтому, учитывая то обстоятельство, что ст. 358 УК РФ расположена в главе 27 УК РФ, следует, что родовым объектом экоцида являются общественные отношения по обеспечению безопасности человечества [3].

Изучение любого состава преступления основывается на характеристике его не только объективных, но и субъективных признаков к числу которых относится субъект и субъективная сторона. Экоцид относится к числу преступления, уголовные санкции за совершение которого могут быть применены к лицам, которым уже исполнилось шестнадцать лет. Иначе говоря, субъект анализируемого в настоящем исследовании состава преступления является общим. Когда преступник совершает действия, квалифицирующиеся законодателем в качестве экоцида, он осознает, что они так или иначе могут привести к наступлению масштабной экологической катастрофы, но несмотря на это осознание он продолжает намеренно осуществлять уничтожение объектов животного и растительного мира, отравляет водные объекты, отравляет атмосферу и совершает другие действия для реализации преступной цели. Поэтому с точки зрения субъективной стороны экоцид характеризуется прямым умыслом.

В ходе анализа научной литературы и непосредственно ст. 358 УК РФ нами были выявлены несовершенства используемых законодателем конструкций, которые приводят к возникновению ряда практических проблем.

Исходя из анализа судебной практики следует, что многих владельцев промышленных предприятий, в ходе осуществления деятельности которых произошел выброс в водные объекты или атмосферу вредных средств и веществ, привлекали к уголовной ответственности, но не по ст. 358 УК РФ, а по совершенно другим статьям уголовного закона. Так, в 2020 году произошел разлив нефтепродуктов в городе Норильске. Более двадцати тонн дизельного топлива загрязнили грунт, близлежащие водотоки. Несмотря на многие усилия, предпринятые в целях сбора нефтепродуктов, часть из них собрать не удалось, и экологи отмечали, что вредные вещества погубили много объектов растительного и животного мира, проникли глубоко в грунт, и восстановить ситуацию посредством рекультивации практически невозможно. Замечания экологов не были никем приняты во внимание и на основании решения Красноярского суда к четырем виновным в разливе дизельного топлива лицам были применены меры уголовного наказания, но не за совершение экоцида, их действия были квалифицированы по ст. 246 УК РФ, регламентирующей порядок наступления уголовной ответственности за совершение правил охраны окружающей среды при эксплуатации промышленных объектов.

По нашему мнению, проблемы привлечения лиц, действия которых привели к массовому уничтожению объектов животного и растительного мира и другим негативным последствиям, в первую очередь обусловлены отсутствием легального закрепления понятия «экологическая катастрофа». Поскольку ни в одном из нормативно-правовых актов указанное понятие не получило правового закрепления, фактически правоприменитель самостоятельно, на основании своего субъективного мнения должен решить, противоправные действия преступников способны вызвать наступление экологической катастрофы или нет [4].

Кроме того, не совсем понятно, почему законодатель акцентирует внимание на том, что только активные действия могут квалифицироваться в качестве экоцида, хотя, по нашему мнению, к наступлению негативных последствий, указанных в ст. 358 УК РФ, может привести также бездействие.

На наш взгляд, не совсем правильным является использование законодателем формулировки «способны вызывать экологическую катастрофу» и не совсем понятно, относится ли этот признак, исходя из конструкции правовой нормы, ко всем иным действиям, которые не обозначены в диспозиции ст. 358 УК РФ или он относится также к массовому уничтожению обитателей животного и растительного мира и к отравлению атмосферы и водных ресурсов. Если законодатель стремился посредством данной формулировки нормы закона обозначить важность состава реальной опасности наступления экологической катастрофы, то следовало стремиться к единообразию норм уголовного законодательства. Необходимо по аналогии с ч. 1 ст. 247 УК РФ указать: «если эти деяния создали угрозу наступления экологической катастрофы».

Таким образом, по итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Отсутствует легальное определение понятия «экологическая катастрофа», тем самым законодатель возлагает на правоприменителя обязанность самостоятельно решать вопрос, что следует понимать под экологической катастрофой и способны ли действия виновных лиц повлечь ее возникновение. Целесообразно уточнить, что следует понимать под термином «экологическая катастрофа», такие разъяснения могут быть даны Пленумом Верховного Суда РФ.
2. На основе проведенного нами анализа следовало бы определить формулировку ст. 348 УК РФ следующим образом: «умышленное массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также иные действия (бездействие), если эти деяния создали угрозу наступления экологической катастрофы...».

1. Котова, Н.В. Экоцид: уголовно правовое значение // Теория и практика современной науки. 2018. №10 (40). С. 218-223.
2. Левитанус, Б.А., Стрельников С.В. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах // Ленинградский юридический журнал. 2020. №3 (61). С. 69-79.
3. Веревичева, М.И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2010. №2. С. 64-66.
4. Копылов М. Н. Юридическая ответственность за экологические преступления. М. : Изд-во РУДН, 2004. 220 с.

Нестерович А.В.

**Анализ экологического происшествия, произошедшего в Норильске
в контексте важности контроля и проверки крупных предприятий частного сектора**

*НИУ БелГУ
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-235

Научный руководитель: Митякина Н.М.

Аннотация

Данная работа посвящена анализу экологического происшествия, произошедшего недалеко от города Норильск. Центральным субъектом данной работы станет дочерняя компания «Норникеля», «Норильско-Таймырская энергетическая компания» (далее по тексту «НТЭК»). Анализ ситуации будет проводиться в рамках нескольких блоков: общее представление ситуации в средствах массовой информации (далее по тексту СМИ) и со

стороны «НТЭК», краткая характеристика проверок и штрафов, краткое описание расследования Следственного комитета Российской Федерации. Результаты статьи могут помочь в совершенствовании системы контроля и надзора за деятельностью крупных частных предприятий, экологические происшествия на которых могут привести к значительному ухудшению экологической обстановки в регионе. В целом, автор работы приходит к выводу о необходимости создания специальных групп, в составе которых будут присутствовать профильные специалисты и представители от различных органов. Целью группы будет проведение многонаправленной комплексной проверки, которая будет включать в себя, в том числе, и выявление возможных нарушений, которые могут привести к экологическим происшествиям.

Ключевые слова: Норильско-Таймырская энергетическая компания, контроль крупных предприятий со стороны государства, экологические правонарушения и происшествия.

Abstract

This paper is devoted to the analysis of an environmental incident that occurred near the city of Norilsk. The central subject of this work will be a «Nor Nickel» subsidiary company, «Norilsko-Taimyrskaya energy company» (further to the text «NTEC»). The analysis of the situation will be carried out within several blocks: general presentation of the situation in the media and by «NTEC», brief description of audits and fines, brief description of investigation of the Investigative Committee of the Russian Federation. The results of the article can help to improve the system of control and supervision of the activities of large private enterprises, environmental accidents in which may lead to a significant deterioration of the environmental situation in the region. In general, the author concludes that special groups should be established, with a mix of specialist experts and representatives from different bodies. The group's objective will be to conduct a multidirectional comprehensive audit, which will include, among other things, and identify possible violations that may lead to environmental accidents.

Keywords: Norilsk-Taimyr Energy Company, state monitoring of large enterprises, environmental offences and accidents.

Экологическое происшествие, произошедшее на «НТЭК», является интересным событием для анализа. Данное происшествие проявило ряд проблем, требующих решения. Дабы получить полную картину о событии, считаем необходимым провести анализ по трем направлениям: общее представление ситуации в СМИ и со стороны «НТЭК», краткая характеристика проверок и штрафов, краткое описание расследования Следственного комитета Российской Федерации.

Средства массовой информации описывали ситуацию от части однобоко, не прибегая к подробностям. В целом, со временем в добросовестных СМИ стала преобладать следующая точка зрения: «Технической причиной разгерметизации и разлива 25324,567 кубометров (21163,3 тонны при принятой плотности 812,5 кг/м³) солянки названа "недостаточная несущая способность плитного ростверка основания и железобетонных свай, что вызвало превышение допустимых усилий с последующим цепным разрушением 33 свай-стоек, расположенных по контуру и внутри свайного пространства, а также разрушение монолитного железобетонного основания и его просадку до 1,5 м под днищем резервуара» [1]. Недобросовестные СМИ, продвигали активно позицию главы «Норникеля», дабы восстановить репутацию предприятия и увести внимание с ответственности руководства на региональное отделение МЧС, чиновников муниципального образования, сотрудников цехов, низовое руководство, вечную мерзлоту и даже СССР. На деле же, как мы дальше это не раз отметим, «Норникель» проявлял и проявляет пренебрежение во многих вопросах, касающихся безопасности работников и технического обеспечения своих производств, что приводит к происшествиям и смертям.

Нам необходимо рассмотреть и реакцию органов исполнительной власти, а именно:

- Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее по тексту Росприроднадзор);
- Федерального агентства по рыболовству (далее по тексту Росрыболовство);

- Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (далее по тексту Ростехнадзор).

Росприроднадзор занялся оценкой ущерба и проводил экспертизы. Данный орган показал себя с лучшей стороны. Он беспристрастно оценил ущерб и заставил выплатить «НТЭК» крупную сумму. «НТЭК» пыталась задержать рассмотрение несколько раз: «Вместе с тем, НТЭК заявила ходатайства о проведении судебных экспертиз для проверки данных Росприроднадзора о вреде, нанесенном почвам в результате аварии, а также об объеме и растворимости попавшего в водоемы дизтоплива. Решение по данным ходатайствам, как ожидается, суд примет на следующем заседании, после пояснений "Экотерры"» [2]. «НТЭК», возможно пыталась выиграть время. Однако пользы это не принесло. В конечном итоге Росприроднадзор остался непреклонен, в следствии чего «НТЭК» все же была обязана выплатить указанную сумму: «Сумма иска была около 147,7 млрд рублей, из них суд постановил НТЭК возместить 146,2 млрд рублей. Ранее Росприроднадзор назвал уточненную сумму для возмещения вреда, причиненного окружающей среде, - около 145 млрд рублей, но при этом не ходатайствовал об уточнении исковых требований» [3]. 145 млрд рублей, крайне «болезненная» для «Норникеля» и его дочерней компании сумма, но при этом она не угрожает их финансовому положению. Сумму считаем справедливой, такого мнения придерживаются и сотрудники Росприроднадзора: «На вопрос, как Росприроднадзор определил ущерб в 148 млрд рублей, Радионова ответила, что "годовые дивиденды "Норникеля" в два раза больше, чем та сумма ущерба, не штрафа, а ущерба"» [4].

Росрыболовство также проводило экспертизы и оценило ущерб. У них также был иск в отношении «НТЭК», однако они пошли на мировое соглашение.

Ростехнадзор занимался анализом возможных версий разгерметизации резервуара и оценивал его техническое состояние. Их версии произошедшего были описаны в СМИ. Они также высказали важный факт: «Енисейское управление Ростехнадзора сообщало, что признаков таяния вечной мерзлоты под резервуаром не было обнаружено» [1]. Они фактически опровергли версию руководства «Норникеля», которое рассказывало, что в следствии таяния вечной мерзлоты произошла авария.

Наибольший интерес представляет расследование Следственного комитета Российской Федерации. Расследование Следственного комитета выявило истинные причины аварии. Были возбуждены уголовные дела по следующим статьям: «ст. 254 (порча земли), ст. 246 (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ) и переданное из органов внутренних дел уголовное дело по ст. 250 УК РФ (загрязнение вод), объединены в одно производство» [5]. Также велось, ведется, или уже было закончено расследование в отношении следующих лиц: начальника котлотурбинного цеха ТЭЦ-3 АО «НТЭК» гражданина «А», главного инженера ТЭЦ-3 АО «НТЭК» гражданина «Б» и директора предприятия гражданина «В», главного государственного инспектора отдела государственного горного и общепромышленного надзора по Норильскому промрайону Енисейского управления Ростехнадзора гражданки «Г», бывшего главы Норильска гражданина «Д», дежурного ЕДДС управления по делам гражданской обороны и ЧС администрации Норильска гражданина «Е» и и.о. начальника управления гражданина «Ж».

Из всех перечисленных лиц наиболее интересны гражданин «Б», гражданин «В» и гражданка «Г». В следствии их действий и произошла сама авария. В ноябре 2017 и декабре 2018 года гражданка «Г» проводила плановые проверки ТЭЦ-3 в Норильске. Следственный комитет Российской Федерации выяснил следующее: «... по данным следствия, она не проверила аварийный резервуар и не выявила факт отсутствия на него положительного заключения экспертизы промышленной безопасности. В 2019 году в Ростехнадзор поступило заключение экспертизы промышленной безопасности, где были указаны недостатки, которые требовалось устранить» [6]. Гражданка «Г» должна была инициировать проведение внеплановой проверки объекта, но этого сделано не было. То есть, гражданка «Г» фактически не проверила аварийный резервуар. Ростехнадзор позже заявит, что их сотрудник не должен был проверять данный резервуар, однако, если бы это было так, то Следственный комитет

Российской Федерации не завел бы уголовное дело на данного сотрудника после проверок. К тому же, в ее задачи и входила проверка технической части, о чем упомянуто в вышепротитированном абзаце. Также выяснилось следующее: «Как установило следствие, с 2018 года конструкция резервуара №5, вмещающего 30 тыс. кубометров нефтепродуктов, нуждалась в проведении капремонта. Тем не менее в ноябре 2018 года резервуар без заключения экспертизы промышленной безопасности был введен в эксплуатацию ...» [7], само введение было проведено комиссией под председательством главного инженера ТЭЦ-3 гражданина «Б» актом, утвержденным директором предприятия гражданином «В». То есть упомянутые нами ранее, гражданин «Б» и гражданин «В», не смотря на явное аварийное состояние, ввели в эксплуатацию резервуар. Таким образом имеет место совокупное пренебрежение в области эксплуатации и обслуживании и отсутствие проверки. Резервуар разгерметизировался не в следствии плохих свай или потепления, а в следствии отсутствия ремонта и введения в эксплуатацию в ненадлежащем состоянии. По итогу именно расследование Следственного комитета Российской Федерации показало истинные причины происшествия. Была проведена отличная и очень тяжелая работа, это отражается и в официальных новостях: «Изъята и изучается документация о техническом состоянии резервуара в период его эксплуатации, документы, связанные с передачей сообщений о произошедшей аварии, в том числе аудиозаписи переговоров и электронные донесения. Допрошено более 150 свидетелей ... » [8].

В целом «Норникель», уже не в первый и не в последний раз попадает в схожие ситуации, вследствие которых следственные органы проводят расследования. В 2017 году погибли шахтеры: «Жертвами аварии на руднике «Заполярный» стали четыре горняка» [9]. В 2020 году была слита сточная вода в реку: «Следственный комитет России (СКР) сообщил о возбуждении еще одного уголовного дела ... оно связано со сбросом сточных вод в реку Томулах в пригороде Норильска в 2017-2019 годах» [10]. В 2021 году погибли работники фабрики: «Четверо сотрудников руководства Норильской обогатительной фабрики и компании-подрядчика задержаны после обрушения, в результате которого погибли трое рабочих, сообщает 21 февраля пресс-служба Следственного комитета по Красноярскому краю» [11]. Это показывает руководство и само предприятие не с лучшей стороны.

Подводя итог нашего анализа, можно отметить следующее. Органы быстро среагировали и провели расследование и экспертизы. Были наказаны некоторые ответственные лица, но как мы считаем, отвечать должно было и вышестоящее руководство. Был предъявлен справедливый иск в 145 млрд. рублей, который послужит предупреждением иным крупным предприятиям. Исходя из всей проанализированной информации, мы видим проблемы не в правовой сфере, а в сфере контроля, надзора и проверок. Как мы считаем, для контроля крупных предприятий и компаний стоит создать отдельную комиссию, группу или иное объединение. Она должна быть составлена из независимых членов. В нее должны входить представители от разных министерств и ведомств. К примеру: представители прокуратуры, сотрудники Ростехнадзора, Росприроднадзора, Росрыболовства, обязательно соответствующие профильные специалисты, так как они способны в силу специализации и опыта выявить нарушения и оценить техническое состояние лучше, чем остальные члены комиссии при проверке. Проверки целесообразно проводить каждые пол года. Данный тандем будет проверять не все предприятия, а наиболее крупные. В целом эффективно такая группа себя покажет при проверке частных предприятий, так как государственные, в целом, контролировать и проверять легче. Наличие различных независимых представителей от разных органов поможет преодолеть возможную коррупцию и личную заинтересованность. В целом такие стратегические предприятия для нашего государства, как «Норникель», как мы считаем, должны быть в будущем национализированы, либо принудительно с последующей выдачей компенсации, либо путем выкупа контрольного пакета акций, как это было сделано со «Сбербанком». На данный момент пакеты акций «Норникеля» разделены между частными

структурами. Предприятия, принадлежащие государству, легче контролировать и проверять, а также устанавливать там соблюдение технических норм и норм безопасности. Как показал наш анализ, «частная рука» может быть крайне неэффективна в заботе о своих сотрудниках и имуществе предприятия, а также в соблюдении установленных законом норм.

В целом и в общем, все предложенные нами меры могут помочь предупредить и предотвратить в будущем возможность возникновения экологических и иных происшествий на крупных предприятиях частного сектора.

1. Причиной аварии на норильской ТЭЦ названы слабые сваи резервуара // Интерфакс: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/737323> (дата обращения: 18.09.2024).
2. Рассмотрение иска к "Норникелю" на 148 млрд руб. отложили до 15 января // Интерфакс: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/743461> (дата обращения: 18.09.2024).
3. «Норникель» исполнит решение суда о взыскании ущерба в 146 млрд руб. // Интерфакс: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/751796> (дата обращения: 18.09.2024).
4. «Норникель» заплатил сотни тысяч рублей штрафов из-за аварии на ТЭЦ-3 // Интерфакс: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/732156> (дата обращения: 18.09.2024).
5. По поручению Председателя СК России все материалы уголовных дел о разливе нефтепродуктов в Норильске переданы для дальнейшего расследования в центральный аппарат // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2020. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1470452> (дата обращения: 18.09.2024).
6. Возбуждено уголовное дело в отношении сотрудника Ростехнадзора, проверявшего ТЭЦ-3 в Норильске // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2020. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1473766> (дата обращения: 18.09.2024).
7. Коммерсантъ: «Следствие дошло до руководства норильской ТЭЦ» // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2020. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1472648> (дата обращения: 18.09.2024).
8. В рамках уголовного дела о разливе нефтепродуктов в Норильске предъявлено обвинение начальнику котлотурбинного цеха ТЭЦ-3 // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2020. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1471700> (дата обращения: 18.09.2024).
9. Коммерсантъ: «Шахту не проветрили до взрыва» // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2017. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1148833> (дата обращения: 18.09.2024).
10. Коммерсантъ: «На сотрудников «Норникеля» завели дело о сбросе сточных вод в реку» // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2020. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1473911> (дата обращения: 18.09.2024).
11. Известия: «Четверо из руководства фабрики в Норильске задержаны после гибели рабочих» // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – 2021. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1542845> (дата обращения: 18.09.2024).

Никитенко Е.Ю., Белозёрова О.А.

Деньги как объекты гражданских правоотношений

Самарский государственный экономический университет

(Россия, Самара)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-236

Аннотация

В данной статье рассматриваются деньги как объект гражданских правоотношений и их особенности. Согласно правовым нормам, они признаются имуществом и могут выступать, как в форме наличных денежных средств, так и безналичных.

Ключевые слова: гражданское право, объекты гражданских прав, деньги, наличные деньги, правоотношения, имущество, правовое регулирование.

Abstract

This article examines money as an object of civil relations and their features. According to legal norms, they are recognized as property and can act both in the form of cash and non-cash.

Keywords: civil law, objects of civil rights, money, cash, legal relations, property, legal regulation.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ, деньги относятся к вещам, которые могут входить в систему имущественных прав [1].

Действующим гражданским законодательством РФ (ст. 128 ГК РФ), деньги подразделяются на наличные и безналичные, где наличные денежные средства относят к вещам, а безналичные – к имущественным правам [1]. Среди объектов гражданских прав выделяют следующие группы: вещи и иное имущество; результаты работ и оказание услуг; интеллектуальная собственность; нематериальные блага. К материальным объектам законодатель отнес вещи, включая наличные деньги и ценные бумаги.

Деньгам, выступающим объектом гражданских прав, присущи следующие специфические черты:

- ограниченность денежной массы, контролируемой на уровне государства;
- деньги размены;
- деньги идентифицируются;
- деньги способны перемещаться.

Деньги относятся к категории делимых вещей. При этом особенность денег выражается в том, что денежная сумма всегда может быть разделена без ущерба для возможности хозяйственного назначения выделенной части. В связи с этим денежный раздел и выдел денежной доли широко используются в гражданском обороте как способы раздела имущества при невозможности его раздела в натуре.

С юридической точки зрения деньги относятся к категории родовых и заменимых вещей, на которые могут быть обменены все другие вещи, участвующие в гражданском обороте. Заменимые вещи, как известно, это вещи, которые при использовании употребляются определенного количества и качества, не носят индивидуализированного характера. К ним относятся вещи, определяемые весом, мерой или счетом. А деньги – это имущество, которое обыкновенно определяется только по количеству, между тем это имущество непотребляемое. Таким образом, для целей платежа деньги выступают обезличенно, как заменимые вещи, определяемые родовыми признаками, количество которых установлено в принятых денежных единицах.

Наличные деньги являются вещами особого рода. Из этого вытекает специфика возникновения вещных прав на деньги. Вещные права на наличные деньги как вещи, определенные родовыми признаками, возникают с момента индивидуализации этих вещей у их конкретного владельца. Выбытие денег из владения определенного гражданина или юридического лица означает прекращение вещного права на эти деньги. Поэтому деньги, так же, как и ценные бумаги, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, согласно п. 3 ст. 302 ГК РФ. Добросовестным приобретателем признается лицо, которое не знало и не могло знать о том, что приобретает имущество у лица, не имевшего права его отчуждать. Пункт 3 ст. 10 ГК РФ предусматривает, что в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. В силу этого при применении положений об истребовании имущества (в том числе и денег) приобретатель считается добросовестным, если не доказано иное.

Большинство цивилистов-теоретиков склоняются к позиции признания денег вещами. Однако существуют и иные точки зрения. Так, например, Замотаева Т.Б. в своей диссертации «Деньги как объект гражданских прав» считает, что исследование денег в системе объектов гражданских прав позволяет утверждать о необходимости признать их самостоятельным объектом [3]. Этот вывод не противоречит и действующему законодательству, поскольку текст статьи 128 ГК РФ допускает рассматривать деньги в качестве такой разновидности имущества, на которую лишь распространяется вещно-правовой режим в силу преобладания вещно-правовой формы денег. В системе объектов гражданских прав деньги должны быть отнесены к категории имущественных прав. В этом смысле деньги есть установленная законом правовая возможность (имущественное право) совершения платежа. Форма существования (представления) денег может быть различной (банкноты, монеты, записи по счету и т.п.), но если она предусмотрена законом, то независимо от формы представления данная возможность

всегда заключается в праве совершить определенные конкретные действия (платеж). Аргументами к этому высказыванию являются положения о том, что деньги не могут появиться сами по себе, либо производиться (изготавливаться) как обычные вещи (последнее свойственно лишь процессу созданию их формы), так как вводятся в оборот исключительно государством путем: а) определения конкретных форм представления денег, б) установления правового режима, в том числе и дифференцированно по формам, в) определения системы учета денег и г) установления правил использования денег иных государств и соотнесения их с национальными деньгами. Это касается и безналичной формы, т.к. даже в данном случае предусматриваются способы фиксации их существования (например, записи на счетах) и движения (правила безналичных расчетов).

Статус денег как объекта гражданских прав закреплен нормами статьи 140 ГК РФ.

Согласно нормам гражданского права (статья 128 ГК РФ), наличные деньги являются вещью, однако, появление электронных денег породило проблемы, связанные с правовой оценкой сущности безналичных денег.

Особенность денег заключается в том, что их проявление возможно только через субъекта, который является участником системы денежных обязательств. Касательно системы безналичных расчетов, операции совершаются специализированными участниками рынка.

Характеристика денег как правовой категории основывается на экономической модели этого явления, предполагающей детальный анализ реализуемых ими функций: меры стоимости, средства платежа, средства обращения, средства накопления и мировых денег). Именно через детализацию правового оформления этих функций и раскрывается юридическая природа денег.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» в режиме правового регулирования денежного обращения законодатель видит:

1. Валюту Российской Федерации (денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также изымаемые, либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; средства на банковских счетах и в банковских вкладах);
2. Иностранную валюту (денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах [5].

В соответствии со статьей 140 («Деньги (валюта)») Гражданского кодекса РФ, рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов.

Подводя итог, необходимо отметить, что денежные средства, являясь объектом гражданских правоотношений, определяют покупательскую способность граждан и юридических лиц, в том числе и иностранных; становятся жизненным ориентиром большинства людей, наделяя их правом и обязанностью одновременно.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // СЗ РФ. №32. 1994. Ст. 3301.
2. Замотаева, Т.Б. Деньги как объект гражданских прав // disserCat – 2003.
3. Иншакова, А.О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. -Т. 19. №1. – С. 6-15.
4. Кулева, И.В. Деньги как объект гражданских прав / И.В. Кулева, В.В. Ерин // Молодой ученый. – 2022. - № 41 (436). – С. 143-144.
5. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. № 50. 2003. Ст. 4859.

Осадченко Э.О., Бычкова А.О.

Некоторые правовые аспекты регулирования долей в праве собственности на жилое помещение как объект жилищного права

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-237

Аннотация

В данной статье автором анализируется законодательное регулирование взаимоотношений между собственниками жилых помещений и долей в таких помещениях. Отдельное внимание уделяется вопросу образования микродолей в жилом помещении и их последующей реализации. Рассматривается ряд проблем, вытекающих из такой реализации и озвучиваются предложения по внесению изменений в существующее законодательство для их дальнейшего устранения.

Ключевые слова: доля, жилое помещение, договор дарения, право собственности, микродоля.

Abstract

In this article, the author analyzes the legislative regulation of the relationship between the owners of residential premises and shares in such premises. Special attention is paid to the issue of the formation of microdoles in residential premises and their subsequent implementation. A number of problems arising from such implementation are being considered and proposals are being made to amend existing legislation to further eliminate them.

Keywords: share, living space, donation agreement, ownership, microdoll.

Законодательное регулирование взаимоотношений между собственниками жилых помещений и долей в таких помещениях является предметом пристального внимания законодателя. Это обусловлено рядом преимуществ владения недвижимым имуществом, к которым относят: стабильный рост стоимости недвижимости, особенно в последние годы в связи с повышением ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, последнее привело к снижению доли населения, способного приобрести квартиру; возможность дробления жилых помещений на микродоли и их последующая продажа, дарение, наследование или приватизация, что позволяет гражданам с ограниченными финансовыми возможностями приобрести недвижимость. Если в целом, покупка недвижимости или доли в ней является положительным событием, в общей картине это приводит к возникновению серьезных проблем, в частности увеличению числа собственников в одном жилом помещении, что затрудняет принятие решений по управлению и распоряжению имуществом [1, ст. 211], а также риск мошеннических действий при отчуждении долей, особенно в случае их микроразмера. С целью разрешения этих проблем законодатель ввел обязательное нотариальное удостоверение сделок по отчуждению долей, но данной меры оказалась недостаточной для улучшения ситуации.

Введенное законодательное положение отчасти снизило интенсивность дискуссии о необходимости нотариальной проверки законности сделок по отчуждению «микродолей». Часть нотариусов считает, что сам факт удостоверения такой сделки должен вызывать определенные сомнения и требует более тщательной проверки соответствия ее содержания подлинным намерениям сторон. Тут в полемику вступают аргументы о том, что нотариус должен проверять законность совершения данной сделки с точки зрения бумаг и действующих норм, а не вникать в тонкости взаимоотношений между сторонами сделки, будущими собственниками и другое, поскольку это субъективный фактор. В контексте российской юридической доктрины вторая позиция представляется более убедительной, поскольку нотариус не имеет оснований для отказа в заключении сделки на микродолю в праве собственности на жилое помещение, в то время как мотив выходит за рамки проверки ее законности в рамках полномочий нотариуса. И все бы ничего, но в судебной практике встречаются прецеденты [2, ст. 6], когда суд поддерживал позицию нотариусов, отказавших в регистрации таких сделок из соображений их реальности, например, если целью получения

доли являлось проживание в такой квартире, но реальная площадь передаваемой доли не позволяла поместить кровать.

В целях разрешения данной проблемы, с 1 сентября 2022 года Федеральным законом от 14 июля 2022 г. N 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации дополнило правило не допускающее совершение действий, влекущих разделение жилого помещения на доли менее шести квадратных метров общей площади жилого помещения на каждого сосособственника. Подобные сделки теперь признаются ничтожными. Законодательное ограничение практики дробления жилых помещений до микродолей привело к уменьшению масштаба проблемы, но значительное количество жилых помещений уже разделено на микродоли и новое правило к ним неприменимо. Кроме того, от ограничения освобождены случаи дробления жилья в порядке наследования или приватизации, что оставляет существенные лазейки, особенно, в последнем случае. Это снижает эффективность принятых мер и требует дополнительного разъяснения высшей судебной инстанции для обеспечения единообразного правоприменения в данной сфере [3, ст. 92].

На данный момент, представляется возможным внести еще ряд изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, дополнив его нормой о запрет на дарение доли в праве собственности на жилое помещение постороннему лицу, не являющемуся членом семьи проживающих в жилом помещении граждан. Такая мера обосновывается необходимостью устранить возможность обхода положений законодательства о преимущественном праве покупки, конечно, бремя проверки снова возлагается на нотариуса, однако это лучше, чем судебные споры [4, ст. 10] о признании таких отказов в регистрации недействительными.

Подобную норму можно ввести и в отношении наследуемой доли, сложность в том, что это искусственно ограничивает круг наследников, и лишает наследодателя возможности выразить свою волю и отдать такую долю не члену семьи. Данный вопрос требует более детального обсуждения, однако некоторые авторы уже пришли к выводу, что такая норма допустима. Безусловно, данное предложение не разрешит всех проблем, которые могут возникнуть. В том числе, и между членами семьи, однако, исключит возможность вселения и проживания в жилом помещении чужих для сосособственников людей [5, ст. 222].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Законодательное регулирование взаимоотношений между собственниками жилых помещений и долей в них направлено на достижение баланса между преимуществами владения недвижимостью и сопутствующими рисками. Введенное обязательное нотариальное удостоверение сделок по отчуждению долей оказалось недостаточным для полной защиты прав участников долевой собственности. Судебная практика по данному вопросу неоднозначна, что требует разъяснений высшей судебной инстанции. Для дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере целесообразно внести дополнительные, представленные в данной статье изменения в Жилищный кодекс Российской Федерации, поскольку указанные меры позволят повысить эффективность правового регулирования отношений долевой собственности, обеспечить более надежную защиту прав участников и снизить риски мошенничества.

1. Осадченко, Э. О. Проблемы правового регулирования отношений собственности, связанных с реализацией правомочий распоряжения жилым помещением / Э. О. Осадченко // Современное общество и наука: социально-экономические проблемы в исследованиях преподавателей вуза: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27 февраля 2015 года / Г.Н. Дудукалова (гл. редактор). – Волгоград: Издательство Феникс, 2015. – С. 211-214. – EDN TZHKVR.
2. Иншакова, А. О. Квалифицированная юридическая помощь в профилактике и урегулировании конфликтов: досудебные и процессуальные методы / А. О. Иншакова // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 6-14. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2019.1.1. – EDN NGHCWI.
3. Осадченко Е.О. Применение правил об эвикции в отечественном гражданском праве // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19 №2 – С. 92-94.
4. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-Правовая реальность / А. О. Иншакова // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6-16. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1. – EDN INKJYU.
5. Волковская, Л. Н. К вопросу о доле в праве собственности на жилое помещение как объекте жилищных и гражданских прав / Л. Н. Волковская // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 221-223. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_221. – EDN RUTZBN.

Осадченко Э.О., Ясагашвили Д.З.

Анализ законодательного регулирования договора дарения жилого помещения

Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-238

Аннотация

В статье анализируется законодательно регулирование заключения договора дарения жилого помещения, его правовая природа и некоторые особенности.

Ключевые слова: договор дарения, жилое помещение, наследование, признание договора недействительным, отлагательное условие, безвозмездность.

Abstract

The article analyzes the legislative regulation of the conclusion of a contract for the donation of residential premises, its legal nature and some features.

Keywords: donation agreement, residential premises, inheritance, invalidation of the contract, suspensive condition, gratuitousness.

Согласно статье 572 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор дарения представляет собой обещание дарителя, сделанное в надлежащей форме, о безвозмездной передаче имущества или освобождении от имущественной обязанности одаряемого [1, ст. 90]. В контексте дарения, как юридического факта, передача жилого помещения по такому договору предполагает передачу конкретного жилого помещения, принадлежащего дарителю, во владение одаряемого, выраженное в письменной форме и подлежащее государственной регистрации в соответствии с гражданским законодательством. Учитывая необходимость государственной регистрации договора дарения жилого помещения и взаимного согласия сторон, для признания договора действительным обязательным является указание в нем персональных данных сторон и предмета договора — жилого помещения.

Важным признаком договора дарения является его безвозмездный характер [2, ст. 173], предполагающий отсутствие встречного предоставления имущества или иных материальных благ, наличие же обязательств в качестве условия передачи права собственности на жилое помещение квалифицирует сделку как притворную, поскольку она фактически сопряжена с обязанностью лица компенсировать стоимость предоставляемого жилого помещения и заменяет куплю-продажу, что противоречит безвозмездной природе дарения. Исключением из этого правила является пункт договора о возмещении дарителю расходов, связанных с совершением дарения, при условии, что эти расходы не входят в стоимость самого предмета дарения. Такие расходы могут включать в себя, например, затраты на оформление документов, регистрацию сделки или оценку имущества.

Ее одним неперенным условием действительности договора дарения является взаимное волеизъявление сторон на передачу и принятие дарителем и одаряемым соответственно. Отсутствие явно выраженного согласия хотя бы одной из сторон влечет недействительность договора, что сильно отличает такой договор от завещания где желание наследника не учитывается.

Договоры о дарении недвижимого имущества считаются исполненными с момента государственной регистрации и не могут быть отменены на основании пунктов, указанных в статье 577 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, ст. 211], но договор дарения может предусмотреть возможность заключения такого договора с отлагательным условием, не связанным с взаимным предоставлением имущественного блага. В таких случаях, согласно статье 157 ГК РФ, передача прав собственности не может быть осуществлена до тех пор, пока не будет выполнено указанное условие. В случае дарения доли жилого помещения, а также когда собственником жилого помещения или его доли является несовершеннолетний или ограниченно дееспособный гражданин, помимо государственной регистрации требуется нотариальное удостоверение договора. Это требование вытекает из статьи 42 Федерального

закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», содержащей перечень сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению. Данная норма обеспечивает дополнительную защиту граждан от мошеннических действий и иных злоупотреблений, связанных с утратой жилого помещения.

Тем не менее, статья 578 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит ряд положений, предусматривающих условия отмены договора дарения, которые распространяются в том числе на договор дарения жилого помещения [4, ст. 10]. При этом законодательство не устанавливает четкого и всеобъемлющего механизма реализации этого права. Нормативно-правовые акты регламентируют лишь одно условие осуществления процесса отмены дарения: необходимость обращения в суд для отмены дарения в случае смерти дарителя, ненадлежащего использования жилого помещения и дарения в период процедуры банкротства. Однако представляется целесообразным обращение в судебную инстанцию для разрешения вопроса об отмене дарения во всех предусмотренных законом случаях в связи с наличием государственной регистрации данного договора.

Согласно части 3 статьи 572 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор дарения не может содержать условие о передаче жилого помещения после смерти дарителя. Передача недвижимого имущества после смерти собственника возможна исключительно в порядке наследования. Однако если при заключении договора дарения не было намерения осуществить передачу только после смерти, но государственная регистрация и (или) фактическая передача права собственности не были завершены до наступления смерти дарителя, возможны два варианта правовых последствий:

1. Жилое помещение включается в наследственную массу, а договор дарения признается недействительным в связи со смертью дарителя;
2. Признается действительность совершенной сделки, регистрация перехода права собственности осуществляется, и имущество передается одаряемому. Выбор конкретного варианта последствий производится в каждом случае индивидуально с учетом обстоятельств дела [5, ст. 125].

Таким образом, договор, предусматривающий сохранение за дарителем права собственности или владения жилым помещением, представляет собой смешанный договор, содержащий два самостоятельных предмета: дарение и обременение права собственности. В соответствии с пунктом 3 статьи 421 Гражданского Кодекса Российской Федерации, наличие нескольких договорных элементов, объединенных в одном договоре, обуславливает его смешанный характер. Применительно к рассматриваемому договору, к части, касающейся дарения, будут применяться нормы главы 32 ГК РФ. Обязательство дарителя по сохранению права проживать пожизненно в подаренной квартире будет регулироваться общими положениями о сделках, обязательствах и договорах, предусмотренными Гражданским Кодексом.

1. Осадченко, Э. О. Применение правил об эвдикции в отечественном гражданском праве / Э. О. Осадченко // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 89-96. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.13. – EDN ALWVIV.
2. Манько, О. В. Актуальные проблемы, возникающие при применении правовых норм о договоре дарения жилого помещения / О. В. Манько, И. К. Дибирова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12-4(114). – С. 172-175. – DOI 10.23670/IRJ.2021.114.12.150. – EDN PYDDNF.
3. Осадченко, Э. О. Проблемы правового регулирования отношений собственности, связанных с реализацией правомочий распоряжения жилым помещением / Э. О. Осадченко // Современное общество и наука: социально-экономические проблемы в исследованиях преподавателей вуза : Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27 февраля 2015 года / Г.Н. Дудукалова (гл. редактор). – Волгоград: Издательство Феникс, 2015. – С. 211-214. – EDN TZHKVR.
4. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-Правовая реальность / А. О. Иншакова // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6-16. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1. – EDN INKJYU.
5. Осадченко, Э. О. Правовая природа прав граждан на жилище / Э. О. Осадченко // Актуальные проблемы, технологии и инновации в образовании и науке : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27 февраля 2018 года / Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью "НИКО-ПРИНТ", 2018. – С. 124-129. – EDN VRRFAE.

Осадченко Э.О., Ясагашвили Д.З.

Проблемы правового регулирования договора дарения жилого помещения

Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-239

Аннотация

В статье анализируется законодательно регулирование заключения договора дарения жилого помещения. Анализируются некоторые положения гражданского законодательства, и делается вывод об их эффективности, и высказываются предложения о внесении в него изменений.

Ключевые слова: договор дарения, договор дарения жилого помещения, право собственности, безвозмездность, отмена дарения, распоряжение имуществом.

Abstract

The article analyzes the legislative regulation of the conclusion of a contract for the donation of residential premises. Some provisions of civil legislation are analyzed, and a conclusion is drawn about their effectiveness, and proposals are made to amend it.

Keywords: donation agreement, residential premises donation agreement, ownership, gratuitousness, cancellation of donation, disposal of property.

В жизни обычного человека может произойти ситуация, когда ему необходимо передать свое имущество или его часть другому человеку на безвозмездной основе – в качестве подарка, и таким имуществом может выступать что угодно, даже жилое помещение. Для удовлетворения такой потребности законодатель ввел такую правовую конструкцию как договор дарения, в частности, в рамках проводимого исследования, договор дарения жилого помещения. Согласно статье 572 Гражданского Кодекса Российской Федерации, понятие дарения жилого помещения регулируется следующим образом: одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом [1]. Таким образом, он отражает не только стремление конкретного человека к благородному безвозмездному отчуждению собственности в пользу другого, но и играет важную роль в сфере недвижимости, регулируя права и обязанности сторон и обеспечивая законность передачи жилья. При этом законодатель не ограничивает круг одаряемых лиц, выгодоприобретателем может выступать как родственник, так и знакомый.

Но для того, чтобы данный договор был легитимным, то он должен отвечать некоторым условиям, одним из самых важных является то, что он должен быть безвозмездным. В данном случае безвозмездность такого договора подразумевает отсутствие взаимной передачи имущества или иного материального блага. В случае обнаружения подобных обязательств в качестве условия передачи права собственности на жилье приводит к признанию сделки притворной, так как она содержит обязательства по оплате, а значит подменяет под собой иной вид договора, например, купли-продажи и, таким образом, является фактически возмездным договором, что противоречит природе дарения. Однако, как у любого правила, у этого условия есть исключение, и им является пункт об обязанности возмещения дарителю расходов по совершению дарения, если это не входит в ценность самого объекта дарения [2, ст. 306].

Договоры о дарении недвижимого имущества считаются исполненными с момента государственной регистрации и не могут быть отменены на основании пунктов, указанных в статье 577 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Но законодатель предусмотрел условие, прописанное в статье 578 ГК РФ, по которому даритель может «отказаться от исполнения договора при существенном изменении имущественного, семейного положения, либо состояния здоровья» [3, ст. 124]. Данное положение активно обсуждается в

научном сообществе, одна из причин это субъективный характер таких условий, законодательство не предусматривает четкого и полного хода реализации этого права, в каждом конкретном случае суд должен давать индивидуальную оценку серьезности таких изменений в жизни дарителя, это дает большую нагрузку на судебную систему. Однако, с учетом наличия государственной регистрации договора, появление судебной инстанции для разрешения вопроса об отмене дарения и во всех иных предусмотренных законом случаях кажется необходимым [4, ст. 6].

Помимо вышесказанного, в случае смерти дарителя, наследники могут попытаться оспорить такую сделку. В таких случаях [5, ст. 140] судам приходится учитывать возможность заключения договора дарения с отлагательным условием, не связанным с взаимным предоставлением имущественного блага, согласно статье 157 ГК РФ. В таких случаях передача прав собственности не может быть осуществлена до тех пор, пока не будет выполнено указанное условие. В случае удовлетворения иска и прекращения дарения жилого помещения суд должен определить не только отмену соответствующего договора, но и возврат жилого помещения дарителю в связи с передачей права собственности на жилое помещение предыдущему владельцу, введения жилого помещения к наследственную массу.

Также спорным вопросом является условие отмены дарения, если обращение одаряемого с подаренным имуществом, имеющим для дарителя большую неимущественную ценность, создает риск безвозвратной потери. Особенностью рассмотрения подобных споров является то, что условие о возможности такой отмены не обязательно должно быть включено в договор, следовательно, если одаряемый решит реконструировать или снести полученное в дарении жилое помещение, и этот дом имеет для дарителя большую ценность, например, как память, одаряемый имеет право отменить договор дарения. Также даритель может включить в договор пункт о том, что в случае смерти дарителя право собственности на жилое помещение возвращается к дарителю. При применении данного пункта нотариус не может включать данное жилое помещение в наследственную массу одаряемого, и наследники перенимают обязательство по возвращению жилого помещения и права собственности на него дарителю [6, ст. 173].

Таким образом, указанные ситуации ставят под сомнение надежность договора дарения жилого имущества, поскольку при получении права собственности на недвижимое имущество, новый собственник может распоряжаться им по своему усмотрению, но закон предусматривает множество субъективных условий, которые позволяют вернуть когда-то полученное имущество прежнему хозяину. В связи с этим предлагаем внести изменения в статью 577 ГК РФ и признать пункт 1 утратившим, силу 587 ГК РФ и признать пункт 2 утратившим силу.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета.
2. Маковский А.Л. Дарение. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст. Комментарии / А.Л. Маковский. М., 2021.
3. Осадченко, Э. О. Правовая природа прав граждан на жилище / Э. О. Осадченко // Актуальные проблемы, технологии и инновации в образовании и науке : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27 февраля 2018 года / Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью "НИКО-ПРИНТ", 2018. – С. 124-129. – EDN VRRFAE.
4. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-Правовая реальность / А. О. Иншакова // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6-16. – DOI 10.15688/IC.jvolsu.2023.2.1. – EDN INKJYU.
5. Иншакова, А. О. Зеленые облигации и промышленные закладные как Ключевые финансовые инструменты устойчивого развития / А. О. Иншакова, Э. О. Осадченко // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 140-146. – DOI 10.15688/IC.jvolsu.2023.1.19. – EDN GKJXR. Иншакова, А. О. Зеленые облигации и промышленные закладные как Ключевые финансовые инструменты устойчивого развития / А. О. Иншакова, Э. О. Осадченко // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 140-146. – DOI 10.15688/IC.jvolsu.2023.1.19. – EDN GKJXR.
6. Манько, О. В. Актуальные проблемы, возникающие при применении правовых норм о договоре дарения жилого помещения / О. В. Манько, И. К. Дибирова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12-4(114). – С. 172-175. – DOI 10.23670/IRJ.2021.114.12.150. – EDN PYDDNF.

Павлова В.Д.

Проблемы баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе

*ВЮИ ФСИН России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-240

Научный руководитель: Рябчиков В.В.

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся проблемы баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе. Исследуются различные подходы, критерии оценки, выводы ученых-процессуалистов по вопросу соотношения частных и публичных начал в уголовном процессе. Рассматриваются различные мнения, связанные с пониманием теоретических и практических проблем. Проводится анализ перечисленных проблем. Рассматриваются процессуальные средства совершенствования баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе.

Ключевые слова: предварительное расследование, публичный интерес, частный интерес, принципы уголовного судопроизводства.

Abstract

The article discusses some issues related to the problem of balancing private and public interests in criminal proceedings. Various approaches, evaluation criteria, and conclusions of procedural scientists on the correlation of private and public principles in criminal proceedings are investigated. Various opinions related to the understanding of theoretical and practical problems are considered. The analysis of the listed problems is carried out. The procedural means of improving the balance of private and public interests in criminal proceedings are considered.

Keywords: preliminary investigation, public interest, private interest, principles of criminal procedure.

Проблема баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе является сложной и часто обсуждаемой. Необходимость теоретического разрешения вопроса, касающегося соотношения и сбалансирования частных и публичных интересов, о чем многократно писалось в юридической литературе, при этом решение всегда было неоднозначным. С одной стороны, уголовный процесс должен защищать права обвиняемого и обеспечивать справедливое рассмотрение дела. С другой стороны, он также должен служить интересам общества и обеспечивать исполнение закона.

Е.Ю. Архипова считает, что «на современном этапе указанный вопрос относительно балансирования частных и публичных интересов обостряется и за счет стремления государства обеспечить гибкость правового регулирования, Ситуацию усложняют и текущие тенденции, характерные для современного права, а именно стирание грани между частными и публичными проявлениями в различных правоотношениях» [1].

Баланс частных и публичных интересов - это соотношение между интересами государства, которое осуществляет уголовное преследование и представляет собой защиту общества от преступлений через деятельность государственных органов и должностных лиц, и интересами отдельных лиц - «личным» интересом, который может быть затронут уголовным процессом.

В.В. Богдан полагает, что «эффективность решения данной проблемы во многом должна определяться необходимостью существования права общественных интересов как такового, предполагающей, с одной стороны, создание условий для единообразного понимания категории «общественный интерес», исключая его расширительное толкование в угоду частному или

публичному праву, с другой - установление критериев, способов, механизмов осуществления и защиты общественного интереса с использованием норм как частноправового, так и публично-правового характера» [2].

Частный интерес - правомерный частный интерес, связан с защитой прав и свобод конкретного лица, которое может быть вовлечено в уголовный процесс в том или ином качестве, в первую очередь, обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего. Этот интерес направлен на минимизацию негативных последствий для этих участников уголовного судопроизводства.

Общие тенденции развития российского общества предполагали гармонизацию отношений в различных сферах его жизни на основе согласования правовыми средствами публичных и частных/частных и публичных интересов. В российской правовой науке постепенно формируются представления о том, что противопоставление двух типов отношений в обществе и соответствующих им режимов правового регулирования вряд ли оправдано.

Достичь баланса интересов утверждает А.А. Кержилов «значит создать идеальную модель гражданско-правовой системы общества, где частный интерес не может реализовываться вне условий публичного правопорядка, в то время как у публичного интереса теряется смысл в случае отсутствия его направленности на реализацию частного интереса. То есть частное право, которое является отражением частных интересов, и публичное право, отражающее публичные интересы, считаются составляющими элементами одной системы, то есть отличаются взаимообусловленностью» [5].

«Живыми» называет границы публичного и частного права Д. А. Гаврин, утверждая, что «они находятся в постоянном движении и именно во взаимодействии частного и публичного права проявляется их значимость, а раздельное их существование лишено смысла» [3].

Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе достигается посредством применения различных правовых институтов, таких как: презумпция невиновности; право на защиту, где обвиняемому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, на ознакомление с материалами дела, на участие в судебных заседаниях и т.д.; неприкосновенность личности: запрещается применение пыток, угроз и насилия к обвиняемому; право на обжалование: обвиняемый имеет право обжаловать решение суда в вышестоящие инстанции.

Однако, на практике, достижение баланса между частными и публичными интересами может столкнуться с рядом проблем, в связи с дисбалансом между ресурсами государственных органов и обвиняемого, что может привести к ущемлению прав последнего, обвиняемые могут подвергаться давлению, что нарушает презумпцию невиновности и т. п.

Для обеспечения баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе необходимо строго соблюдать такие принципы, как законность, уважение прав человека, независимость судебной власти, доступ к справедливому судебному процессу, равноправие сторон и исключение произвола.

Эффективное соблюдение этих принципов позволит достичь баланса между частными и публичными интересами в уголовном процессе и обеспечить справедливость для всех участников.

Стремление к достижению этого баланса, считает Е.Ю. Архипова – это объективный закон закономерного развития общества. Что вовсе не означает применения только ограничений и запретов. Речь идет о формировании таких условий, благодаря которым у индивидов будут возникать интересы, соответствующие интересам общества и государства, и наоборот» [1].

Таким образом, решение проблем баланса частных и публичных интересов требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование законодательства, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и развитие механизмов защиты прав участников уголовного процесса. Необходимо уделять должное внимание защите прав обвиняемых, соблюдению процедурных норм и принципам правового государства для достижения баланса и справедливости в уголовном процессе. Главным способом решения проблемы является создание системы, которая будет обеспечивать баланс.

1. Архипова Е.Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132-139.
2. Богдан В.В. Право общественного интереса и концепция деления права на частное и публичное: постановка проблемы // Право и политика. 2017. № 7. С. 110-117.
3. Гаврин Д. А. Частное и публичное право: нарушая гравитацию правовой материи // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 49-56.
4. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 31–37.
5. Кержиков, А.А. Соотношение и взаимообусловленность публичных и частных интересов // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 2. С. 22 - 28.
6. Пушкарев В.В. Презумпция баланса интересов в уголовном судопроизводстве как способ достижения его назначения // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2. № 1(2). С. 147–157.

Пешкова Н.Д.

Уголовно-процессуальный институт отказа государственного обвинителя от обвинения в суде

*(ф) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-241

Аннотация

В статье рассматривается отказ прокурора от обвинения как институт уголовно - процессуального права и как деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: государственный обвинитель, отказ, судебское усмотрение, потерпевший, прокурор, судебный процесс, процессуальное руководство, внутреннее убеждение.

Abstract

The article examines the prosecutor's refusal to charge as an institution of criminal procedure law and as the activity of the public prosecutor in court proceedings.

Keywords: public prosecutor, refusal, judicial discretion, victim, prosecutor, judicial process, procedural guidance, internal conviction.

В российской уголовно-процессуальной науке дискуссии об отказе прокурора от обвинения в рамках судебного производства ведутся уже долгое время и сосредоточены они, как правило, на проблемах процессуальной регламентации последствий реализации прокурором такого права. В контексте обеспечения процессуальной свободы судьи полемика относительно данного института традиционно была связана с вопросом о том, должен ли суд, в случае такого отказа, прекращать уголовное дело и ограничивает ли этот институт судебскую независимость, поиски ответа на который всегда сопровождались противостоянием сторонников состязательного процесса и объективной истины. Еще до закрепления в УПК РФ

существующей модели отказа прокурора от обвинения сторонники «чистой состязательности» восторженно восприняли принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 20 апреля 1999 г., которым фактически была свергнута советская модель института отказа прокурора от обвинения, допускавшая возможность продолжения разбирательства по усмотрению суда. Нашлись и те, кто в последующем увидел в такой модели отказа прокурора от обвинения процессуальную зависимость судебной власти от органов обвинения.

В настоящее время многие точки зрения относительно рассматриваемой проблемы продолжают строиться на основе авторских предпочтений либо типа уголовного процесса, с которым принято связывать формирование модели отказа от обвинения, либо принципов объективной и формальной истины.

Прокурор является должностным лицом органов прокуратуры. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Участие государственного обвинителя в судебном заседании является обязательным по делам публичного, частно-публичного обвинения и в некоторых случаях по делам частного обвинения. Функция прокурора в суде заключается в том, что он осуществляет уголовное преследование, путём поддержания государственного обвинения. Однако, хотелось бы отметить, что поддержание обвинения в суде во что бы это не стало не является безоговорочной обязанностью государственного обвинителя. В связи с чем, возникает закономерный вопрос. Каковы полномочия прокурора, в случае, когда в ходе судебного разбирательства он пришел к внутреннему убеждению, что обвинение необоснованно? Уголовно-процессуальный кодекс дает весьма четкий ответ на этот вопрос.

Прокурор поддерживает государственное обвинение по уголовному делу руководствуясь требованиями закона и своим внутренним убеждением, сформировавшимся на основе исследований обстоятельств дела. Ключевым моментом в уголовном праве является тот факт, что прокурор имеет право поддерживать обвинение только в меру его доказанности. Принцип процессуальной самостоятельности гласит, что позиция прокурора в суде никак не может переплетаться с основными выводами обвинительного заключения или обвинительного акта, а имеет право основываться только на результатах исследования доказательств по уголовному делу в судебном заседании. В ходе судебного разбирательства прокурор может отказаться от своих обвинений, если он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

В соответствии, с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса.

Важно отметить, что отказ государственного обвинителя от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или частично по существующим основаниям, предусмотренным: п. 1 ч. 2 ст. 24 УПК РФ – отсутствие события преступления; п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ - отсутствие в деянии состава преступления или п.1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ - непричастность подсудимого к совершению преступления или п. 2 ч. 1 ст.

В науке имеются различные точки зрения, ставшими предметом широкой дискуссии, определяющие последствия несогласия государственного обвинителя с предъявленными обвинениями. Одни авторы считают, что отказ прокурора от обвинения без согласия потерпевшего нарушает права последнего. Так в случае отказа прокурора от обвинения потерпевший как бы лишен права изложить суду основания своего убеждения в том, что вина подсудимого в ходе судебного следствия не доказана. Таким образом, потерпевший лишается и права на доступ к правосудию, и компенсации причиненного ущерба. В противовес этому, другие наоборот считают, что отказ прокурора от обвинения не влечет нарушения прав

потерпевшего, они полагают, что бремя доказывания обвинения и опровержение доводов в защиту обвиняемого лежит исключительно на прокуроре.

Следует обратить внимание на тот факт, что отказ прокурора от обвинения не означает немедленное прекращение рассмотрения уголовного дела в суде. Конституционный суд РФ постановил, что суд должен выносить решение по таким делам только после исследования всех материалов дела, заслушивания стороны обвинения и стороны защиты. Также Конституционный суд РФ отметил, что это необходимо для возможной дальнейшей проверки решения суда первой инстанции судом вышестоящей инстанции. Из данного Постановления Конституционного Суда РФ следует, что дела, прекращенные вследствие отказа государственного обвинителя от обвинения теперь, можно обжаловать в апелляционном и кассационном порядке. До 30 октября 2009 в соответствии с УПК РФ пересмотр определения или постановления суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения допускался лишь при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств. Данная норма была признана не соответствующей Конституции и утратила силу. Теперь же есть возможность пересмотра дел, которые были прекращены вследствие отказа государственного обвинителя от обвинения.

Согласно действующему законодательству, отказ прокурора от обвинения может быть либо полным, либо частичным. Изучив и проанализировав судебную практику, по данному вопросу, становится ясно, что отказ от обвинения случался в очень редких случаях. Это также подтверждается мнением И. Исаева и А. Перова, которые в своей научной работе пишут:

«Практика реализации подобного права в России фактически отсутствует. Возможно, это связано с тем, что лишь в единичных случаях органы прокуратуры находят в себе смелость признать свою ошибку». Савоськин А.В. и Сошникова И.В. указывают: «Частичный отказ прокурора от обвинения изменяет пределы судебного разбирательства согласно ст. 252 УПК РФ и в практике его применение встречается чаще, чем отказ в полном объеме.

В современной правоприменительной практике отказ прокурора от обвинения встречается очень редко. Заметно больше в этом отношении количества случаев изменения прокурором обвинения в суде. Изучение уголовных дел, в которых были заявлены отказы от обвинения или изменены обвинения в сторону смягчения, показало, что суды практически всегда, следуя требованиям закона, прекращают уголовное дело или выносят приговор в соответствии с «новой» квалификацией.

В то же время весьма примечательно, что больше половины (57 судей – 50,89 %, учитывая, что 13 затруднились ответить на данный вопрос) судей полагают, что отказ прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства не должен безальтернативно влечь прекращение уголовного дела, а должен рассматриваться судом как ходатайство стороны обвинения. Получается, что отношение судей к существующей регламентации этого института как минимум неоднозначно. Можно ли объяснить такие цифры лишь ментальной привязанностью к советской модели отказа прокурора от обвинения? Думается, что на формирование такой позиции в первую очередь влияет то, какой оказывается практика отказов от обвинения и изменения обвинения, с которой сталкиваются судьи. Возможно, именно поэтому существуют единичные примеры, когда суды не соглашались с отказом от обвинения или его изменением. При всей неоднозначности таких решений с точки зрения законности именно в них видится реализация свободы судейского усмотрения.

Как было упомянуто выше, институт же изменения обвинения более часто применяется государственными обвинителями, так, в пример можно привести случай из практики, в котором в ходе судебного разбирательства по уголовному делу деяния обвиняемого были переклассифицированы прокурором с ч.1 ст. 113 УК РФ ч.2 ст. 163 УК РФ на ч. 2 ст. 163 УК РФ.

Проблемность данного вопроса, по-нашему мнению, заключается именно в возникновении подобных прецедентов в случаях, когда над уголовным делом работает 2, а то и 3 разных сотрудников прокуратуры. Совсем другая ситуация возникает в том случае, когда в ходе судебного разбирательства прокурор отказывается от обвинения по тому уголовному делу, которое сам утвердил и направил для рассмотрения в суде, ведь это явно вызывает вопросы о

компетенции, правомерности и соблюдении принципов законности со стороны этого должностного лица.

Однако и в этом случае могут быть различные причины, послужившие мотивом для принятия такого решения. Случается, что в ходе судебного разбирательства прокурор сталкивается с безысходностью в выборе решения о дальнейшей судьбе обвинения по уголовному делу, а вызвано это может быть различными причинами, начиная от изменений показаний участниками судебного процесса, заканчивая выяснением неизвестных и не добытых в ходе предварительного расследования подробностей, а также признание доказательства недопустимым.

Например, в ст. 5 УПК РФ указано, что алиби – факт нахождения подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте, дело в том, что подобный факт не всегда можно достоверно установить в ходе проведения предварительного расследования уголовного дела, случается, что алиби устанавливается в ходе судебного разбирательства и в подобном случае у прокурора не остается иного выбора, кроме как отказаться от обвинения по уголовному делу. Это лишь один случай из списка непредвиденных обстоятельств, которые в силу человеческого фактора, несмотря на профессионализм и руководство буквой закона, не были установлены сотрудниками следственного органа.

Таким образом, можно прийти к выводу о необходимости внедрения единого и непосредственного надзора прокурора за уголовным делом, во избежание тех ошибок и правовых казусов, которые возникают на сегодняшний день. По нашему мнению, именно такое дополнение действующего законодательства позволит институту отказа прокурора от обвинения раскрыться в полном объеме во имя закона и справедливости.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г.] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.04.2023).
2. Сазин, Д. С. Ошибки, допускаемые государственным обвинителем в процессе доказывания / Д.С. Сазин / Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции, электронный журнал Аллея Науки». 2022. № 11(50). С. 54-66.
3. Еремин, А. В. История отечественной прокуратуры: учебное пособие / А. В. Ерёмин. Санкт - Петербург: Санкт - Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 136 с.
4. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер // Самара: Изд-во «Самарский университет». 2019. №4 С. 25-29.
5. Ульянов, В. Вопросы государственного обвинения к новому УПК / В. Ульянов // Российская юстиция. 2022. № 10. С. 58-65.

Пивень А.В., Дулепина О.В.

Проблемы обеспечения безопасности стороны защиты в уголовном процессе

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-242

Аннотация

Данная работа нацелена на изучение проблематики нормативного обеспечения безопасности участников со стороны защиты в системе уголовного судопроизводства. В статье подчеркивается, что закрепления принципа охраны прав и свобод человека и гражданина недостаточно для того, чтобы утверждать о полноценном гарантировании безопасности участников. Кроме того, в статье указывается на высокую потребность в изменении соответствующих норм УПК РФ и иных актов, регламентирующих как охрану прав и свобод, так и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: сторона защиты, участники уголовного процесса, уголовное судопроизводство, безопасность участников, гарантии безопасности, меры обеспечения безопасности, уголовный процесс, свидетельский иммунитет, личная безопасность.

Abstract

This work is aimed at studying the problems of normative security of participants on the part of the defense in the criminal justice system. The article emphasizes that the only principle of protection of human and civil rights and freedoms is insufficient to assert a full-fledged guarantee of the safety of participants. In addition, the article indicates a high need to change the relevant norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other acts regulating both the protection of rights and freedoms and ensuring the safety of participants in criminal proceedings.

Keywords: the defense party, participants in the criminal process, criminal proceedings, the safety of participants, security guarantees, security measures, criminal proceedings, witness immunity, personal safety.

В отечественном законодательстве участники уголовного процесса, включая сторону защиты (п. 46 ст. 5, ст. ст. 46-55 УПК РФ), классифицированы в соответствии с закрепленными за ними функциями, что, на наш взгляд, является ошибочным: заведомое отнесение следователя и дознавателя к стороне обвинения противоречит не только содержанию их деятельности, конечная цель которой заключается в установлении объективной истины по уголовному делу, но и назначению уголовного судопроизводства – защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод граждан.

Необходимость аналогичного выделения стороны защиты в соответствующую группу бесспорна и обосновывается, в том числе, свидетельским иммунитетом. Однако, в практической деятельности наработаны его «обходные пути»: посредством допроса, так называемого, заподозренного лица оно допрашивается в качестве свидетеля с последующим признанием его в качестве подозреваемого путем получения признательных показаний – с точки зрения УПК РФ, данная уловка считается правомерной ввиду того, что такое лицо (свидетель) иммунитетом не обладает. Исходя из чего, мы считаем важным предложить разработку иного статуса для описываемых лиц, наделение которым обеспечит возможность защищаться, в том числе, и с участием адвоката. Более того, «право на молчание» предоставляется лицу как одно из средств защиты от воздействия недобросовестных сотрудников правоохранительных органов.

Институт отводов, предоставляющий возможность отстранить от участия в процессе тот субъект производства, чья объективность вызывает обоснованные сомнения, также возможно отнести к мерам обеспечения безопасности – данная процедура способствует законности, объективности процесса и соответствует назначению уголовного судопроизводства в целом.

На наш взгляд, запрет определенных действий, регламентированный статьей 105.1 УПК РФ, следует отнести к мерам обеспечения безопасности участников процесса наравне с перечисленными выше статьями. Такое предложение основывается на мнении ученых процессуалистов о том, что основа скрытого воздействия на участников выражается в ходе общения с ними, так как именно в процессе общения применяются угрозы, шантаж и иные способы давления на подозреваемого (обвиняемого) и дачу им показаний. В свою очередь, в ст. 105.1 УПК РФ содержится запрет на общение с определенными лицами, использование средств связи, сети «Интернет» и иные ограничения, способствующие пресечению описанного ранее противодействия.

Меры обеспечения безопасности применимы ко всем участникам уголовного процесса со стороны защиты, однако, исходя из содержания п. 3 ст. 6 № 119-ФЗ, некоторые из данных мер (замена документов, переселение и др.) возможно использовать только при тяжких и особо тяжких преступлениях – тем самым меры безопасности для лиц, совершивших такие деяния расширяются, но одновременно данные меры ограничиваются для всех остальных категорий.

Право на обеспечение безопасности участников процесса со стороны защиты вовсе не имеет прямого закрепления в УПК РФ: Кодекс предусматривает заявление ходатайств о применении мер безопасности от лица свидетеля и потерпевшего, тогда как в перечень прав подозреваемого и обвиняемого (согласно, ст. 46 УПК РФ, ст. 47 УПК РФ) данное право не входит. Стоит отметить, что ходатайство является лишь поводом для обеспечения таких мер, но

не обязательным условием. Однако, даже предоставления права на заявление таких ходатайств достаточным не является, в науке уголовного процесса выделяется мнение о том, что существует ряд случаев, требующих применения особых мер обеспечения безопасности, например, к таким случаям относят: выделение материалов уголовного дела о групповых преступлениях в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве и др. Федеральным законом №119-ФЗ названы меры безопасности от потенциального неправомерного воздействия, доступные для участников со стороны защиты, но ФЗ ограничивает права данных участников, лимитируя группу таких мер.

Отметим тот факт, что для осуществления безопасности подозреваемых, обвиняемых лиц в уголовном процессе могут применяться только отдельные меры из тех, что предусмотрены статьей 6 № 119-ФЗ, не отменяет того, что при содержании данных лиц под стражей сотрудники учреждений, включая администрацию, несут на себе обязанность по обеспечению полноценных мер как личной безопасности участников, так и сохранности их имущества. Однако, конкретные действия данных сотрудников УПК РФ не регламентированы.

Также стоит отметить, что законодательство, не в полной мере учитывая неординарность деятельности адвоката-защитника, полноценно не гарантирует безопасность ее осуществления. Законодатель упускает из виду тот факт, что общение адвоката с преступным лицом способно создать угрозу совершения опасных для жизни и здоровья действий последним, в особенности для адвоката-представителя. Исходя из сказанного, мы считаем, что распространение на адвоката (вне зависимости от того, какую сторону он представляет в процессе) всех норм Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства представляется чрезвычайно необходимым.

Многочисленны случаи нарушения имущественных прав граждан, средством устранения которых представляется гражданский иск в уголовном процессе – в случае предъявления иска, в уголовный процесс на стороне защиты вступают гражданский ответчик и его представитель. И, хотя № 119-ФЗ не предоставляет законодательного разграничения мер безопасности между участниками, на практике к гражданскому ответчику чаще применяются меры, регламентированные первыми тремя пунктами статьи 6, что, очевидно, является недостаточным для полноценного обеспечения безопасности указанных лиц.

Стоит также учитывать, что особое положение в уголовном процессе занимает несовершеннолетний обвиняемый. Он, как особый участник процесса должен быть обеспечен достаточно эффективными средствами защиты – подчеркивает в своих научных трудах Пивень А. В., выделяя проблему ознакомления с материалами уголовного дела несовершеннолетнего обвиняемого в аспекте обеспечения его прав, а именно: наличие существенных противоречия в нормах закона, касающиеся прав и обязанностей законного представителя несовершеннолетнего. Разрешение данной проблемы предлагается также путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство: в главе 50 УПК РФ предусмотреть отдельную статью, подобной ст. 398 УПК РСФСР, с формулированием порядка обязательного участия законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при ознакомлении со всеми материалами уголовного дела.

Ввиду недостаточного уровня финансирования (в том числе, технического) и существенных законодательных пробелов затруднительно практическое применение таких мер безопасности, как замена документов, переселение в другое место жительства, изменение внешности – данные меры считаются финансово недоступными и не применяются вопреки конституционной обязанности защиты участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, путем сравнительного анализа уголовно-процессуальных норм, мы можем прийти к следующим выводам: действующий УПК РФ не способен полноценно регламентировать процесс обеспечения безопасности участников судопроизводства, и в наибольшей проработке нуждается проблематика именно в области обеспечения безопасности стороны защиты. Для оказания действенной государственной защиты участников необходимы

изменение и конкретизация не только уголовно-процессуального законодательства, но и всего отечественного законодательства в целом.

Существует необходимость в конкретизации и последовательном законодательном закреплении гарантий и действий соответствующих органов, создании их четкого регламента, направленного на пресечение потенциальных и устранение реальных угроз для участников уголовного судопроизводства.

1. Зарипов Ф. Ф. Применение мер обеспечения безопасности к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, вып. 6 – С. 824.
2. Пивень А. В., Малин П. М. Обеспечение прав несовершеннолетнего обвиняемого при ознакомлении с материалами уголовного дела // Научный журнал КубГАУ, №133(09). 2017 года. С. 1-10.

Полуянова Е.В.

**Актуальные вопросы, связанные с обезличиванием персональных данных
в Российской Федерации**

*Владимирский юридический институт ФСИИ России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-243

Аннотация

Проанализированы положения законодательства о персональных данных, связанные с обезличиванием персональных данных, а также рассмотрены свойства, которыми должны обладать обезличенные персональные данные.

Ключевые слова: персональные данные, обработка, обезличивание, свойства, полнота информации, структурированность, релевантность, семантическая целостность, применимость, анонимность, уголовно-исполнительная система.

Abstract

The provisions of the legislation on personal data related to the depersonalization of personal data are analyzed, as well as the properties that depersonalized personal data should possess are considered.

Keywords: personal data, processing, depersonalization, properties, completeness of information, structuring, relevance, semantic integrity, applicability, anonymity, penal enforcement system.

Целью Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) является обеспечение защиты прав и свобод гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [1]. Любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) является его персональными данными. А любое действие или совокупность действий с персональными данными, совершаемые с использованием средств автоматизации или без использования таких средств считается их обработкой. В соответствии с п. 3 ст. 3 Закона № 152-ФЗ действие или их совокупность могут быть различными, это сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение, извлечение, использование, передача, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных. Также, одним из действий, осуществляемых при обработке персональных данных лица, является их обезличивание. Обезличивание персональных данных, это действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных (п. 9 ст. 3 Закона № 152-ФЗ). Следует пояснить, что обезличивание необходимо для того, чтобы обеспечить защиту прав

субъектов персональных данных при их обработке. Контроль и надзор за действиями по обработке персональных данных, в соответствии с п. 1 раздела I Постановления Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) [2]. Так, приказом Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 утверждены требования и методы по обезличиванию персональных данных, обрабатываемых в информационных системах персональных данных [3]. В соответствии с п. 3 данного приказа, обезличивание персональных данных должно обеспечивать не только защиту от несанкционированного использования, но и возможность их обработки. Отметим, что обезличенные данные должны обладать определенными свойствами, сохраняющими основные характеристики обезличиваемых персональных данных и обеспечивающих невозможность определить их принадлежность конкретному субъекту персональных данных (рис. 1).

Рисунок 1. Свойства обезличенных персональных данных, структурированных в соответствии с п. 4 приказа Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996.

Первым свойством, которым должны обладать обезличенные персональные данные физического лица, это полнота информации. Полнота информации о конкретных субъектах предполагает сохранение всей информации о них до обезличивания. Вторым свойством, является структурированность, а именно сохранение структуры и структурных связей между обезличенными данными конкретного субъекта, имевшимися до обезличивания. Третье свойство – релевантность, то есть возможность обработки запросов по обработке персональных данных и получения ответов в одинаковой семантической форме. Четвертым свойством является семантическая целостность, что означает сохранение семантики – смысловой составляющей персональных данных при их обезличивании. Пятым свойством следует отметить применимость, что означает сохранение возможности решения задач по обработке персональных данных, стоящих перед оператором, осуществляющим обезличивание персональных данных без предварительного деобезличивания всего объема записей о субъектах. Термин «деобезличивание», имеет противоположное смысловое значение от термина «обезличивание», это действия, в результате которых обезличенные данные принимают вид, позволяющий определить их принадлежность конкретному субъекту персональных данных. Шестым свойством является анонимность, то есть невозможность однозначной идентификации субъектов данных, полученных в результате обезличивания, без применения дополнительной информации. На наш взгляд, анонимность является основным из шести перечисленных свойств, так как именно это свойство позволяет исключить однозначную идентификацию субъекта без применения дополнительной информации, это и является основной задачей обезличивания. Уточним, что с целью оказания помощи операторам, осуществляющим обработку персональных данных, Роскомнадзором подготовлены Методические рекомендации по применению приказа Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 [4], которые содержат методологию обезличивания персональных данных в информационных системах, а также построение процессов дальнейшей обработки данных, полученных в результате обезличивания.

Следует отметить, что задача по обезличиванию персональных данных стоит и перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации (далее – УИС РФ). По мнению И.В. Бондаренко, персонал уголовно-исполнительной системы при обеспечении конституционного права осужденных на безопасность обязан соблюдать конфиденциальность их персональных

данных [6, 196]. Конфиденциальность персональных данных лиц (подозреваемых, обвиняемых и осужденных), находящихся в учреждениях УИС РФ, должна быть обеспечена выполнением требований Закона № 152-ФЗ, а также положениями нормативных актов Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России). Так, приказом ФСИН России от 23.06.2020 № 417 закреплены правила обработки персональных данных в УИС РФ [5]. Нормами Приложения № 4 данного приказа, закреплены правила работы с обезличенными данными в случае обезличивания персональных данных в УИС РФ. В соответствии с п. 2 Приложения № 4 приказа ФСИН России от 23.06.2020 № 417 обезличенные персональные данные не подлежат разглашению и нарушению конфиденциальности, а также, совместное хранение персональных данных и обезличенных данных не допускается (п. 6). Кроме того, в п. 1 Приложения № 4 приказа ФСИН России от 23.06.2020 № 417 зафиксировано, что обезличивание персональных данных в УИС РФ проводится в статистических или иных исследовательских целях. Отметим, что в случае решения статистических задач, существуют виды обработки персональных данных, когда наличие всех требуемых свойств (о которых упоминалось выше) не обязательно. Таким образом, в каждом конкретном случае, применяются те методы обезличивания персональных данных, которые гарантируют свойства, необходимые для решения конкретных задач обработки (раздел 1 Методических рекомендаций по применению приказа Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996).

В заключение следует сказать, что в эпоху цифровизации Российского общества и государства обезличивание персональных данных, позволяет исключить вероятность установления принадлежности персональных данных определенному лицу. Обезличивание, дает возможность сократить количество «утечек» персональных данных граждан России, так как невозможно сопоставить имеющуюся в распоряжении потенциальных преступников информацию с конкретным субъектом персональных данных, а значит, и воспользоваться незаконно полученной информацией.

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Методические рекомендации по применению Приказа Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 23.06.2020 № 417 «Об обработке персональных данных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Бондаренко И.В. Правовой анализ проблем защиты персональных данных лиц, осужденных к лишению свободы участников СВО в условиях современной цифровизации общества // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 195-197.

Полюнова Е.В.

Функции и задачи оператора информационной системы в Российской Федерации

*Владимирский юридический институт ФСИН России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-244

Аннотация

В статье проанализированы положения законодательства об информационных технологиях и о защите информации, касающиеся понятия «оператор информационной системы», а также рассмотрены вопросы нормативного регулирования его функций и задач.

Ключевые слова: информационная система, оператор информационной системы, обработка информации, уголовно-исполнительная система, защита информации.

Abstract

The article analyzes the provisions of legislation on information technology and information protection related to the concept of "information system operator", as well as the issues of regulatory regulation of its functions and tasks.

Keywords: information system, information system operator, information processing, penal enforcement system, information protection.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ) регламентирует требования к реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применение информационных технологий и обеспечение защиты информации [1]. Соответствующие отношения возникают по различным направлениям деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, в том числе при создании и функционировании информационных систем. Термин «информационная система» раскрыт в п. 3 ст. 2 Закона № 149-ФЗ, и это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Поясним, что хранящаяся в информационных системах информация, это любые сведения, сообщения, данные, независимо от формы их представления (п. 1 ст. 2 Закона № 149-ФЗ). Все информационные системы должны аккумулировать информацию, которая соответствует назначению системы, обрабатывать ее и своевременно обновлять, то есть выполнять ту функцию, для которой они (системы) и создавались. Деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных, осуществляет оператор информационной системы, которым может быть как юридическое, так и физическое лицо (п. 12 ст. 2 Закона № 149-ФЗ). Отметим, что информационные системы могут быть государственными, федеральными и региональными, муниципальными, а также иными информационными системами (ч. 1 ст. 13 Закона № 149-ФЗ). Формат информационной системы зависит от того на основании решения какого органа она создана. Информационные системы, независимо от их информационной направленности эксплуатируются, оператором, являющимся собственником технических средств, используемых для обработки информации, содержащейся в базах данных, либо лицом, с которым этот собственник заключил договор об эксплуатации информационной системы (ч. 2 ст. 13 Закона № 149-ФЗ). При создании государственной информационной системы, функции ее оператора осуществляются заказчиком, заключившим государственный контракт на создание соответствующей информационной системы. В задачи оператора, кроме осуществления обработки информации, обслуживания технических средств, поддержания их в технически исправном состоянии, также входит администрирование и обеспечение безопасности работы системы, контроль доступа в нее авторизованных пользователей. Оператор информационной системы должен обеспечить защиту информации, которая содержится в ее базах данных, и выполнить ряд требований установленных ч. 4 ст. 16 Закона № 149-ФЗ. Так, оператор информационной системы обязан постоянно контролировать уровень защищенности информации, а в случае выявления несанкционированного доступа, принимать меры по предотвращению передачи ее лицам, не имеющим права доступа к ней. При обнаружении факта несанкционированного доступа, оператор обязан обеспечить незамедлительное восстановление модифицированной или уничтоженной информации. Также, в обязанности оператора входит обеспечение нахождения баз данных информации, с использованием которых осуществляются обработка персональных данных граждан РФ на территории РФ (рис. 1).

Рисунок 1. Требования к оператору по защите информации, размещаемой в информационной системе.

Требования к операторам информационных систем по защите, размещаемой в них информации, также распространяются на информационные системы, функционирующие в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС РФ). В соответствии с Концепцией развития УИС РФ до 2030 года [2], в целях проведения цифровой трансформации перед УИС РФ поставлена задача по созданию и развитию систем сбора и обработки данных, а также обеспечения безопасности при эксплуатации информационных систем, предполагающих обработку персональных данных подозреваемых, обвиняемых и осужденных. А.Ю. Сивцова отмечает, что УИС РФ в правоотношениях, связанных с получением, обработкой и последующим использованием и хранением информации об осужденных, относимой к категории персональных данных, в лице органов и учреждений выступает в качестве оператора персональных данных [5, 194]. Операторы информационных систем УИС РФ, в соответствии с требованиями приказа ФСИН России от 23.06.2020 № 417 [3], осуществляют обработку информации, включенной в базу данных информационных систем персональных данных УИС РФ, таких как, «Информационная система персонифицированного учета и кадрового делопроизводства в учреждениях и органах УИС РФ», а также государственная информационная система «Программный комплекс «Автоматизированная картотека учета спецконтингента» с учетом требований по защите информации, содержащей персональные данные подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Следует отметить, что требования по защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 [4]. В соответствии с данным постановлением безопасность персональных данных при их обработке в информационной системе обеспечивает оператор этой системы, который обрабатывает персональные данные (п. 3). Кроме того, оператором производится определение типа угроз безопасности персональных данных, актуальных для информационной системы, с учетом оценки возможного вреда (п. 7), а также оператором осуществляется выбор средств защиты информации для системы защиты персональных данных (п. 4).

В заключение следует сказать, что оператор информационной системы – это важный структурный элемент, независимо от того является ли эта информационная система государственной, федеральной, региональной, муниципальной или иной. В соответствии с Доктриной информационной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, информационные системы входят в состав информационной инфраструктуры РФ и играют важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных интересов в информационной сфере. На наш взгляд, оператор, являясь собственником технических средств, или лицом с которым этот собственник заключил договор

об эксплуатации информационной системы, является центральным звеном системы, выполняя основные функции и задачи в ее работе. От того каким образом оператор организовал работу системы, ее обслуживание, администрирование, защиту, содержащейся в ее базах данных информации, зависит информационная безопасность всего общества и государства.

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».
3. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 23.06.2020 № 417 «Об обработке персональных данных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».
5. Сивцова А.Ю. Понятие оператора персональных данных в рамках обработки информации, связанной с реализацией функции исполнения наказания в виде лишения свободы в России // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самарский юридический институт ФСИН России. Самара. 2021. С. 193-195.

Ремизов А.А., Лукки Е.В.

Возраст наступления уголовной ответственности за совершение склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-245

Аннотация

В настоящем исследовании анализируется, с какого возраста допустимо применение мер уголовного наказания к лицам, уличенным в совершении склонения других лиц к потреблению средств и веществ, которые оказывают наркотическое и психотропное воздействие на сознание человека, тем самым, не позволяя им отдавать надлежащий контроль совершаемым им действиям. Был проведен анализ различных точек зрения касательно снижения установленного законодателем минимального порога наступления уголовной ответственности за совершение указанных действий. На основании различных позиций по данному вопросу и анализа положений действующего уголовного законодательства предложено снизить минимальный возраст наступления уголовной ответственности с шестнадцати до четырнадцати лет.

Ключевые слова: наркотики, наркотические вещества, психотропные вещества, возраст, несовершеннолетние, разум человека.

Abstract

This study analyzes from what age it is permissible to apply criminal penalties to persons convicted of inciting others to consume drugs and substances that have narcotic and psychotropic effects on human consciousness, thereby preventing them from giving proper control to their actions. An analysis was carried out of various points of view regarding the reduction of the minimum threshold of criminal liability established by the legislator for the commission of these actions. Based on various positions on this issue and an analysis of the provisions of the current criminal legislation, it is proposed to reduce the minimum age of criminal responsibility from sixteen to fourteen years.

Keywords: drugs, narcotic substances, psychotropic substances, age, minors, human mind.

Здоровье населения является одним из основных жизненно важных интересов общества, и любые посягательства на него должны расцениваться в качестве факторов, создающих опасность для безопасности социума [1]. Одним из преступлений, посягающих на здоровье

граждан нашего государства, является склонение к потреблению средств и веществ, оказывающих наркотическое и психотропное воздействие на сознание человека. Опросы, проводимые среди граждан, которые на протяжении многих лет употребляют наркотические и психотропные вещества, показывают, что в большинстве случаев они начали употребление опасных веществ по причине того, что их к этому склонили недоброжелатели.

Исходя из анализа ст. 230 УК РФ и ст. 20 УК РФ можно судить, что субъект склонения к употреблению веществ, оказывающих психотропное и наркотическое воздействие на человека, является общим. Напомним, что общий субъект преступления – это только физическое лицо (к уголовной ответственности привлечение юридического лица невозможно, поскольку считается, что меры уголовного наказания являются строго персонифицированными), которое к моменту совершения преступления достигло возраста 16 лет и является вменяемым.

Дискуссионным является вопрос правильности определения законодателем минимального возраста наступления уголовной ответственности за совершение действий, квалифицируемых в качестве незаконных в силу действия ст. 230 УК РФ.

Одни авторы считают, что правильнее считать таким лицом гражданина, достигшего возраста не 16, а 18 лет, по крайней мере для одного из квалифицирующих деяний. Обосновывают свой вывод они тем, что квалифицирующим составом анализируемого преступления является склонение к потреблению одурманивающих веществ несовершеннолетнего, а исходя из этого законодательного положения следует, что субъект специальный, а именно физическое лицо, которое достигло совершеннолетия, то есть не 16, а 18 лет [2]. Тем более не исключено, что возникнет такая ситуация, когда достигший возраста 16 лет склонит к употреблению одурманивающих веществ несовершеннолетнего, которому исполнилось 17 лет. Помимо всего прочего в ст. 228.1 УК РФ законодатель прямо указывает, по каким пунктам правовой нормы уголовная ответственность наступает с восемнадцатилетнего возраста [3].

Другие же считают, что возраст уголовной ответственности по данной статье уголовного закона необходимо снизить до 14 лет. С указанной точкой зрения можно согласиться в виду следующих причин. Дело в том, что на сегодняшний день очень много случаев, когда наркотики не только продают и приобретают через информационно-телекоммуникационные сети, но также интернет-пространство предоставляет широкие возможности для осуществления склонения других лиц к употреблению веществ, оказывающих психотропное и наркотическое воздействие на сознание и волю человека. Молодое поколение очень хорошо разбирается во всех вопросах, касающихся новых цифровых технологий, для них не составляет труда разобраться в работе нового гаджета, они с легкостью могут зарегистрироваться в любом интернет-приложении и на любом интернет-сайте.

К тому же, анализ составов преступлений, имеющих непосредственную связь с незаконным оборотом запрещенных веществ, употребление которых приводит к отрицательному влиянию на сознание и волю, показал, что практически во всех составах субъект преступления является общим. Однако из всех общих правил бывают исключения и таковым исключением является ст. 229 УК РФ. В соответствии с данной уголовно-правовой нормой на момент совершения хищения или вымогательства веществ, оказывающих психотропное или наркотическое воздействие на человека, растений, которые содержат такие вещества, преступнику исполнилось 14 лет, то к нему могут быть применены меры уголовно-правового характера.

Получается следующая ситуация: 14 лет – это возраст, при достижении которого подросток уже способен осознавать общественную опасность и противоправность своих действий, если они связаны с вымогательством и хищением запрещенных веществ, что же касается склонения, сбыта и так далее – то эти действия, исходя из позиции законодателя, могут быть понятны подростку, которому исполнилось 16 лет [4].

Таким образом, субъект склонения к употреблению одурманивающих человека веществ в соответствии с нормами действующего уголовного законодательства общий, то есть физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста 16 лет. Исходя из общего анализа

юридической литературы, мы пришли к выводу о необходимости снижения возраста уголовной ответственности по ст. 230 УК РФ с 16 до 14 лет в виду следующих причин:

1. сегодня склонение к употреблению веществ, оказывающих психотропное и наркотическое воздействие на сознание человека, часто посредством сети Интернет совершают подростки в возрасте меньшем, чем 16 лет, и они остаются безнаказанными;
2. законодатель непонятно по какой причине для другого состава преступления, выражающегося в вымогательстве и хищении веществ, оказывающих психотропное и наркотическое воздействие на человека (ст. 229 УК РФ) определил возраст наступления уголовной ответственности – 14 лет, в то время как для всех других составов преступления, связанных тем или иным образом с одурманивающими веществами, субъект преступления общий, то есть ответственность за совершение любых других действий, не связанных с хищением и вымогательством, наступает с 16 лет.

1. Каратаева, Т. А. Здоровье населения как важный фактор экономической безопасности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 5. С. 142-145.
2. Быкова, Е. Г. Субъект преступления по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ: 16 или 18 лет? // Наркоконтроль. 2020. № 4. С. 8-10.
3. Климанов, А.М. Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 230 УК РФ // Инновационная наука. 2018. №1. С. 59-63.
4. Щукин, А.М. О совершенствовании законодательства об ответственности за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1(2). С. 16-20.

Руднева Н.И.

Возможности использования искусственного интеллекта в избирательной кампании

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-246

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена существованием дискуссий, связанных с возможностью использования технологии искусственного интеллекта в избирательном процессе Российской Федерации. Цель исследования – определение реальной возможности интеграции технологии искусственного интеллекта в избирательный процесс, исходя из анализа мнения правоведов. Результаты исследования позволили выявить несколько направлений, в соответствии с которыми искусственный интеллект может быть интегрирован в избирательные кампании, с учётом минимизации риска по наступлению негативных последствий в виде утечки персональных данных граждан, а также нарушения иных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизация, цифровые технологии, избирательное право, избирательная кампания.

Abstract

The relevance of the study is due to the existence of discussions related to the possibility of using artificial intelligence technology in the electoral process of the Russian Federation. The purpose of the study is to determine the real possibility of integrating artificial intelligence technology into the electoral process, based on the analysis of the opinion of legal scholars. The results of the study revealed several directions in accordance with which artificial intelligence can be integrated into election campaigns, taking into account minimizing the risk of negative consequences in the form of leakage of personal data of citizens, as well as violations of other constitutional human and civil rights and freedoms.

Keywords: artificial intelligence, automation, digital technologies, electoral law, election campaign.

В последние несколько десятков лет в Российской Федерации и в мире происходит цифровая революция, приводящая к появлению новейших технологий, которые могут применяться в различных областях жизни общества и государства. Технология искусственного интеллекта получает всё большее развитие, а вопросы, связанные с возможностью её использования в избирательном процессе, стремительным образом актуализируются, вызывая широкие дискуссии среди представителей научного сообщества. В силу данной причины представляется важным определить, насколько на современном этапе целесообразно использовать искусственный интеллект в избирательных кампаниях, проводимых на территории Российской Федерации.

В октябре 2019 года был принят Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором рассматриваемый термин впервые был определён надлежащим образом. В соответствии с предписаниями нормы статьи 2 указанного документа, под ИИ следует понимать: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1].

Итак, исходя из законодательного определения можно сделать вывод, что в качестве особенности ИИ, отличающей его от иных цифровых технологий, выступает наличие возможности решения комплекса заранее заданных задач без непосредственного участия человека, однако, с использованием технологических решений, имитирующих его когнитивные функции. Иными словами, предполагается, что ИИ должен имитировать процесс человеческого мышления, результатом которого становится получение уникального способа решения той или иной задачи.

Само собой, технологическая возможность по нестандартному, нетиповому решению задач различного спектра представляет большой интерес для участников избирательного процесса, в особенности для лиц, которые участвуют в выборах в качестве кандидатов. В тоже время, несмотря на первоначальную привлекательность, среди представителей научного сообщества высказываются различные мнения относительно того, каким именно образом ИИ повлияет на избирательный процесс в России и, как следствие, демократические институты.

А.А. Собянин в своей научной статье приводит пример реального применения ИИ во Франции, который привёл к негативным последствиям. Так, в рамках избирательного процесса, происходившего в 2017-2018 гг., наблюдался рост использования ИИ с целью распространения информации ложного содержания. Процесс распространения такой информации, во многих случаях, был автоматизирован, что в определённой степени позволило злоумышленникам достичь цели в виде манипуляции общественным мнением, убеждения граждан в истинности заведомо ложной информации [2].

Представленный выше пример наглядным образом демонстрирует, какие риски влечёт за собой использование ИИ в рамках избирательной кампании. Подобные риски усугубляются в том случае, если на территории государства отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие использование современных технологий в избирательном процессе. Сам факт существования ИИ уже свидетельствует о том, что избирательное законодательство должно развиваться в направлении урегулирования соответствующих вопросов, т.е. в направлении определения правил и ограничений использования ИИ кандидатами, проводящими избирательную кампанию.

М.В. Гундарин и П.А. Олешко описывают успешный опыт применения ИИ в Соединённых Штатах Америки. Так, в ходе выборов 2016 года избирательная кампания экс-президента США Дональда Трампа сопровождалась использованием технологии «Cambridge Analytica». Целью использования ИИ выступал сбор и анализ информации, позволяющей определить предпочтения различных слоёв населения. Получение подобной информации позволило сформировать более грамотную агитационную стратегию, различным образом воздействующую на конкретные группы избирателей [3].

На наш взгляд, описанный выше опыт представляется в действительности позитивным. Сбор и анализ сведений об общественном мнении одна из важнейших задач, которая стоит перед каждым кандидатом. Использование ИИ с целью решения данной задачи, не вступает в

противоречие ни с какими этическими и моральными нормами, а также не может быть признано злоупотреблением правом. Само собой, речь идёт о технологиях, которые используют только ту информацию, которая содержится в открытых (публичных) источниках. Использование ИИ с целью взлома личных аккаунтов избирателей в социальных сетях, мессенджерах и иных ресурсах, нарушает право граждан на тайну личной переписки, а также перечень иных прав и свобод, закреплённых в нормах Конституции Российской Федерации и других нормативно-правовых актов. Данный факт выступает очередным аргументом в пользу высказанного ранее тезиса о необходимости совершенствования избирательного законодательства в направлении регулирования вопросов, связанных с использованием ИИ.

П.Ю. Турилина придерживается мнения, что использование ИИ в избирательных кампаниях может позволить решить целый комплекс важнейших задач, среди которых:

1. автоматизация процесса сбора информации об общественном мнении, её обработка, анализ, направленные на формирование избирательной стратегии, планирование агитационной кампании;
2. анализ социальных сетей, мессенджеров и иных ресурсов, с целью определения источников информации, которые оказывают наибольшее влияние на формирование общественного мнения [4].

В Российской Федерации на данный момент времени ИИ не получил широкого распространения среди кандидатов, проводящих избирательную кампанию, однако, среди представителей государственной власти высказываются мнения о том, что данная технология должна использоваться более активно. В качестве примера можно привести высказывание замсекретаря генсовета партии «Единая Россия» Сергея Перминова, который в апреле 2023 указал, что использование ИИ является выгодной стратегией, а отказ от данной технологии, наоборот, увеличивает шанс на получение меньшего количества голосов избирателей. По мнению С. Перминова, ИИ может позволить лучше «презентовать» партии перед избирателями, что позволит склонить их к выбору кандидатов из «Единой России». Здесь невозможно не заметить и то, что в «Единой России» также отметили риски и недостатки использования ИИ, главенствующее место среди которых занимает расширение возможностей по дискредитации партий и представленных ими на выборы кандидатов [5].

Согласимся с тем, что перспектива использования ИИ содержит в себе не только широкие возможности по оптимизации и автоматизации отдельных видов деятельности, которые осуществляются в ходе избирательного процесса, но и значительные риски. Среди таких рисков, безусловно, наибольшую опасность представляет расширение возможностей по манипуляции общественным мнением, посредством распространения ложной информации, порочащей честь и достоинства кандидатов.

Подводя итог всей вышесказанной информации, можно сделать вывод, что использование ИИ в избирательных кампаниях на территории Российской Федерации может в действительности принести за собой положительные изменения. Однако, прежде чем внедрять ту или иную технологию, необходимо на законодательном уровне определить чёткий порядок её использования. Действующее законодательство должно дополниться нормами, закрепляющими правила использования ИИ кандидатами и политическими партиями, участвующими в выборах.

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
2. Гундарин, М. В., Олешко П. А. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях / М. В. Гундарин, П. А. Олешко // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2023. – № 28. – С. 57-66.
3. Собынин, А. В. Искусственный интеллект в избирательной системе: отечественный и зарубежный опыт / А. В. Собынин // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 88-4. – С. 61-65.
4. Турилина, П. Ю. Потенциал использования искусственного интеллекта в современных избирательных кампаниях / П. Ю. Турилина // РЕАЛЬНЫЙ человек в ВИРТУАЛЬНОМ мире. материалы Всероссийского научного футурологического конгресса. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. – 2019. – № 1. – С. 109-111.
5. «Единая Россия» заявила о намерении использовать в региональных кампаниях нейросети // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/24/6442b5009a7947672f42b743> (дата обращения: 19.09.2024).

Рыжакова Ю.Н.**Сущность и содержание миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации***Барнаульский юридический институт МВД России
(Россия, Барнаул)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-247

Аннотация

В статье рассматриваются понятие, содержание миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранный гражданин, миграционный учет, регистрация, миграционный контроль.

Abstract

The article discusses the concept and content of migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation.

Keywords: foreign citizen, migration registration, registration, migration control.

Законодательное определение миграционного учёта определёнno в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Так, миграционный учёт иностранных граждан и лиц без гражданства – государственная деятельность по фиксации и обобщению предусмотренных вышеназванным Федеральным законом сведений об иностранных гражданах и о лицах без гражданства и о перемещениях иностранных граждан и лиц без гражданства [1].

Чтобы понять сущность и содержание миграционного учёта в Российской Федерации необходимо первоначально рассмотреть такие понятия, как «регистрация», «иммиграционный контроль», «иностранцы граждане», «лица без гражданства» и другие, смежные с ними понятия. Понимание обозначенных дефиниций позволит более точно определить форму применения, содержание и пределы рассматриваемое правовой категории, т.е. понятие «миграционный учёт».

Дефиниции «миграционный учёт», «миграционный контроль», «иммиграционный контроль» и «контроль» имеют довольно много схожих моментов, но, тем не менее, их нельзя считать идентичными, т.к. они имеют разное содержание. Помимо сказанного данные категории имеют разную правовую базу и механизмом осуществления.

Контроль в миграционных отношениях в зависимости от предназначения может быть двух видов:

«во-первых, внутренний контроль, который проводится в рамках миграционных органов России либо в рамках конкретной организации, где возникают миграционные правоотношения;

во-вторых, внешний контроль, который позволяет обеспечить безопасность и защиту государственных интересов. Есть основания полагать, что основная цель внешнего контроля в миграционных отношениях – это защита прав и свобод граждан, общества и государства».

Одним из видов внешнего контроля, осуществляемого государством, можно назвать миграционный контроль. Главная цель данного вида контроля будет регулирование потока иностранных подданных и лиц без гражданства, которые пересекают российскую границу, с целью пребывания в стране. При чем не важно законным или незаконным путем данные лица попали на территорию России.

Миграционный учёт на территории Российской Федерации имеет уведомительный порядок. Законом могут быть предусмотрены исключения из данного правила.

Иммиграционный контроль также является одним из видов контроля. Предлагаем следующие определение понятия иммиграционный контроль: «это деятельность государства, направленная на поддержание миграционно-правового режима и соблюдение всех правил

пресечения границы, а также выезда и пребывания на территории государства мигрантов и лиц, не имеющих гражданства». К.И. Чернышёв в своем исследовании также рассматривает понятие «система иммиграционного контроля», под которой автор понимает комплекс мер, позволяющих государству осуществлять контроль за соблюдением нормативных правовых актов, регулирующих миграционный учёт[3].

Иммиграционный контроль проводится федеральным органом исполнительной власти, на который возложены следующие задачи:

1. во взаимодействии с иными государственными органами осуществляют иммиграционный контроль на российской границе;
2. осуществляют регистрацию переселенцев и беженцев, также проводят их учёт;
3. контролируют условия проживания иностранных граждан и лиц без гражданства, которые осуществляют транзитный проезд через Россию;
4. занимаются планированием и прогнозированием в сфере миграционного учёта;
5. осуществляют профилактические меры противодействия незаконной миграции, принимают меры по депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, попавших на территорию России незаконным путем.

Отметим, что А.И. Кочкарев, рассматривая иммиграционный контроль, опирался на утративший силу Указ Президента РФ от 16.12.1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» [4], который регулировал поток иностранных граждан и лиц без гражданства, приезжающих в Российскую Федерацию, до 2007 г. понимание иммиграционного контроля, предложенного А.И. Кочкаревым, представляется небезосновательным и может быть применено в рассматриваемой сфере, но при условии внесения в него поправок и оговорок с учётом сегодняшних реалий миграционной сферы.

В рамках изучения сущности и содержания миграционного учёта необходимо сопоставить рассматриваемую категорию с понятием «публичная услуга», т.к. предоставление публичных услуг – это одна из функций российского государства.

Надо обратить внимание, что в действующем законодательстве России отсутствует определение дефиниции «публичная услуга». Однако в нормативных правовых актах встречается категория «государственная услуга». Так, в соответствии с подп. «д» п. 2 Указа Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами[2].

В ходе анализа научных исследований, где дается определение понятия «публичная услуга», нами было выделено определение. «Публичные услуги определяются как юридические и социально значимые действия в интересах общества, государства и граждан».

Так, миграционные органы государства вправе оказывать большое количество разнообразных публичных услуг. Получателями данных услуг могут быть как подданные Российской Федерации, так и подданные других стран, а также лица не имеющих гражданства. Для иностранных лиц и лиц без гражданства миграционные органы государства могут оказывать следующие публичные услуги:

- выдавать разрешения по привлечению работодателями или заказчиками работ (услуг) иностранных работников;
- выдавать разрешения на работу иностранным гражданам;
- оформлять документы о гражданстве, а также выдавать и производить замен иных документов;
- осуществлять учёт по месту их пребывания и регистрацию.

Таким образом, исходя из содержания изученных правовых категорий «миграционный учёт», «миграционный контроль», «иммиграционный контроль» и «контроль» можно сделать вывод, что миграционный учёт в Российской Федерации необходимо рассматривать как непрерывное осуществление миграционными органами государства комплекса публично-правовых действий, которые позволяют благоприятные условия для реализации иностранными гражданами и лицами без гражданства своих прав и обязанностей. Из сказанного следует, что миграционный учёт иностранных граждан и лиц без гражданства одной из своих составляющих отображает деятельность государства и его структур, подчиненных целям национального режима пребывания, предоставляемого иностранным гражданам согласно Конституции РФ.

1. О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации Федеральный закон от 18 июля 2006 № 109-ФЗ: [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон.дан. – [М.]. – URL: <http://www.consultant.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус.
2. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 (ред. от 27.03.2023 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон. дан. – [М.]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob/#top>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 10.05.2024 г.).
3. Чернышёв, К.И. Миграционный учёт как элемент правового статуса иностранных граждан / К.И. Чернышёв// В сборнике: Терроризм и права человека: новые вызовы в эпоху глобализации. – М., 2019. – С. 165.
4. Кочкарев, А.И. Миграционный учёт / А.И. Кочкарев. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 25.

Савин А.А.

Проблемы квалификации причинения тяжкого вреда здоровью

*Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России)
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-248

Аннотация

Совершение насильственных преступлений одна из глобальных проблем не только в России, но и во всем мире. Покушение на жизнь и здоровье человека остаётся актуальным и на сегодняшний день. Преступлений насильственного характера существует разнообразное количество. Но мы, в рамках нашей статьи, хотим обратить внимание на случаи преступного посягательства на здоровье человека, которое квалифицируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: здоровье, преступление, тяжкий вред, насилие.

Abstract

The commission of violent crimes is one of the global problems not only in Russia, but all over the world. An attempt on human life and health remains relevant today. Violent crimes exist in a diverse number. But within the framework of our article, we want to draw attention to cases of criminal encroachment on human health, which qualifies as intentional infliction of serious harm to health.

Keywords: health, crime, serious harm, violence.

Вред можно разделить на несколько категорий, в зависимости от того как он причинен. Как правило, вред бывает моральный, физический и имущественный. В части причинения вреда здоровью выделяют тяжкий вред, вред средней тяжести или легкий. Безусловно, наиболее опасным по последствиям является тяжкий вред здоровью, а преступлений, квалифицируемых по ст. 111 УК РФ, фиксируется достаточно много.

Изучая характеристики умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, необходимо отметить, что огромное количество преступлений совершается в состоянии алкогольного

опьянения, нередко, когда жертва провоцирует правонарушителя на совершение преступного деяния. В данной области преступлений количество преступников мужчин превалирует над женщинами, кроме того возраст, когда рассматриваемая квалификация находит свое подтверждение, находится в границах от 19 до 30 лет.

Законодателем отдельной нормой предусмотрена ответственность за угрозу причинения тяжкого вреда здоровью, что находит свое отражение в дополнительной норме отечественного уголовного законодательства. Как правило, угроза выражается в запугивании потерпевшего, обещание причинить ему лично кому-то еще из круга близких людей вред. Одним из признаков угрозы является разновидностью психического насилия. Под насилием принято понимать физическое или психическое воздействие на одного или нескольких человек против его (их) воли, способное причинить травму. Таким образом, говоря об угрозе, мы подразумеваем насильственный характер действий в отношении лица, и насилие именно психическое.

Последствия при совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего весьма разнообразны и закреплены законодателем в диспозиции ст.111 УК РФ, но в ней их содержание не раскрывается, а анализ правоприменительной практики показывает, что существуют некоторые проблемы при их применении и, соответственно, при квалификации действий виновных лиц. Проанализируем те последствия, установление и применение которых вызывает наибольшие затруднения в практической деятельности:

Первым подобным последствием является, на наш взгляд, прерывание беременности независимо от срока. Оно должно быть обусловлено причиненным вредом здоровью, гибелью плода, преждевременными родами.

Как справедливо отмечается в научной литературе, отнесение прерывания беременности к тяжкому вреду здоровью связано, прежде всего, с тем, что оно даже в больнице в стерильных условиях может быть небезопасно для здоровья женщины. Если же это происходит насильственным путем, эта опасность существенно увеличивается. В результате женщине причиняется не только физический ущерб, но также психологический и моральный вред. При этом отметим, что прерывание беременности может произойти в силу различных обстоятельств. Во-первых, конечно же, в результате физической травмы. И как показал анализ судебной практики, это встречается чаще. Однако прерывание беременности может произойти и в результате психической травмы. Так, женщина может сильно испугаться в результате нападения и это обстоятельство может повлечь прерывание. Также следует иметь в виду, если внешние причины обусловили необходимость прерывания беременности путем различного медицинского вмешательства, то в этом случае наступившие последствия, по нашему мнению, обоснованно приравниваются к прерыванию беременности и оцениваются как тяжкий вред здоровью.

Следующим «проблемным» признаком, по нашему мнению, является наступившее «психическое расстройство». Уголовный закон не определяет понятие «психического расстройства» как последствия, образующего тяжкие последствия после совершения преступления. Не находим мы этого определения и в медицинских критериях. Понятие «психическим расстройством» раскрывается только в классификации болезней международной классификации 10 пересмотра. Следует также отметить, что само понятие «психическое расстройство» никак не характеризует степень выраженности социальной дезадаптации, длительность и стойкость. При этом, как отмечается учеными, «формальная трактовка пункта 6.8. действующих медицинских критериев определения тяжести вреда здоровью позволяет квалифицировать преходящее психическое расстройство в форме «Острая реакция на стресс» легкой степени, симптомы которого исчезают в течение одной недели, как тяжкий вред здоровью». Такой вывод критикуется и в целом отмечается, что критерии судебно-медицинской оценки вреда здоровью в случае наступления психических расстройств в настоящее время нигде детально не оговорены. В этой связи мы считаем, что в «Медицинских критериях...» необходимо дать развернутую характеристику психического расстройства. Его следует определять как последствие в виде тяжкого вреда здоровью только с учетом целого ряда обстоятельств. В частности, длительности расстройства здоровья, его стойкости, последствий в виде степени выраженности дезадаптации, влияния психического расстройства на жизнь потерпевшего в дальнейшем.

Следующее последствие, которое зачастую вызывает вопросы, закон закрепил как «неизгладимое обезображивание лица». Как окончательный факт наличия обезображивания, в итоге определяется судом. Как отмечается в научной литературе, наличие специальных познаний здесь не требуется, не нужно привлекать для этих целей судебно-медицинского эксперта.

Судебно-медицинский эксперт устанавливает лишь сам факт его неизгладимости, а также его возможные медицинские последствия в соответствии с медицинскими критериями, которые могут заключаться во вреде здоровью различной степени тяжести. Приложение к Медицинским критериям определяет границы области лица. Законодатель в диспозиции ст.111 УК РФ установил ответственность только за неизгладимое повреждение лица, определив, что обезображиваться может только оно. Неизгладимым является такое повреждение лица, которое не может исчезнуть или уменьшиться в объеме с течением времени или под влиянием нехирургических средств. Если для его устранения необходима хирургическая операция, то оно считается неизгладимым. Обезображенным как правило признается такое лицо, которое имеет вид, противоречащий общим эстетическим нормам.

Однако в литературе высказывается мнение, что в это понятие необходимо включить и «открытые» части тела. Например, ноги у женщин, шею, кисти и предплечья рук. То есть, фактически те части тела, которые не закрыты одеждой и видимы для других людей. Повреждение этих частей тела может существенно ухудшить физическое и психическое состояние потерпевшего, причинить ему моральные страдания.

Поводя итог, необходимо отметить о недопустимости такого явления, как насильственные преступления в целом и тяжкие в частности, однако учитывая их наличие в жизни общества, уверены в необходимости практического развития правильной и своевременной, а также правильной их квалификации. Действующая норма, предусматривающая ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью нуждается в существенной корректировке. Например, что в такое понятие как «неизгладимое обезображивание» следует включать не только лицо, но и иные части тела человека, которые не закрыты одеждой и видимы для других людей. Соответственно, необходимо внести соответствующие изменения в диспозицию ст.111 УК РФ, а установление самого факта необходимо оставить на усмотрение суда, как это имеет место и в настоящее время в правоприменительной практике.

1. Медведев С.С., Юрченко Е.В. проблемы квалификации и отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений // Эпомен. 2019. № 28. С. 115-125.
2. Безручко Е. В. Прерывание беременности как последствие причинения тяжкого вреда здоровью человека // Юрист правовець. 2014. № 2.(63). С. 73 -75.
3. Расторопов С. В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4.
4. Клевно В. А., Кононов Р. В. Дефиниция «Психическое расстройство» при квалификации тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Судебная медицина. 2017. № 4. С. 23-26.
5. Шаматульский И. А. Неизгладимое обезображивание лица как признак тяжкого вреда здоровью // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1716-1720.

Савин А.А.

Умысел при причинении вреда здоровью средней тяжести

*Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России)
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-249

Аннотация

Оценивая статистические данные состояния преступности в России за последнее время, можно констатировать о достаточно высоком ее уровне. Преступления – одна из глобальных проблем не только в России, но и во всем мире. В настоящее время покушение на жизнь и здоровье человека остаётся актуальным и преступлений насильственного характера существует

разнообразное количество. Нами рассматриваются преступления, связанные с причинением вреда здоровью человека.

Ключевые слова: преступление, насилие, квалификация, состав.

Abstract

Assessing the statistical data on the state of crime in Russia in recent years, it can be stated that its level is quite high. Crime is one of the global problems not only in Russia, but all over the world. Currently, an attempt on human life and health remains relevant and violent crimes exist in a diverse number. We are considering crimes related to causing harm to human health.

Keywords: crime, violence, qualification, composition.

Здоровье человека является наивысшей ценностью и учитывая данный факт, уголовным законодательством предусмотрен ряд мер по противодействию подобным проявлениям и привлечению к ответственности лиц, совершивших насильственные преступления. Объектом данных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность здоровья человека. Для большинства указанных деяний «качество» потерпевшего не является значимым, однако исключения составляют деяния, предусмотренные ст. 111, ст. 112, ст. 113, 114 и ст. 117 УК РФ. Указанные составы в своей уголовно-правовой особенности потерпевшего определены тем, что вред здоровью причиняется, когда лицо несет службу, выполняет общественный долг, а равно в связи принадлежностью потерпевшего к определенным национальным, расовым или религиозным группам.

Объективная сторона анализируемых общественно опасных деяний, как часто можно заметить среди насильственных составов, может выражаться как в форме действия, так и бездействия, например предусмотренные ст. ст. 113, 114, 117 УК РФ. Иные из вышеуказанных преступлений могут быть совершены в различных формах. Так, например, оставление беспомощного человека (младенца, тяжело больного и т.п.) без пищи, повлекшее причинение вреда здоровью, выражается в форме бездействия (в виде неисполнение обязанностей).

По конструкции все анализируемые составы являются материальными, то есть для их наличия обязательным является факт причинения того или иного вреда потерпевшему. Так, если в результате физического воздействия потерпевший находился на излечении до шести дней включительно, речь идет не об умышленном причинении легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), а о побоях (ст. 116 УК РФ). Необходимым при определении объективной стороны в указанных случаях является наличие причинно-следственной связи. Применительно к данной ситуации можно привести тезис Т.В. Кондрашовой, согласно которому длительность лечения не всегда обусловлена характером травмы, которая может быть вызвана и наличием у потерпевшего иных заболеваний, особенностями его организма, возможностями лечебного учреждения и т. д. . Так, если при повреждении кожного покрова, которое фактически не повлекло вреда здоровью, была занесена инфекция вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, повреждение кожного покрова не оценивается как причинение вреда здоровью вообще, ибо основной причиной явилась халатность врача (ст. 124 УК РФ). Факультативные признаки объективной стороны – время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления – в некоторых случаях причинения вреда здоровью выступают конструктивным либо квалифицирующим признаками состава преступления.

Для квалификации содеянного по п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходим общепасный способ, «когда имеется реальная опасность для здоровья или жизни других людей». При этом «не требуется, чтобы помимо намеченной жертвы вред был причинен посторонним, поскольку квалифицирующим признаком этого вида посягательства является способ его совершения». Следует отметить, «что если в результате использования общепасного способа будет причин тяжкий вред здоровью нескольких лиц, то содеянное необходимо квалифицировать только по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Если же тяжкий вред здоровью будет причинен лишь одному потерпевшему, а остальным лицам вред иной степени тяжести, то содеянное квалифицируется по совокупности п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ и ст. 112 или 115 УК РФ».

Квалифицирующим признаком причинения вреда здоровью является и использование такого способа, который соединен «с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего». Под особой жестокостью здесь понимают случаи, «когда в процессе посягательства к потерпевшему применяются пытки, истязания, мучения или иные способы,

которые заведомо связаны с причинением потерпевшему особых страданий. Установление субъектного состава анализируемых преступлений особых сложностей не вызывает и в сложившейся судебной-следственной практике достаточно легко определяется.

Субъектом преступления традиционно признается лицо без психических отклонений, осознающее последствия совершаемого преступления, достигшее к моменту совершения четырнадцатилетнего возраста. Субъективная сторона рассматриваемых преступлений, как следует из названия статьи, характеризуется умышленной формой вины. При этом умысел может быть, как прямой, так и косвенный, как заранее обдуманый, так и внезапно возникший. Специальные мотив или цель имеют место в деяниях, предусмотренных в п. «а», «г», «д», «е», «ж» ч. 2 ст. 111, п. «б», «д», «е» ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115 УК РФ.

К таковым, в частности, относятся: - цель воспрепятствовать служебной деятельности лица или исполнения им общественного долга либо месть за такую деятельность; корыстный мотив; хулиганские побуждения; мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды или цель использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111). Указанные мотивы и цели в данном случае влияют на квалификацию. Наряду с ними поведение причинителя вреда здоровью может быть обусловлено и иными мотивами и целями: мотивом сострадания, «обычной» или кровной мести, ревностью, завистью, целью скрыть совершение другого преступления и т.п. Указанные мотивы и цели на квалификацию не влияют, но могут рассматриваться как обстоятельства, в совокупности, смягчающие ответственность. При рассмотрении уголовного дела судом в обязательном порядке устанавливается умысел и причины, способствовавшие совершению преступления, выясняется, не желал ли подсудимый наступления более тяжких последствий. Обратим внимание, что, исходя из смысла ч. 3 ст. 61 и ч. 2 ст. 63 УК РФ, если смягчающее или отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Подводя итог, необходимо отметить, что насильственные преступления имеют достаточно сложную «природу» по своему определению и квалификации, однако достаточно проработанную в части назначения наказания. Один из постулатов, заложенных в отечественную конституцию об охране жизни и здоровья должен быть соблюден в любом случае и ответственность за совершенные нарушения и преступления в рассматриваемой сфере, должны носить максимально значимый характер.

1. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 2017. С.212–213.
2. Будаева С.В. объект и субъект умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести // Colloquium-journal. 2019. № 24-10 (48). С. 122. С. 123.
3. Коваленко С.С. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) // В сборнике: Интеграция науки и практики в контексте реализации правовой политики государства: исторические и современные проблемы права и правоприменения. Материалы 2-ой Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.В. Королук. 2015. С. 58-61.
4. Антонов И.М. Пенализация умышленного причинения вреда здоровью // В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики. Сборник научных трудов. 2019. С. 285-291.

Самвелян К.С., Простякова П.С.

Разрешительный порядок ввоза и вывоза наркотических средств и психотропных веществ

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-250

Научный руководитель: Ахмедзянов Р.Р.

Аннотация

Запреты и ограничения внешнеторговой деятельности представляют собой комплекс мер, применяемых в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу,

включающий меры нетарифного регулирования, меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и вводимые исходя из национальных интересов, особые виды запретов и ограничений внешней торговли товарами, меры экспортного контроля, в том числе в отношении продукции военного назначения, технического регулирования, а также санитарно-эпидемиологические, ветеринарные, карантинные, фитосанитарные и радиационные требования, которые установлены международными договорами государств - членов Таможенного союза, решениями ЕЭК и нормативными правовыми актами государств - членов Таможенного союза, изданными в соответствии с международными договорами государств - членов Таможенного союза.

Ключевые слова: понятие и сущность наркотических средств, особенности порядка перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, технических средств таможенного контроля для выявления незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Abstract

Bans and restrictions on foreign trade activities are a set of measures applied to goods transported across the customs border, including non-tariff regulation measures, measures affecting foreign trade in goods and imposed on the basis of national interests, special types of bans and restrictions on foreign trade in goods, export control measures, including for military products, technical regulation, as well as sanitary – epidemiological, veterinary, quarantine, phytosanitary and radiation requirements established by international treaties of the Customs Union member States, decisions of the EEC and regulatory legal acts of the Customs Union member States. issued in accordance with international treaties of the member States of the Customs Union.

Keywords: the concept and essence of narcotic drugs, the specifics of the procedure for moving narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors across the customs border of the Eurasian Economic Union, technical means of customs control for detecting illegal movement of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors across the customs border of the Eurasian Economic Union.

Вопрос, касающийся особенностей перемещения наркотических средств и психотропных веществ, а также их прекурсоров, регламентирован Положением о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС) и вывозе с таможенной территории ЕАЭС наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров[1].

В соответствии с данным нормативным актом, перемещая рассматриваемую категорию товаров, участник ВЭД обязан предоставить лицензию таможенному органу государства-члена ЕАЭС, на территорию которого ввозятся наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры.

Стоит заметить, что законодательство регламентирует случаи, когда лицензия не требуется, это касается случаев перемещения лекарственных средств, содержащих рассматриваемые вещества физическими лицами, учитывая, что главным условием является наличие медицинских показаний – медицинского документа, в котором указаны наименования и количества товаров[3].

Касаемо медицинских документов – документы составляются на языке того государства-члена ЕАЭС в которую ввозится лекарственное средство, с предъявление оригинала данных документов или же их заверенной копии. Соответственно, если ввоз осуществляется в Россию - то медицинские документы составляются на русском языке, если в Армению - на армянском, в республику Беларусь - на белорусском, в Казахстан - на казахском и в Кыргызстан - на киргизском.

Также если документы не могут быть представлены таможенному органу, составленные на национальном языке государства - члена ЕАЭС, то законодательством предусмотрена возможность приложения их нотариально заверенных переводов.

Если документы не могут быть составлены на языке государства-члена, на территорию которого ввозится лекарственное средство, предусматривается вариант приложения к документам нотариально заверенного их перевода.

Также не требуется представления таможенному органу лицензии, если наркотические средства, психотропные вещества их прекурсоры находятся в ограниченных количествах в аптечке морских, речных, воздушных судов, железнодорожного и автомобильного транспорта международного сообщения.

В случаях ввоза или вывоза рассматриваемых веществ, рассматривая их как припасы, необходимые для функционирования оборудования и техники воздушных, морских и железнодорожных транспортных средств, то предоставление лицензии таможенному органу не нужно.

Для того чтобы оформить такую лицензию заявителю необходимо предоставить в таможенный орган необходимые документы и сведения. Перечень таких документов и сведений установлен Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 года, а именно приложением № 7 (Правила выдачи лицензий и разрешений на экспорт и (или) импорт товаров)[2].

Перечень документов и сведений, необходимых к представлению в таможенный орган для оформления лицензии на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров:

- Заявление о выдаче лицензии, которое заполнено и оформлено в соответствии с законодательством;
- Электронная копия заявления;
- Копия контракта (внешнеторгового договора);
- Копия приложения и (или) дополнения к нему (для разовой лицензии);
- Копия документа о постановке на учёт в налоговом органе или о государственной регистрации;
- Копия лицензии на осуществление лицензируемого вида деятельности или сведения о наличии лицензии на осуществление лицензируемого вида деятельности.

Правилами выдачи лицензий и разрешений на экспорт и (или) импорт товаров также предусмотрено, что для того, чтобы оформить лицензию на экспорт наркотических, психотропных веществ, их прекурсоров, заявитель должен представить оригинал или нотариально заверенную копию разрешения на ввоз определённой конкретной партии данных препаратов или же уведомление государственного органа той страны, в которую ввозится партия веществ, о том, что разрешение не требуется. В лицензии указывается количество наркотических средств, которые находятся под международным контролем в соответствии с Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года [3].

Соответственно, в лицензии указывается количество психотропных веществ, которые находятся под международным контролем в соответствии с Конвенцией о психотропных веществах 1971 года. И это количество не должно превышать оценок ежегодных медицинских и научных потребностей в веществах, которые опубликованы также Международным комитетом по контролю над наркотиками.

Стоит упомянуть момент, касающийся помещения данной категории товаров под таможенные процедуры – если, помещая рассматриваемую категорию товаров, под таможенные процедуры экспорта и выпуска для внутреннего потребления необходимо предоставление лицензии, то для помещения данных веществ под таможенную процедуру таможенного транзита необходимо разрешение компетентного органа государства-члена ЕАЭС, либо уведомление об ненужности данного разрешительного документа.

Помещение наркотических, психотропных веществ, их прекурсоров не допускается под такие таможенные процедуры, как: таможенная процедура таможенного склада; переработка на таможенной территории; переработка вне таможенной территории; переработка для внутреннего потребления; временный ввоз (допуск); временный вывоз; беспошлинная торговля; таможенная процедура уничтожения; таможенная процедура отказа в пользу государства; таможенная процедура свободной таможенной зоны; таможенная процедура свободного склада; реимпорт; реэкспорт.

Что касается сильнодействующих веществ, то их ввоз и вывоз также осуществляется по лицензиям, только выдаваемым Министерством промышленности и торговли РФ. А основанием для её выдачи являются соответствующие разрешения:

- Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения;
- Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

Для получения такой лицензии заявителю необходимо в уполномоченные органы представить аналогичные документы, как и в случае получения лицензии для перемещения наркотических, психотропных веществ и их прекурсоров [4].

Вышеперечисленные условия являются способами законного перемещения рассматриваемых веществ, но стоит и упомянуть, что данные товары являются объектом преступлений. В последнее время, чаще всего незаконный ввоз рассматриваемых веществ осуществляется путём их пересылки в международных почтовых отправлениях (далее – МПО), связывая этот факт с возрастанием роли МПО, как результата стремительной интеграции РФ в мировую экономику, связанную с развитием интернетторговли.

В 2023 году объём международных почтовых отправлений составил 1,2 млн. в день, большая часть из которых идёт из Китая. И если в 2022 году поток интернет - торговли составлял 225 миллионов отправок, то в 2023 году этот поток составил уже 242 миллиона международных почтовых отправок с товарными вложениями[4].

В соответствии с ТК ЕАЭС международными почтовыми отправлениями признаются посылка, отправление письменной

корреспонденции, являющиеся объектами почтового обмена согласно актам Всемирного почтового союза.

Посылки и отправления письменной корреспонденции сопровождаются пакетом документов, который также предусмотрен Всемирным почтовым союзом. Международными почтовыми отправлениями признаются посылки, отправления письменной корреспонденции, которые пересылаются через таможенную границу ЕАЭС.

Перемещая товары в МПО, стоит упомянуть о таможенном контроле, который осуществляется таможенными органами государства-члена ЕАЭС, который назначен оператором почтовой связи, так письменная корреспонденция предъявляется для таможенного контроля при наличии условия полагать, что в пересылаемом отложении содержатся запрещённые товары.

Говоря о пересылке товаров в МПО, то здесь не допускается товары, запрещённые к пересылке, отталкиваясь от актов Всемирного почтового союза и законодательства ЕАЭС.

Ограничены к перемещению через таможенную границу ЕАЭС в МПО такие товары как наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, включая в этот перечень грибы, растения, содержащие рассматриваемые вещества, перемещая которые, лицо несёт ответственность за данное деяние.

Выявляя факт несоблюдения запретов и ограничений, таможенный орган запрещает ввоз данного товара на таможенную территорию, с последующим доведением сведений до оператора почтовой связи.

На практике, взаимодействие ФТС России и уполномоченного оператора почтовой связи РФ – «Почта России», достигла значительных успехов, предоставляя, впервые на рынке коммерции, технологию удалённого осмотра МПО, принимая удалённо решение о выпуске данных товаров, что позволило значительно снизить время обработки отправок, минимизируя человеческий фактор и повышая безопасность пересылки.

1. Акимов Н.Е., Мигел А.А. Взаимодействие таможенных служб стран ЕАЭС в новом информационном пространстве // Modern Economic Success. - 2021. - №2. - С. 117-120.
2. Бодак В.Р., Володина Е.В., Ахмедзянов Р.Р. Международно-правовые основы сотрудничества в борьбе с наркоторговлей // Вектор экономики. - 2023. - № 5 (83). –п/н 28.
3. Запреты и ограничения во внешней торговле государств-членов Таможенного союза: учебное пособие / под общей ред. А.А. Арского; Министерство образования и науки Российской Федерации. – Москва: Изд-во РИО РТА, 2019. - 170 с.: ил. – Библиогр.: с. 47–48. – Текст: непосредственный.
4. Федеральная таможенная служба: официальный сайт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.customs.ru>.
5. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. — Текст: электронный // Федеральная таможенная служба России: официальный сайт. — 2020. — URL : <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:2874195347519283::NO> (дата обращения: 17.04.2024).

Самойленко Ю.И., Шарипова Э.А.

Перспективы развития современной государственной службы в Российской Федерации

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-251

Аннотация

В статье рассмотрены понятие и правовое регулирование государственной службы РФ, выявлены проблемы и предложены перспективы развития современной государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба, государственные служащие, система государственной службы, проблемы, перспективы.

Abstract

The article examines the concept and legal regulation of the civil service of the Russian Federation, identifies problems and suggests prospects for the development of modern civil service.

Keywords: civil service, civil servants, system, problems, prospects.

Актуальность исследования заключается в том, что настоящее время, в сферах управления и юриспруденции, эффективность государственной службы является напряженной проблемой. Первостепенной задачей в Российской Федерации является создание эффективного государственного аппарата, способного работать в современных условиях, высокопрофессионального и экономичного. Для решения данного вопроса необходимо одновременно осуществить меры, направленные на полноценное развитие правового института государственной службы [5].

Правовой институт государственной службы имеет достаточно большое количество проблем. Сегодня, на практике действующее законодательство не применяется должным образом, и соответственно влечёт за собой снижение эффективного развития государственной службы. В настоящее время между существующими законодательными положениями и их практическим осуществлением существуют различия, что приводит к препятствию оптимального функционирования государственной службы [4].

Понятие «государство» служит основой концепции государственной службы, которая укореняется в коллективном понимании цели государства и идеалов, удерживаемых общей

популяцией. В соответствии с принципами, изложенными во Всеобщей декларации прав человека и Международной конвенции о гражданских и политических правах (статья 25), обязательным является признание государственных служб как учреждений, обеспечивающих равный доступ и непосредственное участие граждан в управлении общественными делами. Официальное определение понятия «государственная служба» закреплено в законодательстве и трактуется в ч. 1 ст. 1 Закона

«О системе государственной службы Российской Федерации» [2].

В Российской Федерации правовое управление государственной службы представляет собой многофункциональную систему нормативных инструментов, предназначенных для обеспечения оптимального функционирования государственной машины и защиты интересов как государственного, так и гражданского общества. Соблюдение законодательных положений, регулирующих государственную службу, является ключевым условием для поддержания прозрачности, эффективности и ответственности в сфере деятельности государственных органов [6].

Основной целью государственной службы является всестороннее сохранение и обновление требований как государства, так и общества, тем самым сохраняя их коллективные интересы.

Однако, сегодня, с реализацией основной цели, в данном правовом институте возникает множество проблем, а именно [5]:

- проблема правильного построения и организации штата сотрудников, поступающих на государственную службу. В данном случае может сформироваться мнимая потребность в дополнительных сотрудниках аппарата управления государственной службы, что повлечет за собой нерентабельность выполнения поставленных задач;
- отсутствие единой кадровой политики системы государственного управления, что является серьёзным потенциалом для застоя и результативности при внедрении новой нормативно-правовой базы на всех уровнях и этапах прохождения государственной службы;
- множественность ограничений и запретов для государственных служащих. Так, например, анализируя законодательство о труде, нормами которого устанавливается и регулируется порядок приёма сотрудников на работу, с положениями ст. 16 и ст. 17 Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», для государственных служащих предусмотрено 11 запретов и 19 ограничений только при поступлении на государственную службу. Однако, при таком огромном массиве «механизма сдерживания» отсутствует определённая система развития стимулов у граждан, поступающих на государственную гражданскую службу [1];
- проблема малоэффективного контроля за соблюдением законности в профессиональной деятельности государственного служащего, что в дальнейшем порождает множественность правонарушений, а также «контрпродуктивность» в деятельности государственного служащего;
- проблема недостаточной и соответствующей требованиям квалификации сотрудников на государственной службе.

Все вышеперечисленные аспекты свидетельствуют о том, что правовой институт государственной службы имеет достаточно большое количество проблем. Сегодня, на практике действующее законодательство не применяется должным образом, и соответственно влечёт за собой снижение эффективного развития государственной службы.

На основании изложенного, можно выделить следующие перспективы развития современной государственной службы [6]:

- рекомендуется упростить рабочие категории, роли и обязанности путем устранения компенсаций и консолидации подобных функций и задач. Это позволит создать четкую «иерархию позиций» с определенными требованиями

и назначенными профессиональными обязанностями для каждой категории государственных должностных лиц, тем самым предотвращая перегрузку или отсутствие профессионализма;

- в целях повышения мотивации работников необходимо модернизировать условия труда, которые в настоящее время находятся за современными тенденциями. Одним из ключевых аспектов достижения этой цели является интеграция технологий для упрощения и совершенствования деятельности работников, в том числе принятие удаленных трудовых договоренностей для конкретных задач;
- создание нормативной базы для подготовки, повышения навыков и оценки профессиональных компетенций государственных должностных лиц является жизненно важным для предотвращения профессиональной стагнации и низкой производительности. Кроме того, внедрение всесторонней системы управления на всех уровнях государственной власти необходимо для обеспечения эффективного управления;
- пересмотр системы мониторинга для обеспечения соответствия между государственными должностными лицами должен быть реализован, чтобы гарантировать ответственность и прозрачность во всей государственной службе.

Анализируя вышесказанное, следует отметить, что установленный механизм государственной службы, на данный момент, требует модернизации и введения современных тенденций, чтобы обеспечить эффективное развитие и соответственно улучшить государственное управление.

Совершенствование системы управления государственной службы является ключевой предпосылкой для решения общественных вызовов и укрепления устойчивости российского государства. Власти и правительственные агентства имеют возможность непосредственно повлиять на прогрессирование продолжающихся реформ внутри страны, тем самым облегчая исполнение решений, предназначенных для модернизации жизни российских граждан.

Инновативные разработки в сфере государственной службы в России направлены на повышение качества управления и достижение высших результатов как для общества, так и для государства. Данный прогресс приоритетным направлением является стремление к повышению прозрачности и эффективности, в сочетании с улучшениями в оказании услуг, включая укрепление профессиональных стандартов, установление комплексных систем поддержки и обновление квалификаций работников [6].

В заключении можно сделать вывод, что организация и осуществление государственной службы представляет собой сложный административно-правовой институт, который выполняет важную роль в управлении государством и предоставлении качественных государственных услуг. Надо учитывать, что для того, чтобы повысить эффективность работы государственных служащих, необходимо учитывать и решать несколько проблем, одной из ключевых проблем является несоответствие квалификационным требованиям и профессиональным стандартам, а общий недостаток специалистов может повлиять на качество государственных услуг. В связи с этим, необходимо уделять значительное внимание подбору, адаптации и поддержанию мотивированности сотрудников, а также работать над созданием обширной и многогранной системой оценки и повышения профессиональных навыков сотрудников. Необходимо разработать механизмы «контроля гражданского общества за конкурсными процедурами формирования кадрового контингента» [7], «по степени готовности занимать определённую должность» [8], чтобы на должности государственной службы попадали наиболее подготовленные.

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) //Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, N 31, ст. 3215.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023)//Собрание законодательства РФ», 02.06.2003, N 22, ст. 2063.
3. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ
4. «О Правительстве Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 09.11.2020, N 45, ст. 7061.
5. Абдурахимова М. Г. Проблема эффективного развития государственной службы в Российской Федерации / М. Г. Абдурахимова, Д. Р. Кязимова // Проблемы и перспективы развития социально-экономических,

- правовых и политических аспектов современного общества: риски и стратегии: Материалы II международной научно-практической конференции, Донецк, 05 апреля 2023 года. – Донецк: ГБОУ ВО "Донбасская юридическая академия", 2023. – С. 11-14.
6. Важинская А.В. Проблемы организации государственной службы в Российской Федерации / А. В. Важинская, Д. А. Гучмазова // Современные тенденции развития торговли и таможенного дела: Тезисы докладов и выступлений IX Международной научной конференции молодых ученых, Донецк, 15 ноября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 89-92.
 7. Соболев Н. П. Проблемы правового регулирования государственной службы / Н. П. Соболев, М. А. Матинян // Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 17 ноября 2023 года. – Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2023. – С. 287-292.
 8. Заика М.Л., Шарипова Э.А. Правовые основы служебного поведения государственных гражданских и муниципальных служащих в субъектах Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 119-121.
 9. Аминов И.Р., Шарипова Э.А. Муниципальная служба как институт муниципального права: исторические и финансовые особенности реформирования // Образование и право. 2024. №1. С.71-73.

Свистунов Д.В.

**Особенности привлечения к административной ответственности
за правонарушения посягающих на здоровье граждан,
санитарно-эпидемиологическое благополучие населения
и общественную нравственность в сети Интернет или с использованием сети Интернет**
*КАРК «Юридическая компания «ЮРКОРПУС»
(Россия, Красногвардейское)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-252

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены основные аспекты административной ответственности за пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, растений и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, совершенное с использованием сети «Интернет». Дана характеристика состава административного правонарушения, выявлены основные проблемы исследуемого состава правонарушения, определены основные понятия, изучена судебная практика и даны практические рекомендации по введению применительно для уголовного кодекса и кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях понятий «пропаганды» и «незаконной рекламы».

Ключевые слова: наркотические средства и психотропные вещества, пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

Abstract

This article discusses the main aspects of administrative responsibility for the propaganda and illegal advertising of narcotic drugs, psychotropic substances or precursors, plants and their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their precursors committed using the Internet. The characteristics of the composition of an administrative offense are given, the main problems of the studied composition of the offense are identified, the basic concepts are defined, judicial practice is studied, and practical recommendations are given for the introduction of the concepts of "propaganda" and "illegal advertising" in relation to the criminal Code and the Code of the Russian Federation on administrative offenses.

Keywords: narcotic drugs and psychotropic substances, propaganda of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors, illegal advertising of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors.

Здоровье граждан, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественная нравственность являются особо охраняемыми в любом государстве и обществе.

Статья 41 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждый имеет право на охрану здоровья.

Понятие охраны здоровья включает в себя широкий смысл и охватывает деятельность государства, направленную на заботу не только физиологического здоровья населения, но и нравственного.

Актуальность охраны здоровья имеет значение в различные периоды и эпохи.

В настоящее время, в связи со стремительным развитием сети Интернет, общество поглощено всевозможными гаджетами и иными источниками получения информации из сети Интернет.

Использование сети Интернет создает благоприятные условия для пропаганды или незаконной рекламы наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, растений и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Углубившись в историю можно сделать вывод о том, что впервые в Российской Федерации административная ответственность за пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств и психотропных веществ была введена в статье 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) в 2001 году.

Законодателем норма была введена в целях выполнения положений статьи 10 Конвенции о психотропных веществах и статьи 3 Конвенции Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ».

Норма претерпевала изменения несколько раз с момента введения и в настоящее время согласно действующей редакции предусматривает ответственность за пропаганду либо незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 512-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» ст. 6.13 КоАП РФ дополнена новой ч. 1.1, устанавливающей административную ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее Наркотических средств).

Санкция указанной нормы предусматривает наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц - от одного миллиона до одного миллиона пятисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Срок давности привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного названной нормой, составляет один год и исчисляется со дня обнаружения административного правонарушения.

Родовым объектом являются общественные отношения по охране здоровья населения и общественной нравственности.

Исследованиями отечественных криминологов и психологов установлено, что действия по пропаганде наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров

способствуют негативному процессу криминализации общественного сознания, так как направлены на распространение в обществе информации о возможности незаконного оборота указанных веществ и их потребления без назначения врача, а также формирование положительного отношения к данным противоправным деяниям.

Соглашаясь с Гутовым И.В. и Мориным А.В. целью установления административной ответственности за рассматриваемое административное правонарушение является организация противодействия незаконному обороту наркотических средств, а также защита здоровья населения, общественной нравственности и порядка.

Законодатель по мере изменения общества вводил четкий запрет пропаганды и существенное ограничение рекламы в сфере оборота наркотических средств, впервые это сделано было в статье 46 Федерального закона №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». В дальнейшем запретительная норма была введена Федеральным законом №90-ФЗ «О средствах массовой информации».

Также статья 7 Федерального закона от 13.03.2006 года №38 ФЗ «О рекламе» указывает на недопущение рекламы наркотических средств.

Объектом рассматриваемого правонарушения являются общественные отношения, регламентирующие запрет пропаганды и ограничения рекламы в сфере оборота наркотических средств.

Предметом административного правонарушения является непосредственно информация о наркотических средствах.

Согласно статье 2 Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: информация - сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Понятия наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров содержатся в статье 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (далее Перечень) содержится в Постановлении Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 года №681.

Для установления состава административного правонарушения необходимо достоверно определить, что пропагандируется или рекламируется именно наркотические средства, включенные в Перечень.

Объективная сторона состава административного правонарушения по ст. 6.13 КоАП РФ содержит следующие противоправные действия:

- пропаганда наркотических средств;
- незаконная реклама наркотических средств.

Объективную сторону составляет как каждое из перечисленных противоправных действий в отдельности, так и одновременное либо последовательное их осуществление.

Для установления наличия исследуемого состава административного правонарушения, а именно его объективной стороны правоприменителю необходимо выяснить:

- какие действия являются пропагандой, а какие незаконной рекламой наркотических средств;
- какая конкретно информация и о каких именно веществах является предметом административного правонарушения.

В части 1 и 2 статьи 46 Федерального закона №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» запрещена:

1. пропаганда наркотических средств осуществляемая юридическими или физическими лицами и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных

- сведений посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях;
2. пропаганда каких-либо преимуществ в использовании отдельных наркотических средств, в том числе пропаганда использования в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье.

Пропаганда наркотических средств — это деятельность физических или юридических лиц, направленная:

- на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления, местах приобретения наркотических средств содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо прекурсоры;
- на производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации в целях распространения указанных сведений;
- на распространение в сети Интернет;
- на совершение иных действий в целях распространения вышеперечисленных сведений;
- на пропаганду каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств;
- на пропаганду каких-либо преимуществ в использовании отдельных наркотических средств подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье.

Резюмируя описанное выше можно сделать вывод о том, что любое действие нарушающие запреты, установленные ч. 1 и 2 ст. 46 Федерального закона №3 «О наркотических средствах и психотропных веществах», является пропагандой наркотических средств и составляют признаки субъективной стороны административного правонарушения.

Согласно статье 3 Федерального закона «О рекламе» определено понятие реклама - информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Рекламой наркотических средств является информация, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, формирование или поддержание интереса к ним и их продвижение на рынке.

Отличием от пропаганды наркотических средств которая запрещена безусловно и влечет административную ответственность, реклама указанных веществ является деянием, за которое в случае ее незаконности наступает административная ответственность.

Изучая проблематику в процессе исследования мы приходим к выводу о том, что нет четкого определения незаконной рекламы.

В федеральном законе «О рекламе» содержится понятие ненадлежащей рекламы, под которой поднимется реклама, несоответствующая требованиям законодательства Российской Федерации. Ввиду отсутствия более точного понятия, на наш взгляд, понятие незаконной рекламы и ненадлежащей рекламы применительно к исследуемому составу административного правонарушения являются тождественными.

Проанализировав законодательство следует сделать вывод, что незаконной рекламой является:

- любая реклама наркотических средств внесенных в список I Перечня наркотических средств и психотропных веществ;

- реклама наркотических средств внесенных в списки II и III Перечня наркотических средств и психотропных веществ, размещенная вне мест проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных мероприятий, а также специализированных печатных изданиях, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников;
- распространение в целях рекламы образцов лекарственных средств, содержащих наркотические средства и психотропные вещества;
- реклама наркотических средств.

Административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.13 КоАП РФ является формальным, так как наступление негативных последствий правонарушения (например приобретение, изготовление или незаконное потребление наркотиков потребителем рекламы) не является обязательным признаком его объективной стороны. Для наступления административной ответственности достаточно самого факта пропаганды или незаконной рекламы наркотических средств. Следует считать оконченным исследуемое правонарушение с момента осуществления пропаганды или незаконной рекламы.

Субъект административного правонарушения широк. Субъектами признаются все виды лиц: физические лица достигшие 16-летнего возраста (граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства), должностные лица, лица осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица.

Субъективная сторона административного правонарушения характеризуется умышленной формой вины физического лица. Умысел может быть как прямым так и косвенным.

На наш взгляд, применительно к исследуемому правонарушению самым сложным и проблемным обстоятельством которое подлежит установлению по делу об административном правонарушении, совершенным юридическим лицом это его виновность.

Конституционное положение презумпции невиновности закреплено в ст. 1.5 КоАП РФ и распространяется на всех лиц.

В настоящее время нормативного обоснования, разъяснения и рекомендаций относительно установления вины юридических лиц, совершивших административное правонарушение по ст. 6.13 КоАП РФ нет.

Соглашаясь с Гутовым И.В. и Мориным А.В. полагаем, что в правоприменительной практике необходимо исходить из следующих правил.

Вина юридических лица будет доказана во всех случаях установления вины в совершении данного административного правонарушения должностного лица или физического лица - работника этого юридического лица, если работник действовал в пределах в своих должностных обязанностей.

Вина юридического лица будет отсутствовать при наличии вины работника, когда в нарушении своих должностных обязанностей работник разместил рекламу товаров не принадлежащих юридическому лицу либо никак не связанных с юридическим лицом (например свой товар или товар иного юридического или физического лица без соответствующих документов и разрешений юридического лица).

В случае исключения ответственности должностного лица или при невозможности установления конкретного должностного лица, виновного в совершении административного правонарушения следует исходить из:

- доказанности наличия самого факта пропаганды или незаконной рекламы наркотических средств т.е. нарушения юридическим лицом установленных законодательством правил и норм;
- наличия всех признаков объективной стороны правонарушения, определенных в ст. 6.13 КоАП РФ, а также в ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», в ст. 3, п.п. 1,2 ст. 7 и п.п.9, 10 ст. 24 Федерального закона «О рекламе»;

- отсутствия обстоятельств, устраняющих вину юридического лица: крайняя необходимость, действия непреодолимой силы, когда нарушение запретов в сфере пропаганды наркотиков было вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми препятствиями, находящимися вне контроля юридического лица.

Детально проанализировав норму ст. 6.13 КоАП РФ мы делаем вывод о крайне низкой вероятности возникновения действия перечисленных при совершении юридическим лицом данного административного правонарушения.

Процесс доказывания вины юридического лица достаточно сложен, для установления вины требуется, как правило, совокупность доказательств. Бремя доказывания возложено на лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении.

Важнейшим обстоятельством для установления вины юридического лица является выяснение того находится ли соблюдение определенных правил и норм в сфере возможностей юридического лица и зависят ли от него те меры, которые должны быть приняты по их соблюдению.

Также исследуемый состав административного правонарушения как и иные составы административных правонарушений местом совершения которого является, сеть Интернет имеет следующие проблемы:

1. установление личности привлекаемого, ознакомление привлекаемого с определениями о назначении экспертиз;
2. отсутствие правового регулирования в части доказывания (в настоящее время непредусмотренное процессуальных документов предоставляющих возможность документирования страниц в сети Интернет).
3. отсутствие взаимодействия между субъектами административной юрисдикции и судом.

Проблема установления личности одна из ключевых если не самая главная. В сети Интернет зачастую профили обезличены и получение персональных данных достаточно проблематично, а в случае если интернет-ресурс находится за границей то практически невозможно.

Проблема установления личности была одной из тем конференции в Совете Федерации 21.06.2024 года «Цифровые инструменты профилактики и предотвращения административных правонарушений».

На сегодняшний день КоАП РФ не содержит понятия «Акт осмотра Интернет страницы» и доказательства получаемые должностными лицами при обозрении информации изложенной на интернет-страницах процессуально оформляются по аналогии с протоколом осмотра места совершения административного правонарушения, однако ввиду отсутствия правового регулирования такие механизма, не применяются такие элементы как присутствие понятых либо видеофиксация.

Отсутствие взаимодействия между субъектами административной юрисдикции и судом.

Данная проблема заключается в комплексе мероприятий начиная от надлежащего извещения сторон до участия свидетелей – лиц составивших протокол об административном правонарушении, что так же приводит к затягиванию процесса рассмотрения дела об административном правонарушении и прекращению по срокам давности нарушая принцип неотвратимости наказания.

Согласно «Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022)

Верховным Судом совместно с кассационными судами общей юрисдикции проведен мониторинг практики применения положений ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ, в связи с чем обращается внимание судов на следующее.

Размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в свободном публичном доступе фотографий, изображений, аудио- и видеопроизведений,

пропагандирующих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их части, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новые потенциально опасные психоактивные вещества (далее - наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры), подлежит квалификации по ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ.

Так, индивидуальный предприниматель М. разместил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в видеохостинге в открытом доступе аудио- и видеопроизведения, из содержания текста которых усматривалась пропаганда наркотических средств.

Вывод о наличии в действиях М. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ, сделан судьей районного суда на основании собранных по делу доказательств, в том числе с учетом заключений экспертов, в которых отмечено, что в размещенных в видеохостинге аудио- и видеопроизведениях дается положительная оценка наркотикам и допустимости их употребления.

Постановлением судьи районного суда индивидуальному предпринимателю М. назначено административное наказание в виде административного штрафа.

В другом случае Ш. разместил на своей странице в социальной сети, открытой для неопределенного круга лиц, файлы с изображением листьев по внешнему виду схожих с листьями растения конопли, а также с изображениями, указывающими на способы употребления наркотических средств, то есть допустил пропаганду растения, содержащего наркотические средства (каннабиноиды), с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Постановлением судьи районного суда Ш. привлечен к административной ответственности по ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

Под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» следует понимать деятельность, осуществляемую физическими или юридическими лицами в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также совершение иных действий в целях побуждения интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, способам их употребления и т.д.; формирования представления о факте потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров для достижения состояния наркотического опьянения как допустимого, желательного.

Например, постановлением судьи городского суда У. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ, в связи с тем, что разместил в социальной сети в свободном доступе для других лиц видеофайлы, на которых демонстрировались наркотические средства, способы их выращивания, а также давалась положительная оценка действиям, связанным с их употреблением.

В ходе рассмотрения в отношении У. дела об административном правонарушении судья городского суда пришел к выводу, что размещение им в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» видео, на которых изображались наркотические средства, является пропагандой наркотических средств, направленной на формирование у лиц его просматривающих, позитивного представления о наркотических средствах, в том числе на достижение состояния наркотического опьянения как желательного.

За совершенное административное правонарушение У. подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации» уголовный кодекс дополнен статьей 230.3 следующего содержания:

«Статья 230.3. Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), совершенная лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей.

Указанный выше закона, на наш взгляд, не решил имеющуюся проблему, так как ни в КоАП РФ, ни в УК РФ не содержится закрепленное понятие «пропаганда» и «незаконная реклама», что дает основание опасаться необоснованного привлечения к уголовной и административной ответственности в том числе и несовершеннолетних лиц.

Учитывая все изложенное, на наш взгляд, необходимо дополнить предлагаемые изменения в УК РФ в статье 230.3 примечанием, в котором определить применительно для уголовного кодекса и кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях понятия «пропаганды» и «незаконной рекламы».

Также на наш взгляд необходимо на законодательном уровне урегулировать взаимоотношений между субъектами административной юрисдикции и собственниками (владельцами) интернет-ресурсов в части предоставления персональных данных в сокращенный срок путем электронного документооборота;

Необходимо введение в КоАП понятия акт осмотра Интернет-страницы с теми же требованиями что и к протоколу осмотра места совершения административного правонарушения или дополнение существующей нормы ст. 28.1.1 КоАП РФ следующим содержанием:

1. В случае совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.24 или частью 2 статьи 12.30, частью 2 и 3 статьи 5.61, частью 1.1 статьи 6.13, статьи 6.13, части 2 и 3 статьи 6.17, частей 3-8 статьи 6.21, частей 2 - 4 статьи 6.21.2, части 3 статьи 6.33, части 2 статьи 8.5.2, части 4 - 12 статьи 13.15, части 2 – 6 статьи 13.41, части 1 ст. 14.1.1, части 7-17 статьи 14.3, статьи 14.52, части 2 статьи 14.52.2, части 2 статьи 14.62, статьи 15.33.1, статьи 15.48, части 4 и 5 статьи 19.34, части 3 статьи 20.1, статьи 20.3.1, статьи 20.3.2 и статьи 20.3.3 Кодекса, составляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения.
2. Налаживание взаимодействия между субъектами административной юрисдикции и судом например как при рассмотрении уголовных дел когда сторона обвинения при невозможности судом надлежащим образом известить свидетеля или иное лицо, или когда эти лица уклоняются от явки в суд, изыскивает возможность известить или доставить в суд указанных лиц с целью избежания затягивания процесса и избежания наказания при пропуске срока привлечения (принцип неотвратимости наказания).

1. Чабаянц М. Б. Криминологические аспекты влияния насилия и жестокости в средствах массовой коммуникации на агрессивное поведение несовершеннолетних: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ю.н.: Спец. 12.00.08 / Чабаянц Марина Бениаминовна; [Ставроп. гос. ун-т]. - Ставрополь, 2002. - 22 с. ; 20 см. - Библиогр.: с. 21-22 (6 назв.)
2. Гутов И.В., к.ю.н., доцент Морин, к.ю.н. Особенности производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на миграционные отношения. // Пробелы в российском законодательстве №5, 2011. С. 244–248. - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16973258/>
3. Гутов И.В., к.ю.н., доцент Морин, к.ю.н. Административная ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры //Бизнес в законе 4.2012. С. 76–81 - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18026353/>

Сысоев И.Р.**Роль прокурора в арбитражном судопроизводстве***Кубанский государственный аграрный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-253

Аннотация

В статье анализируются актуальные проблемы участия прокурора в арбитражном судопроизводстве. Рассматриваются дискуссионные вопросы толкования понятия "публичный интерес", разграничения процессуальных прав и обязанностей прокурора и иных лиц, участвующих в деле, распределения судебных расходов по делам, инициированным прокурором. Выявляются пробелы и коллизии действующего арбитражного процессуального законодательства в части регламентации оснований и форм участия прокурора в арбитражном процессе. Предлагаются возможные пути совершенствования положений АПК РФ и правоприменительной практики в целях повышения эффективности прокурорского надзора в сфере защиты публичных интересов при осуществлении экономической деятельности. Обосновывается необходимость обеспечения разумного баланса частноправовых и публично-правовых начал в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: арбитражный процесс, прокурор, публичный интерес, процессуальный статус, судебные расходы, оспаривание ненормативных правовых актов, совершенствование законодательства.

Abstract

The article analyzes the current problems of the participation of the prosecutor in arbitration proceedings. The controversial issues of interpretation of the concept of "public interest", differentiation of procedural rights and obligations of the prosecutor and other persons involved in the case, distribution of court costs in cases initiated by the prosecutor are considered. Gaps and conflicts of the current arbitration procedural legislation regarding the regulation of the grounds and forms of participation of the prosecutor in the arbitration process are revealed. Possible ways of improving the provisions of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and law enforcement practice are proposed in order to increase the effectiveness of prosecutorial supervision in the field of protecting public interests in the implementation of economic activities. The necessity of ensuring a reasonable balance of private law and public law principles in arbitration proceedings is substantiated.

Keywords: arbitration process, prosecutor, public interest, procedural status, court costs, challenging non-normative legal acts, improving legislation.

Арбитражное судопроизводство является одной из ключевых сфер правоприменительной практики в России, обеспечивая разрешение экономических споров и защиту прав предпринимателей. В Конституции Российской Федерации в ст. 46 закрепляется предоставление государством гарантированного права на судебную защиту прав и законных интересов граждан.

Важную роль в арбитражном процессе играет прокурор, чье участие регламентируется Арбитражным процессуальным кодексом РФ (АПК РФ) и другими нормативно-правовыми актами. В данной статье мы постараемся комплексно рассмотреть роль прокурора в арбитражном процессе, проанализировать различные формы его участия, оценить преимущества и недостатки такого участия, а также привести некоторые практические примеры из судебной практики.

Прежде всего, следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 52 АПК РФ, прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением в защиту публичных интересов. При этом под публичными интересами понимаются интересы неопределенного круга лиц, правовые интересы общества и государства. Таким образом, основной формой участия прокурора в арбитражном

процессе является инициирование судебного разбирательства путем подачи искового заявления. На практике прокуроры чаще всего оспаривают ненормативные правовые акты, решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, которые не соответствуют закону и нарушают права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской деятельности.

Помимо подачи исковых заявлений, прокурор также вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности (ч. 5 ст. 52 АПК РФ). На практике прокуроры довольно часто пользуются этим правом, особенно по делам, имеющим существенное публично-правовое значение. Вступая в процесс, прокурор дает заключение по делу, в котором излагает свою позицию относительно предмета спора. Такое заключение, хотя и не является обязательным для суда, но подлежит обязательной оценке наряду с другими доказательствами по делу.

Участие прокурора в арбитражном процессе имеет как свои преимущества, так и определенные недостатки. С одной стороны, активная позиция прокурора способствует защите публичных интересов, восстановлению законности и предупреждению правонарушений в экономической сфере. Как справедливо отмечает Т.Н. Отческа, "участие прокурора в арбитражном процессе - это форма реализации возложенной на прокурора Конституцией Российской Федерации функции по осуществлению надзора за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов" [1, с. 42]. С другой стороны, чрезмерно активное вмешательство прокурора в хозяйственные споры может нарушать принцип диспозитивности арбитражного процесса, ущемлять право сторон на свободное распоряжение своими процессуальными правами. В связи с этим в литературе высказываются предложения по оптимизации форм участия прокурора в арбитражном процессе, введению определенных ограничений и фильтров для такого участия [2, с. 98].

Анализируя арбитражную практику, можно привести немало примеров, когда участие прокурора в процессе имело решающее значение для исхода дела. Так, в деле №№ А10-8510/2023 арбитражный суд Республики Бурятия по иску прокурора признал недействительным договор аренды лесного участка, заключенный между Комитетом лесного хозяйства МО и коммерческой организацией. Прокурор мотивировал требования тем, что при заключении договора не были соблюдены конкурсные процедуры, предусмотренные Лесным кодексом РФ. В другом деле № № А79-9602/2023 арбитражный суд Чувашской республики по иску прокурора взыскал с АО "НПО "Молния" в доход федерального бюджета 58 млн. руб. неосновательного обогащения, полученного в результате незаконного использования помещений, принадлежащих Российской Федерации.

Одной из ключевых проблем является неоднозначное толкование самого понятия "публичный интерес", которое является основанием для участия прокурора в арбитражном процессе. Действующее законодательство не содержит легального определения данного термина, что порождает различные подходы в правоприменительной практике. В одних случаях суды трактуют публичный интерес предельно широко, относя к нему фактически любые интересы государства и общества. В других случаях, напротив, проявляется излишне ограничительный подход, при котором прокурору отказывают в защите публичных интересов по формальным основаниям. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в АПК РФ четкие критерии публичного интереса, наличие которых являлось бы достаточным основанием для инициирования или вступления прокурора в арбитражный процесс. Ведь Истина является для многих высшей нравственной ценностью, эталоном. Ее понятие синонимично искренности и правде. Это будет способствовать объективному рассмотрению дел судами, помогая установить реальные обстоятельства фактической действительности без искажения. [4, с. 352]

Другой важной проблемой является соотношение полномочий прокурора и процессуальных прав и обязанностей других лиц, участвующих в деле. Как справедливо

отмечает А.Ю. Гулягин, "двойственный характер правового статуса прокурора, а также множественность выполняемых им функций зачастую вызывают трудности в разграничении его процессуальных прав и обязанностей" [3, с. 88]. С одной стороны, прокурор обладает широкими полномочиями по даче заключений, обжалованию судебных актов, истребованию доказательств. С другой стороны, реализация этих полномочий не должна нарушать процессуальные права других участников процесса, включая право на состязательность и равноправие сторон. В этой связи заслуживает внимания предложение о более четком разграничении в АПК РФ процессуального статуса прокурора, иницирующего судебное разбирательство, и прокурора, вступающего в уже начатый процесс для дачи заключения [6, с. 234].

Кроме того, на практике возникают вопросы, связанные с распределением судебных расходов по делам, инициированным прокурором. По общему правилу, установленному ст. 110 АПК РФ, судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Вместе с тем, прокурор, обращаясь в защиту публичных интересов, фактически не несет судебных расходов, перекладывая их на других участников процесса, включая органы государственной власти и местного самоуправления. Данное обстоятельство порождает неравенство процессуальных прав и обязанностей, ставит под сомнение действие принципа "равных правил игры" для всех участников арбитражного процесса. В связи с этим заслуживает поддержки предложение о закреплении в АПК РФ правила о том, что судебные расходы по делам, инициированным прокурором, должны возмещаться за счет бюджетных средств прокуратуры [2, с. 132].

Наконец, проблемным является вопрос об оспаривании прокурором в арбитражном процессе ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления. С учетом ст. 198 АПК РФ, такое оспаривание возможно, если оспариваемый акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда органы прокуратуры оспаривают в арбитражных судах публично-правовые акты ненормативного характера не в интересах конкретных хозяйствующих субъектов, а в интересах неопределенного круга лиц, общества и государства. В связи с этим высказываются предложения о корректировке положений АПК РФ в части уточнения предмета и оснований обращения прокурора в арбитражный суд с требованиями об оспаривании ненормативных правовых актов. Правильное разрешение этого аспекта также дает гарантию действия права на судебную защиту [4, с. 351].

Обобщая вышеизложенное, следует признать, что институт участия прокурора в арбитражном процессе, несмотря на свое важное значение, не лишен отдельных недостатков и пробелов правовой регламентации. Совершенствование соответствующих положений АПК РФ должно происходить по пути уточнения процессуального статуса прокурора, разграничения его прав и обязанностей, обеспечения баланса публичных и частных интересов в арбитражном судопроизводстве. Кроме того, требуется дальнейшее обобщение и анализ практики участия прокуроров в арбитражных делах на предмет выявления наиболее типичных нарушений и выработки единообразных подходов в правоприменении. Указанные меры будут способствовать повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением законности в экономической сфере при одновременном уважении процессуальных прав иных участников арбитражного судопроизводства.

1. Воронин О.В. О содержании функции прокурора в рассмотрении дел судами // Вестник Томского государственного университета. Право. С. 42-54.
2. Гринь, Е. А. Проблемы заключения и реализации третейских соглашений / Е. А. Гринь, П. И. Калинина // Аграрное и земельное право. 2019. С. 148-151.
3. Отческая Т.Н. Участие прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. С. 164-172.

4. Гринь, Е. А. К вопросу об определении международной подсудности / Е. А. Гринь // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции, Краснодар, 19 декабря 2019 года / Ответственный за выпуск А. Г. Кошаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 351-352.
5. Русских И.Ю., Пушкина Т.Н. Участие прокурора в арбитражном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. С. 183-190.
6. Ухова Л.Д. Некоторые проблемы участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Вестник омского университета. Серия «Право». 2008 С. 231-234.

Терентьев А.В.

Судебная власть и разделение властей в Российской Федерации

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-254

Аннотация

В статье проанализированы существующие суждения относительно влияния судебной власти, её полномочий, функций и значения в современной государственной правовой системе, определены основные направления деятельности. Определяя сущность судебной власти, стоит заметить, что в качестве такой выступают те её признаки, которые являются специфическими и позволяют отличить ее от иных видов государственной деятельности. Наделение судов властными полномочиями отправлять правосудие и применять карательные санкции к правонарушителям определило их место и значение в системе государственной власти.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, конституционный контроль, норма права, государственное принуждение.

Abstract

The article analyzes the existing judgments regarding the influence of the judiciary, its powers, functions and significance in the modern state legal system, identifies the main areas of activity. Defining the essence of judicial power, it is worth noting that such are those of its features that are specific and allow it to be distinguished from other types of state activity. The empowerment of the courts to administer justice and apply punitive sanctions to offenders has determined their place and importance in the system of State power.

Keywords: judicial power, justice, constitutional control, rule of law, state coercion.

Конституционное закрепление самостоятельности судебной власти в российском законодательстве (ст. 10 Конституции Российской Федерации) определяет её уникальную роль в механизме разделения властей. Глава 7 Конституции РФ содержит нормы, которые определяют особенности и принципы её деятельности.

Судебная система призвана обеспечивать действенность правового механизма разрешения конфликтов полномочий между различными органами власти и способствует обеспечению политической стабильности и исключению кризисных ситуаций. В силу выполняемых ею функций, правового статуса, авторитета и компетентности, которые являются специфическими отличающимися от других властных структур, она способна поддерживать систему «сдержек и противовесов» в механизме управления государством. И играет роль противовеса относительно других её составляющих, укрепляя при этом целостность и единство всей системы [1, с. 114].

Определяя сущность судебной власти, стоит заметить, что в качестве такой выступают те её признаки, которые являются специфическими и позволяют отличить ее от иных видов государственной деятельности. Думается, что именно специфика деятельности судебной власти по отправлению правосудия определяет особенное место судебной власти в системе разделения властей и отражает значимость такой в Российской Федерации. Судебная власть призвана влиять на поведение субъектов судопроизводства, устранять нарушение права,

восстанавливать нарушенное право, применять к правонарушителям определенное законом принуждение и тем самым обеспечивать стабильность правоотношений.

Конституционный контроль определяет положение судебных органов во власти и отражает её значимость в защите и восстановлении нарушенных прав субъектов, и носит не только предупредительный (превентивный), но и правозащитный характер. В данной интерпретации отличительная особенность заключается в наличии у арбитра возможности судить о праве, определяя его на основе собственного внутреннего убеждения [3, с. 25], руководствуясь нормами права.

К ведению Конституционного Суда РФ относятся вопросы установления чётких полномочий между различными органами власти на различных уровнях. Разграничение полномочий властей разъясняется в его правовых позициях и обеспечивается сохранением взаимного баланса между ними, исключающего возможность их подчинения друг другу, представляя собой действенный механизм правоограничения, касающейся прежде всего законности их действий и решений.

Суды обладают исключительными полномочиями, и призваны применять, реализовывать и защищать правовые предписания. Их решения приобретают законную силу для участвующих в деле лиц и понимаются как окончательный результат применения нормы права, суды не уполномочены на установление или создание норм права в том понятии, в котором оно определено для законодателя. Исполнение вынесенного решения обеспечивается силой государственного принуждения, тем самым понуждая субъектов правоотношений к определённому поведению. Государственное принуждение, по мнению Н.В. Витрука, представляет собой принудительное воздействие, обеспечивающее поведение индивида вопреки его воле [2, с. 47].

Судебная власть в отличие от исполнительной не обладает силовыми механизмами, позволяющими поддерживать правопорядок, и призвана чаще всего восстанавливать его, поскольку в процессе конфликта происходит противодействие сторон, нарушение социального взаимодействия, которое непосредственно влечет нарушение правовых норм. Нормативное регулирование правоохранительной деятельности, к которой по своей сути относится и судебная деятельность, способствует осуществлению государственной политики по принуждению к неукоснительному исполнению законов. Исключительна в этом роль судов, наделенных властными полномочиями вершить правосудие и применять карательные санкции к нарушителям закона.

Суть возникающих правовых отношений власти заключается в возможности и способности легального, осуществляемого в строгом соответствии с актуальными социальными нормами, обычаями, авторитетом, правовым принуждением разрешения различных социальных конфликтов [5, с. 174]. С данным мнением следует согласиться лишь с той оговоркой, что правосудие осуществляется на основании правовых норм и отражает легальность действий. С учётом ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому право на судебную защиту, можно определить, что судебная власть обладает не только способностью и возможностью разрешения возникающих конфликтов, но и обязана это делать.

Сущность судебной власти заключается в правовых возможностях охраны конституционных норм путем обеспечения верховенства права, и их прямого действия на правовые отношения. Компетенция судов заключается в обеспечении единообразного толкования и применения правовых установлений. Примечательно, что разъяснительная работа является специфическим видом судебной деятельности. Судебная практика и судебное толкование не являются тождественными ввиду различия их юридической природы и последствий их правоприменения [4, с. 76].

Судебная власть, как одна из ветвей государственной власти определена закреплением её на конституционном уровне, и свидетельствует о её самостоятельности и независимости, высоком потенциале в разрешении возникающих в обществе конфликтов и споров, а также восстановлении нарушенных прав, оказанием ключевого воздействия на обеспечение верховенства закона, укоренение конституционализма.

Суды в процессе применения права устраняют нарушения правовых норм и способствуют поддержанию принципов законности и справедливости в государстве. Их независимая позиция по правовым аспектам взаимоотношений, выстраиваемых с другими государственными органами, опирается на правоприменительный подход в решении национальных проектов жизнедеятельности государства.

1. Бачило И.Л. О разделении, разграничении, единстве государственной власти Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 114.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М., 2009 С. 47
3. Дикова И.В. Специфика судебной власти в системе разделения властей // Закон и право. 2022. №6. С. 24–26.
4. Колесник И.В. Судебная практика и роль в ней судебного толкования: вопросы теории / И. В. Колесник // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4(107). С. 73–76.
5. Швандерова А.Р., Асташев Р.В. Теоретические проблемы судебной власти Российской Федерации: судебная власть как социально-правовой институт// Власть Закона. 2022. № 1 (49). С. 165–175.

Упоров И.В.

Начало и окончание сроков полномочий муниципальных депутатов: правовой аспект

Краснодарский университет МВД России

(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-255

Аннотация

В системе публично-властных отношений всех уровней (федерального, регионального, муниципального) органы публичной власти и должностные лица имеют сроки полномочий, которыми они наделяются соответствующими нормативно-правовыми актами. При кажущейся простоте определения этих сроков, есть ряд вопросов, которые трактуются неоднозначно. В статье рассматриваются особенности правового регулирования сроков полномочий местных депутатов (депутатов представительных органов местного самоуправления). Анализируются нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», законов субъектов Федерации о местном самоуправлении, муниципальных правовых актов, а также научные публикации, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, что по некоторым позициям нет четкости в том, с какой даты начинаются и, соответственно, заканчиваются полномочия местных депутатов (это касается, например, конкуренции двух дат: даты проведения выборов, когда кандидат в депутаты получил необходимое количество голосов избирателей, и даты официального опубликования избирательной комиссией результатов выборов). Представлено авторское видение данной проблематики.

Ключевые слова: местные депутаты, представительный орган, полномочия, закон, сроки, избирательная комиссия.

Abstract

In the system of public-authority relations of all levels (federal, regional, municipal), public authorities and officials have terms of office, which they are granted by the relevant regulatory legal acts. Despite the apparent simplicity of determining these terms, there are a number of issues that are interpreted ambiguously. The article examines the features of legal regulation of the terms of office of local deputies (deputies of representative bodies of local self-government). The norms of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation", laws of the subjects of the Federation on local self-government, municipal legal acts, as well as scientific publications that address the stated topic are analyzed. It is noted that for some positions there is no clarity on the date from which the powers of local deputies begin and, accordingly, end (this concerns, for example, the competition of two dates: the date of the elections when a candidate for

deputy received the required number of votes, and the date of the official publication of the election results by the election commission). The author's vision of this issue is presented.

Keywords: local deputies, representative body, powers, law, terms, election commission.

Совершенно очевидно, что депутатские полномочия имеют временные рамки их действия, то есть у них есть начало, есть и окончание [1, с. 57] (это касается депутатов всех уровней, но мы акцентируем внимание на муниципальном уровне). Данный аспект правового статуса депутата по некоторым аспектам трактуется неоднозначно, равно как их правовое регулирование имеет определенные противоречия. Предварительно заметим, что мы не акцентируем внимание на справедливом замечании В.А. Кириллова о том, что применительно к срокам полномочиям «термин «срок легислатуры» является более адекватным, нежели «срок полномочий» (срок исполнения полномочий), которым оперирует законодательство, учитывая, что исполнение полномочий во времени может быть незавершенным» [2, с. 60]. Поэтому, говоря о сроках полномочий, в данной работе имеются в виду именно сроки легислатуры. Внимание не акцентируется также на таком основании прекращения полномочий местного депутата, как его отзыв избирателями, что является очевидным и не требует обоснования – другое дело, что сам институт отзыва является проблемным [3; 4].

Сначала обратимся к федеральному законодательству. Согласно ч. 2,3,4 ст. 40 принятого в 2003 г. (и до сих пор действующего) ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ 2003) срок полномочий депутата (равно как и члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, но мы ведем речь только о депутате) устанавливается уставом муниципального образования и не может быть менее двух и более пяти лет, что совпадает с временными рамками деятельности представительного органа, в состав которого входит депутат. При этом данные полномочия начинаются со дня его избрания и прекращаются со дня начала работы представительного органа местного самоуправления нового созыва (статус самого этого органа подробно освещен в литературе, в частности, в работе А.А. Иванова [6]).

Что касается решений об изменении срока полномочий, а также решений об изменении перечня полномочий депутата, то таковые применяется только к депутатам, избранным после вступления в силу соответствующего решения, что отражает сложившуюся мировую практику, согласно которой депутаты не могут сами себе расширять или ограничивать полномочия – это возможно только для депутатов последующего созыва, что обуславливается как мораль-но-этическими нормами, так и организационными причинами (депутаты перед своим выдвижением во власть должны знать, какого рода полномочия они могут выполнять).

Исходя из этих соображений, в ФЗ 2003, в отличие от предшествующего федерального муниципального закона (1995 г.) [7] установлен максимальный срок депутатских полномочий (пять лет). Установленные сроки начала и прекращения полномочий депутатов обеспечивают непрерывность функционирования представительного органа. При этом согласно доминирующей позиции полномочия депутата начинаются со дня их избрания, хотя, например, представительный орган предыдущего созыва еще некоторое время может функционировать в прежнем составе, и за это время депутаты готовятся к правотворческой деятельности, встречаются с избирателями [8]. Такой вариант (когда депутаты нового созыва избраны, но продолжает действовать прежний представительный орган местного самоуправления) возможен, когда в ходе очередных или досрочных выборов правомочный депутатский состав сформировать не удастся, и продолжает действовать представительный орган прежнего созыва.

Но в этом случае продолжают сохранять свои полномочия депутаты и прежнего созыва, даже если они не избраны в представительный орган нового созыва. Они сохраняют свои депутатские полномочия до избрания представительного органа нового созыва в правомочном составе. Данное обстоятельство (не избран полномочный депутатский состав нового созыва) юридически может быть установлено только на первой сессии (первом заседании) представительного органа нового созыва. Как отмечается в литературе, до установления

указанного обстоятельства депутаты прежнего созыва должны сохранять свои полномочия. Вновь избранные депутаты до этого момента в своих полномочиях ограничены – они не могут принимать юридически властные решения, но могут вести прием избирателей, налаживать работу в округах, готовить проекты решений и т.д. [9, с. 92].

Однако с такой позицией трудно согласиться полностью, равно как и с указанным выше законодательным положением о том, что полномочия депутата «начинаются со дня его избрания» (ч. 3 ст. 40 ФЗ 2003). Дело в том, что официальное решение избирательной комиссии, как известно, публикуется спустя несколько дней после дня выборов. Возникает вопрос: как депутат, даже при очевидном его преимуществе на выборах, может выполнять свои полномочия, если еще нет установления избирательной комиссией и надлежащим образом данного факта? Касаясь данной ситуации, А.Н. Кокотов и А.С. Саломатин указывают, что данный вопрос имеет важный практический характер и пока не имеет четкого регулирования, имея в виду, в частности, то обстоятельство, что полномочия депутата начинаются в день его избрания, когда могут быть известны только предварительные итоги выборов; избирком окончательно не установил результаты голосования, не опубликовал итоги выборов, не осуществила регистрацию депутата. И далее: «Думается, что в этом есть логика, так как депутатский мандат приобретает в результате выборов и, следовательно, начало полномочий связывается с волеизъявлением избирателей» [9, с. 93].

Однако, на наш взгляд, как раз логики здесь и нет. Если согласиться с точкой зрения этих авторов, равно как и с законодательной нормой, то получается, что победивший на выборах депутат может начать осуществлять свои полномочия в тот же день, когда проходили выборы (по их завершению), то есть с 20 часов по местному времени, - с момента закрытия избирательных участков, значит, в день выборов депутат четыре часа может воспользоваться предоставленными ему полномочиями. При современном техническом оснащении деятельности избиркомов можно, конечно, предположить, что все протоколы будут готовы через 2-3 часа, и даже опубликовать итоги выборов (опять же чисто умозрительно) можно до истечения дня голосования, и в этом случае (быстрее невозможно ни при каких обстоятельствах даже теоретически) депутат может получить 1-2 часа действия своих депутатских полномочий в день голосования. Но есть практика, а она показывает, что таких скоростей в деятельности избирательных комиссий не бывает и, главное, они и не нужны! Куда важнее произвести точный подсчет голосов и оформить результаты голосования так, чтобы у общества не было никаких сомнений в законности проведенных выборов.

Избирательным комиссиям, таким образом, требуется несколько дней для того, чтобы подвести итоги выборов. На существующую нелогичность норм муниципального законодательства такого рода уже обращалось внимание в юридической литературе [10, с. 19]. В этой связи представляются вполне логичными нормы не муниципального, а избирательного права, причем как федерального, так и регионального уровней. Так, согласно ч. 3 ст. 60 Закона Краснодарского края «О муниципальных выборах в Краснодарском крае» [11] избирательная комиссия принимает решение о регистрации избранного депутата и выдает ему удостоверение об избрании, а само же обнародование результатов выборов, в том числе число голосов, поданных за каждый зарегистрированный муниципальный список кандидатов, осуществляется избирательной комиссией, организующей выборы, не позднее чем через один месяц со дня голосования (ч. 3 ст. 61 данного закона).

Аналогичным образом обстоят дела и в других регионах России, в частности, это видно по содержанию Закона Кабардино-Балкарской Республики «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления». Как видно, извещение победившего кандидата и официальное опубликование итогов голосования по меньшей мере по отдельному избирательному округу является юридическим основанием для начала осуществления депутатом представительного органа муниципального образования своих полномочий. Теоретически можно, конечно, ставить вопрос и так, что полномочия начинаются после подписания протокола окружной комиссии, поскольку им удостоверяется юридический факт об избрании депутата, однако население об этом еще не знает, поскольку еще нет опубликования

официальных данных. Поэтому именно день официального опубликования результатов и является днем отсчета, с которого депутат обретает полномочия, предусмотренные законами и другими правовыми актами. Что касается выдачи депутатского удостоверения, то этот факт, на наш взгляд, имеет технический характер и не влияет на сроки начала депутатских полномочий.

Изложенное позволяет внести предложение об изменении в ч. 3 ст. 40 ФЗ 2003 в части, касающейся начала осуществления депутатом (это в равной степени касается и члена выборного органа местного самоуправления) своих полномочий, где следует указать, что такие полномочия начинаются не со дня избрания, а со дня официального опубликования итогов муниципальных выборов. Что касается досрочного прекращения депутатских полномочий, то в этом вопросе разногласий, как правило, нет (соответствующие основания определены в ч. 10 ст. 40 ФЗ 2003). При этом мы вполне солидарны с М.М. Курмановым в том, что применение понятия «досрочное прекращение полномочий представительного органа муниципального образования» (за исключением случая «признания неправомочным данного состава депутатов») неправомерно и необоснованно, поскольку можно говорить только о досрочном прекращении полномочий депутатов определенного созыва [12, с. 34]. В этой связи следует заметить, что в июле 2011 г. законодатель дополнил ст. 40 ФЗ 2003 частью 11, согласно которой «решение представительного органа муниципального образования о досрочном прекращении полномочий депутата представительного органа муниципального образования принимается не позднее чем через 30 дней со дня появления основания для досрочного прекращения полномочий, а если это основание появилось в период между сессиями представительного органа муниципального образования, - не позднее чем через три месяца со дня появления такого основания» [5].

Соглашаясь в целом с таким подходом, отметим, что, на наш взгляд, целесообразно установить единый срок – три месяца, независимо от того, когда появляется основания для прекращения полномочий депутата. Затронем также отмеченное выше дискуссионное положение о том, что депутаты прежнего созыва должны сохранять свои полномочия до тех пор, пока не будет избрано достаточное количество депутатов, необходимое для легитимности представительного органа, то есть не менее двух третей от установленной численности депутатов (ч. 1 ст. 35 ФЗ 2003). Здесь возникает несколько парадоксальная ситуация. В течение периода, пока будет доизбираться необходимое для кворума количество депутатов представительного органа местного самоуправления, то есть пока не начнет действовать представительный орган нового созыва, будут действовать депутаты как прежнего, так и нового созывов. И те, и другие в соответствии с законом имеют депутатские полномочия (первые – до начала работы представительного органа нового созыва, вторые – со дня опубликования итогов муниципальных выборов). Однако степень полномочий у «старых» и «новых» депутатов различна. Если первые («старые») в соответствии с действующим законодательством обладают всеми полномочиями, то вторые («новые») – усеченными, причем в значительной степени, а именно они лишены возможности наиболее существенного полномочия – издавать властные решения, каковыми являются решения представительного органа местного самоуправления. Парадоксальность и ненормальность ситуации выражается и в том, что на одном и том же избирательном округе некоторое время, пусть, конечно, и непродолжительное, могут быть одновременно два действующих депутата. Законодатель никаким образом не регулирует данную ситуацию. Мы полагаем, что необходимость в регулировании имеется. Представляется, что «старым» депутатам следует оставить только полномочия, связанные с функционированием представительного органа местного самоуправления, а все другие полномочия, определяемые правовым статусом депутата, должны перейти «новым» депутатам.

1. Лонская С.В., Герасимова Е.В. Депутат-избиратель-легислатура // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 4 С. 53-61.
2. Кириллов В.А. Некоторые вопросы срока легислатуры высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Общество и право. 2013. № 1. С. 60-62.
3. Станкин А.Н., Шайхуллин М.С. Отзыв депутата представительного органа муниципального образования // Образование и право. 2023. № 6. С. 189-193.

4. Ногайлиева М.Х., Чомаев Ш.Х. Регулирование выборов и правовой статус депутатов представительных органов местного самоуправления // Кронос. 2022. № 6. С. 6-10.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30. 08. 2024).
6. Иванов А.А. Организационно-правовые аспекты представительного органа муниципального образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. С. 104-109.
7. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 1 сентября.
8. Комментарий к ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / Д.С. Велиева и др. / Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05. 2024).
9. Кокотов А.Н., Саломаткин А.С. Муниципальное право России. М.: Юрист, 2005.
10. Берг О.В. Совершенствование законодательства о муниципальных выборах // Право и власть. 2001. № 1. С. 17-21.
11. Закон Краснодарского края «О муниципальных выборах в Краснодарском крае» от 26.12.2005 г. N 966-КЗ (в ред. от 04.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22. 08. 2024).
12. Курманов М.М. Досрочное прекращение полномочий представительного органа муниципального образования // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 32-35.

Упоров И.В.

**Отечественная уголовно-правовая мысль начала XIX века
(российский правовед О.И. Горегляд)**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-256

Аннотация

В Российской империи научные исследования в сфере правовых наук на регулярной и профессиональной основе стали осуществляться с начала XIX в. Именно тогда и стали формироваться отечественная правовая мысль. В числе тех направлений правовых исследований, которые развивались наиболее активно, было уголовное право, что, вероятно, можно объяснить его сравнительно небольшой политизации, учитывая, что в условиях российского абсолютистского режима иные отрасли права (прежде всего конституционное) могли вызывать определенные цензурные сложности. Замечательным представителем уголовно-правовой науки того времени являлся Осип Иоакимович Горегляд, автор ряда интересных работ в данной области общественных отношений. В статье представлен конспект его выдающегося труда «Опыт начертания российского уголовного права», изданного в 1815 г. Более конкретно речь идет о первой части этого труда, как раз посвященная чисто уголовно-правовым категориям, а именно преступлениям и наказаниям. Многие мысли этого российского правоведа по-прежнему актуальны, а этот и другие труды О.И. Горегляда способствовали предпринятой в 1820-х гг. фундаментальной реформе российского права, а в его рамках и уголовного законодательства Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Горегляд, уголовно-правовая наука, законодательство, преступление и наказание.

Abstract

In the Russian Empire, scientific research in the field of legal sciences on a regular and professional basis began to be carried out from the beginning of the XIX century. It was then that domestic legal thought began to form. Among those areas of legal research that developed most actively was criminal law, which can probably be explained by its relatively small politicization, given that under the conditions of the Russian absolutist regime, other branches of law (primarily constitutional) could cause certain censorship difficulties. A remarkable representative of criminal law science of that time was Osip Ioakimovich Goreglyad, the author of a number of interesting works in this area of social relations. The article presents a summary of his outstanding work "Experience

outlines of Russian criminal law", published in 1815. More specifically, we are talking about the first part of this work, which is devoted to purely criminal-legal categories, namely crimes and punishments. Many of the thoughts of this Russian legal scholar are still relevant, and this and other works of O.I. Goreglyad contributed to the fundamental study of Russian law, and within its framework, the criminal legislation of the Russian Empire, undertaken in the 1820s.

Keywords: Russian Empire, Goreglyad, criminal-legal science, legislation, crime and punishment.

В России теоретические работы по уголовному праву берут начало, пожалуй, с написанного в 1770 г. сравнительно небольшого трактата С.Е. Десницкого. Свои мысли по преступлениям и наказаниям высказывали и другие авторы, включая императрицу Екатерину II в ее известном «Наказе уложенной комиссии». Однако на профессиональной и регулярной основе такие исследования стали осуществляться только с начала XIX в. С воцарением Александра I заметно активизировалась научная деятельность по теоретическому обоснованию уголовного права как самостоятельной отрасли права, что, в свою очередь, имело взаимосвязь с систематизацией уголовного. И в этом контексте особый интерес представляет сочинение коллежского асессора Осипа Иоакимовича Горегляда, который в 1815 г. издал свою книгу «Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1: О преступлениях и наказаниях вообще» [1].

Это был первый в России основательный научный труд, в котором российское уголовное право представлено в системно-обобщенном виде. Заявленная им структура уголовного права (по Общей части) в своей основе используется и до настоящего времени. Разумеется, Горегляд писал свою книгу не с пустого места, он использовал труды своих предшественников, материалы Комиссии по составлению законов, в работе которой принимал участие. Сам автор указывал, что состояние с правоприменением в России имеет много недостатков, в частности, иногда суд на «простлюдинами» длится несколько лет, в течение которых они находятся в таком «темничном заключении», которое порой «превосходит всякое наказание». И далее он объясняет, почему, собственно, взялся за данный труд: «Сии причины заставили меня и привести в некоторый порядок все российские уголовные законы, основанные (вопреки утверждению некоторых иноземцев) вообще на кротости и человеколюбию, запрещающие угнетение подсудимых, а тем более невинных, и предписывающие судье ясные правила обязанности его, коими он должен руководствоваться при решении всякого уголовного дела. Желая облегчить обозрение и познание сих законов, я старался изложить одно лишь существо оных, но нет возможности обработать в скором времени все части сего предмета» [1].

В некоторых публикациях работа Горегляда определяется как учебник [5]. Такая позиция, бесспорно, имеет право на существование, однако сам автор, определяя сей труд «книгой российского уголовного права», оговаривается, что она, по его мнению, будет полезна «не токма для учащихся, но даже для тех, кои по общественным должностям обязаны к таковому познанию», то есть, по тем временам этот труд если и считать учебником, то для самого широкого круга читателей. Об основательности труда Горегляда свидетельствует тот факт, что в нем делаются ссылки на более чем тридцать российских законов в сфере уголовно-правовых отношений (Соборное уложение 1649 г., Городовое положение 1785 г., Устав о цензуре книг 1807 г., Постановление о пенях, начетах и о сложении взысканий 1811 г., Устав военного полевого судопроизводства 1812 г. и др.), императорские и сенатские указы, доклады Госсювета, договоры с другими странами, зарубежные акты (например французский уголовный кодекс 1810 г.) и др.

Анализируя этот массив документов, Горегляд отмечал, в частности: «сравнив многие из них, заметил я, что в одном недостает того, что есть в другом», то есть был проведен тщательный анализ исходного материала. В качестве своеобразного эпиграфа на титульном листе своей книги Горегляд разместил фрагмент императорского указа от 6 августа 1801 г. следующего содержания: «Предавая обвиняемого действию Закона, если я хочу, чтобы преступление было обнаружено и получило должное возмездие, то еще более желаю, чтобы

невиновность находила в том же самом Законе и Суде все средства к своему оправданию» [6]. Совершенно очевидно, что такой подход отражал передовую часть правящей тогда элиты к укреплению в обществе законности, и Горегляд, разделяя эти взгляды, в своей книге как раз и стремился предельно понятным языком объяснить уголовное право, чтобы всем было ясно, что такое преступление, и каким должно быть наказание за его совершение, причем институт наказания уделено значительно больше внимания.

Говоря о структуре конспектируемой книги Горегляда, нужно заметить, что она включает в себя весьма обширное введение и восемь глав: 1) О преступлениях вообще и последствия оных: § 1-21; 2) Об ответственности по уголовным делам: § 22; 3) Об уголовных наказаниях вообще: § 23-56; 4) О совершенно посягательных наказаниях в особенности: § 57-95; 5) о несовершенно посягательных наказаниях в особенности: § 96-143; 6) О применении уголовных наказаний: § 144-232; 7) Об уничтожении, прекращении и облегчении наказаний: § 233-249; 8) О подсудности Российским уголовным законам: §250-253. Во введении Горегляд дает «краткое изложение постепенного образования российских уголовных законов», при этом излагает соответствующие философские мысли. Заметим, что общая историческая канва вполне согласуется с современными учебниками по истории государства и права, хотя прошло уже более двухсот лет, в частности, речь идет о жестоких наказаниях в начальный период государственности («право возмездия»), затем они стали смягчаться, но различаться по сословному признаку («голова раба стоила менее нежели свободного человека»), при этом основное наказание (денежная пеня) постепенно стала заменяться различными другими видами наказаний в зависимости от характера преступления, и началась новая волна жестокости (средневековье), которая стала смягчаться в европейских странах лишь в XVIII в.

В этом контексте делается исторический обзор русских законов о преступлениях и наказаниях (Русская Правда, Судебники, Соборное уложение, Воинские Артикулы и др.). Горегляд делает также ряд обобщений, обращает внимание, в частности, на то, что «мера наказаний - телесных, состоящих в лишении свободы и денежных пеней не везде Законом определена, но сие большей частью предоставлено произволу Судьи», причем, как указывает Горегляд, это касается прежде всего нижних судебных инстанций. Он высказывает свою позицию, которая заключается в том, что наказание должно не столько причинять физическую боль или «отнимать имения», сколько лишать или уменьшать честь в большей или меньшей мере - «бесчестие и стыд, сопряженный с наказанием, есть самое надежнейшее средство для удержания от умысла на злодеяние» [1].

Важным представляется следующий его постулат: «всякое преступление должно быть судимо не токмо по важности и по мере вреда от оного проистекающего, но равно по действию воли обвиняемого и по мере вины его ... если по делу открываются обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие вину преступника, то по уважению оных, следует непременно увеличить или уменьшить и наказание следующее за преступление, им учиненное» [1]. Следует заметить, что этот постулат, изложенный российским криминалистом, в определенном степени повторенный от зарубежных ученых, с тех пор входит во все уголовные законы России, будь то Уложение о наказаниях уголовных исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. или действующий сейчас в России УК РФ 1996 г. Это означает, что Горегляд сумел уловить важнейшие черты уголовного права, востребованные Новым временем.

В своем сочинении он последовательно детализирует указанные и другие исходные политико-правовые и философские рассуждения об уголовно-правовых отношениях. Так, в § 1 дается определение преступления: «деяние противозаконное, умышленное и при том вредное Государству или частным лицам» [1]. Это так называемое формально-материальное определение, которое в дальнейшем станет традиционным для российского уголовного права (в отличие, например, от немецкого уголовного права, где акцент делается на формальной стороне, то есть, преступление это такое деяние, которое нарушает действующий уголовный закон), и оно созвучно дефиниции преступления в УК РФ; вместе с тем есть отличие - в определении Горегляда не указывается на опасность деяния, то есть нет ясности, каким должен

быть вред, чтобы деяние считалось преступлением. Вероятно, это можно отнести к недостатку данного определения. В данном случае текст § 1 следует отнести к авторству Горегляда, поскольку никаких ссылок он к нему не делает - в отличие от многих других статей (параграфов), под которыми указывает источники заимствования, в том числе это касается довольно спорных позиций. Например, в § 4 указывается, что «по общему правилу» если деяние не запрещено законом, то оно не подлежит наказанию, однако если оно причинило-таки вред, то должна быть соразмерная ответственность (здесь ссылки на Устав Благочиния, ст. 48, указы от 14 декабря 1714 г., 20 мая 1720 г.).

Можно предположить, что Горегляд тем самым показывал свое отношение к данному вопросу: не привести эту норму он не мог, поскольку есть императорские указы, но наличие ссылок может говорить о желании Горегляда некоторым образом дистанцироваться от этой нормы. Довольно по современному звучат статьи об умышленных и неумышленных преступлениях, соучастии («сопреступники», «зачинщики», «предводители») и др. Несколько непривычной выглядит классификация преступлений: уголовные, полицейские, общественные, частные. Здесь отграничиваются административные проступки («полицейские» преступления) и уголовные деяния в современном их понимании (все остальные, например, «общественные» касаются нарушений общественного спокойствия, посягательств на государя, а «частные» - когда причиняется физический или имущественный вред отдельным лицам).

Однако эта классификация в дальнейшем не нашла поддержки законодателя. В § 22 дается следующий важнейший постулат: «Всякое преступление влечет за собою токма личную ответственность, то есть того, кто учинил оное» [1]. В этом контексте указывается, на примере крепостного крестьянина, что хотя крестьянин обязан повиноваться помещику, но преступный приказ помещика исполнять не следует, и если крестьянин исполнит его, то будет отвечать как соучастник. Далее дается (§ 23) определение наказания: «Наказание в пространном смысле есть зло физическое или нравственное, полагаемое законом за преступление». Суть его остается неизменной, правда, в других формулировках «(ограничение прав и свобод) лица, признанного виновным в совершении преступления - ст. 43 УК РФ).

Горегляд классифицирует наказания на «виды» и «роды». Так, наказания бывают, по его мнению, таких видов: «казни, наказания в тесном смысле, штрафы и пени» (§ 25). Казни - это самые жесткие кары: «лишение жизни, чести и всех политических и гражданских прав, посрамительные телесные наказания кнутом, плетью, кошками и батожем». Наказания в тесном смысле - телесные наказания (не позорящие, лишение свободы, выговоры и др. Что касается «родов» наказаний, то таковые следующие (§53): смертная казнь; каторга; ссылка или поселение; лишение дворянского достоинства, чинов, знаков отличия и доброго имени; отрешение от должности; опубликование порочного деяния и признание вредным и беспокойным; высылка за границу; высылка из города; жестокие телесные наказания. Гореглядом предлагается довольно широкий перечень последствий от наказаний (запрет на опеку, исключение из общества, «нетерпимость между честными людьми в собраниях и компании» и др.). Указанные рода наказаний отнесены к «совершенно посрамительным» наказаниям.

К «несовершенно посрамительным» наказаниям отнесены (§ 55): ссылка на житье; арест; содержание в тюрьме; содержание в смирительном доме; содержание в рабочем доме; отсылка в казенные работы; отдача в солдаты и взыскание рекрут; опубликование; выговоры; испрашивание публичного и частного прощения и обличение слов своих; легкие телесные наказания; лишение имений; церковное покаяние; полицейский надзор; обезпечение. Данная классификация законодателем была в дальнейшем воспринята не полностью, поскольку совершенно очевидной была его громоздкость и, соответственно, трудности при реализации. Далее все эти виды наказаний раскрываются подробно, в том числе доказывается

необходимость смертной казни со ссылками на екатерининский «Наказ». Завершающие главы сочинения Горегляда (главы 6,7 и 8), согласно современным понятиям, относятся не к уголовному, а к уголовно-исполнительному и уголовно-процессуальному праву, но тогда такого разделения еще не было.

Вместе с тем в этих главах содержатся и уголовно-правовые институты, например, речь идет о отягчающих и смягчающих обстоятельствах, освобождении от наказания («по сумасшествию, по приключившейся болезни, по младенчеству, по крайней обороне, по непреодолимому принуждению, совершенному раскаянию, по принятию исповедания Грекороссийской веры» - §199), помиловании, сроке данности (не более 10 лет) и др. Указанные обстоятельства также подробно разъясняются. Так, в § 203 указывается: «В крайней опасности никому не запрещено защищать себя, или всякое противозаконное насилие против лица, или имения отвращать насилием же, когда требование защиты от Правительства невозможно» [1]. Здесь, на наш взгляд, заслуживает внимания указание на одно из условий необходимой обороны - при невозможности защиты человека от преступного деяния со стороны государства. В действующей ст. 37 УК РФ, касающейся необходимой обороны, такого условия нет.

Бесспорно, данный труд Горегляда оказал влияние на последующих российских криминалистов, также исследовавших системное уголовное право (Г.И. Слнцев, 1820; П. Гуляев, 1826; С.И. Баршев, 1841 и др.). Следует также согласиться с тем, что характерной чертой воззрений этого ученого «является стремление к гуманизации, в котором чувствуется влияние эпохи Просвещения ... адекватность гуманистических воззрений О.И. Горегляда уголовной политике Александра I, запретившего в начале своего правления пытки, а также ограничившего иные изнурительные меры принуждения в отношении подсудимых, в частности, этапирование из уездных городов в губернские было разрешено производить только в случае особой необходимости» [7, с. 29]. По словам Н.С. Таганцева «труд Горегляда послужил вместе с проектом Уголовного уложения 1813 г. источником при составлении 1-го раздела Свода законов уголовных 1832 г.» [8, с. 22]. О.И. Горегляд внес большой вклад в систематизацию уголовного права России, что отмечают исследователи его творчества [9; 10; 11], по сути начав одним из первых теоретически обосновывать таковую, и способствовал тем самым зарождению традиций науки уголовного права, во многом сохраняющихся до сего дня.

1. Горегляд О.И. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1: О преступлениях и наказаниях вообще. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. 221 с.
2. Антропов Р.В. Кодификация права Германии (конец XVIII - XIX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 256 с.
3. Янхаев П.В. Немецкие правоведы о проблеме кодификации в Германии в конце XVIII - XIX вв. // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. М.: РУДН, 2016. С. 504-507.
4. Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам крими-нальным. М.: Типогр. Моск. ун-та, 1770. 34 с.
5. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex Russica. 2015. Т. 100. № 3. С. 112-124.
6. Указ Санкт-Петербургскому военному губернатору от 08.06. 1801 г. «О праве подсудимого представлять доказательства по своему оправданию» // ПСЗ-1. № 19968.
7. Аниканов А.К. Проблемы совершенствования уголовной юстиции в политико-правовых воззрениях О.И. Горегляда // История государства и права. 2020. № 11. С. 27-32.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т.1. М.: Наука, 1994. 419 с.
9. Верина Г.В. Уголовно-правовой феномен вины: познание научного наследия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3. С. 268-278.
10. Алимova А.И. Концепция стадий совершения преступления через призму и в динамике уголовно-правовых взглядов и идей 19-начала 20 вв. // Аграрное и земельное право. 2023. № 5(221). С. 148-151.
11. Долева О.А. Развитие нормативной конструкции положений об орга-низаторе преступления в отечественном законодательстве с X по первую половину XIX вв. // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 247-253.

Упоров И.В.**Регулирование российского уголовно-процессуального права в XVII веке***Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-257

Аннотация

Российское уголовно-процессуальное право имеет противоречивое историческое развитие, где важнейшими вехами справедливо считаются такие акты, как принятый в рамках судебной реформы 1864 г. Устав уголовного судопроизводства, затем уже в советском государстве Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., а в постсоветской России – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. Это и смежные с ними нормативно-правовые аспекты довольно подробно исследованы в историко-правовой литературе. В меньшей степени в литературе освещены вопрос становления уголовно-процессуального права на начально-системном уровне. В статье делается попытка в определенной степени восполнить данный пробел. В этом контексте отмечается, что системность уголовно-процессуального права изначально стала наблюдаться после издания Судебника 1550 г., но особенно наглядно – в XVII в., и прежде всего в Соборном уложении 1649 г., на чем и делается акцент в работе. Анализируются соответствующие акты, регулировавшие уголовно-процессуальные отношения, организационные аспекты деятельности судебных инстанций по рассмотрению уголовных дел, а также научные труды, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, в частности, что в уголовно-процессуальном законодательстве XVII в. нашла отражение тенденция на усиление абсолютизма как формы государственного правления в виде более активного применения розыскных начал и соответственно уменьшения роли состязательных начал. В целом уголовный процесс стал регулироваться значительно более подробно.

Ключевые слова: Московское государство, Россия, уголовный процесс, судебник, Соборное уложение, приказ, судопроизводство.

Abstract

Russian criminal procedural law has a contradictory historical development, where the most important milestones are rightly considered to be such acts as the Charter of Criminal Procedure adopted within the framework of the judicial reform of 1864, then in the Soviet state the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923, and in post-Soviet Russia - the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001. This and related regulatory and legal aspects have been studied in sufficient detail in the historical and legal literature. To a lesser extent, the literature covers the issue of the formation of criminal procedural law at the initial-systemic level. The article attempts to fill this gap to a certain extent. In this context, it is noted that the systematic nature of criminal procedural law initially began to be observed after the publication of the Code of Laws of 1550, but was especially evident in the 17th century, and above all in the Cathedral Code of 1649, which is the focus of the work. The relevant acts regulating criminal procedural relations, organizational aspects of the activities of judicial authorities in considering criminal cases, as well as scientific works that touch upon the stated topic are analyzed. It is noted, in particular, that the criminal procedural legislation of the 17th century reflected a tendency to strengthen absolutism as a form of government in the form of more active use of investigative principles and, accordingly, a decrease in the role of adversarial principles. In general, criminal proceedings began to be regulated in much more detail.

Keywords: Moscow state, Russia, criminal procedure, code of laws, Cathedral Code, order, legal proceedings.

Прежде чем говорить об уголовно-процессуальном праве в XVII в., следует отметить общую тенденцию развития российского государства (Московского царства, Московского

государства). В этой связи отметим, что в течение известного периода Смуты государственность Московского государства была в значительной степени ослаблена. После известного земского собора 1613 г. российская государственность того времени стала постепенно укрепляться, при этом, вероятно, с учетом прошедших бурных общественно-политических событий, связанных с неоднократной и запутанной сменой московского царя, вектор развития государственности стал склоняться к абсолютизму. Одновременно по этой же причине стала возрастать роль законодательных актов и в целом права, о чем может свидетельствовать стремление к большей его систематизации, а также формирование достаточно устойчивых правоохранительных структур. Это относится и к судебной системе, в том числе связанной с уголовным процессом, роль которого стала возрастать в сфере борьбы с преступностью. Ряд аспектов данной проблематики были предметом исследования многих авторов (в их числе Т.Ю. Амплеева, М.Р. Гиш, В.Н. Глазьев, С.К. Богоявленский, П.И. Попов, В.А. Рогов, А.Г. Рябченко, В.И. Сергеевич, С.А. Федоренко, А.Н. Филиппов, С. Шумаков, В.К. Цечоев и др.), и их выводы здесь активно используются, и прежде всего касающиеся концептуальных оценок в развитии института уголовного процесса (уголовного судопроизводства) рассматриваемого периода; кроме того, автор частично использовал результаты своих более ранних работ. Прежде всего, необходимо заметить, что судебная структура Московского государства включала следующие основные элементы: государственные судебные учреждения, вотчинный суд, а также церковный суд. Поскольку два последних вида судов в сфере борьбы с преступностью практически не участвовали, то далее они не рассматриваются.

Помимо этого, судебные функции в отношении незначительных уголовных дел осуществляли губные и земские учреждения при бесспорном приоритете первых в части розыска и следствия по тяжким преступлениям, причем эти учреждения между собой нередко входили в конкуренцию, поэтому некоторые дела приходилось решать совместными усилиями губных и земских учреждений. Нужно также иметь в виду, что в XVII в. еще не сложились специальные судебные органы, которые занимались бы только отправлением правосудия на профессиональной основе. В этом контексте можно лишь отметить, что в третьей четверти XVII в. из состава Боярской думы выделилось особое учреждение - Расправная палата для замещения Думы по текущим делам управления, в связи с чем царь перестал на время своего отсутствия назначать из состава думы временные комиссии «для ведения Москвы», что он делал прежде. Одновременно Расправная палата, состав которой определялся исключительно усмотрением царя, отправляла судебные функции, и в литературе отмечается, что это было именно судебное присутствие. Однако этот орган не являлся судом в современном его понимании, то есть в рассматриваемый период суд не был отделен от администрации (такое отделение начнется только в эпоху Екатерины II). Вместе с тем судебная функция стала осознаваться в качестве важнейшей задачей администрации, и именно этим прежде всего, очевидно, вызвано то обстоятельство, что судебные и процессуальные вопросы все чаще становились предметом законодательного регулирования. Соответственно в качестве суда по различным категориям уголовных дел выступали как центральные органы управления, так и органы власти на местах, причем сама судебная система основывалась на структурных элементах, сложившихся еще до XVII в.

При этом нужно иметь в виду, что в уголовном процессе в XVII в. использовались исторически сложившиеся как состязательный (обвинительный), так и розыскной (следственный) виды судебных процессов; состязательный процесс, когда обвинение вместе с доказательствами предъявлял сам потерпевший либо его представитель, преобладал, что можно объяснить недостаточно развитым к тому времени государственным аппаратом. Между тем укрепление абсолютистских начал все в большей степени ставили розыскной процесс выше состязательного, что обуславливалось необходимостью поддерживать в стране общий порядок, что, в свою очередь, являлось необходимым условием поддержки политической системы в интересах правящей элиты во главе с царем и наиболее влиятельными боярами. Однако и здесь существовало определенная специфика, которая заключалась в том, что розыскной

(следственный) процесс, когда обвинение и доказательство предъявляет само государство (в лице соответствующих правоохранительных органов), преобладал в основном в политическом и уголовном судопроизводстве. Правда, нередко грань между состязательным (обвинительным) и розыскным (следственным) видами судопроизводства была весьма условной ввиду отсутствия четких законодательных критериев. Так, споры и конфликты, связанные с имущественными отношениями, оскорблениями, должностными преступлениями, и даже бытовые убийства рассматривались обычно по правилам состязательного (обвинительного процесса).

Однако преступления против государства, другие тяжкие общественно опасные деяния (разбой, грабеж, кражи и др.), равно как дела о холопах, крестьянах, поместьях и вотчинах рассматривались с применением розыскного (следственного) процесса – в силу их большей значимости для правящей элиты. Если затронуть организационный аспект, то следует заметить, что наибольшими судебными полномочиями обладали царь, Боярская дума и приказы. В.К. Цечоев, имея в виду рассматриваемый период, отмечает в этой связи, что «суд Боярской думы являлся высшей судебной инстанцией» [1, с. 51]. Такое суждение представляется все же излишне категоричным, поскольку в условиях абсолютизма последнее слово, в том числе в судопроизводстве, было все же за государем; однако если иметь в виду повседневную судебную практику, то, конечно же, указанный автор прав, поскольку царь к судебным функциям обращался редко, и в основном в качестве инстанции, где одобрялись или не одобрялись вынесенные боярами и другими органами (теми же приказами и воеводами) приговоры. На местах правосудие вершили наместники, воеводы при непосредственном участии представителей общины - судебных мужей. Позднее появились специальные губные органы, призванные бороться с профессиональной преступностью, которые формировались не по решениям центральной власти (как, например, назначение воевод), а на местах путем выборов, хотя, разумеется, выборы находились под контролем центральной власти и соответственно губными старостами выбирались исключительно лояльные власти представители местной элиты, как правило, из числа «лучших людей» [2, с. 15-17].

Так, право боярского суда, как это видно из ст. 28 Судебника 1550 г. [3] - это право суда по наиболее тяжким уголовным преступлениям и делам о холопах. Соответственно иные остальные органы, обладавшие судебными полномочиями (приказы, наместники, воеводы, губные и земские учреждения), рассматривали иные категории уголовных дел [4, с. 163]. Тогда же стала совершенствоваться и система судов на местах, что находило отражение в губных грамотах, относящихся еще к середине XVI в., в частности, суд над разбойниками и прочими «лихими людьми» передавался на усмотрение самого населения в лице выборных представителей (и эти акты действовали также в XVII в. вплоть до издания Соборного уложения 1649 г.). В частности, в Белозерской губной грамоте 1539 г. в этой связи указывается следующее: «И вы бы меж собой свелись все заодно, поставили себе в трех тех своих волостях во главу детей боярских в волости человека по три или четыре, которые бы грамоте умели и которые пригожи, да с ними старост и десятских и лучших людей крестьян человек пять или шесть, да промеж бы себя, в станах и в трех волостях, лихих людей разбойников сами сыскивали по нашему крестному целованью» [5]. Еще более четкое предписание об изъятии так называемых «разбойных дел» из юрисдикции наместников и волостелей можно обнаружить в ст. 60 Судебника 1550 г., где имелась норма следующего содержания: «А приведут кого в розбое или кого в суде доведут, что он ведомой лихой человек розбойник, и наместником тех отдавати губным старостам. А старостам губным, опричь ведомых розбойников, у наместников не вступатись ни во что. А татей им судити по царевым великаго князя губным грамотам, как в них написано» [5]. В литературе в этой связи отмечается, что введение на местах «праведного», то есть справедливого, суда, контролируемого «лучшими людьми» (выборными лицами, отправлявшими дела в губных и земских учреждениях), способствовало повышению авторитета в целом института уголовного судопроизводства [6, с. 563].

В первой половине XVII в. сохранялось также требование Судебника 1550 г. о том, чтобы все судные дела у наместников записывались земским дьяком, а дворский или староста

прикладывали руки к этим судным спискам, а с этих списков наместничий дьяк должен был «списывать слово в слово», а наместник должен был прикладывать свою печать; записку судного дела, писаную земским дьяком и подписанную дворским или старостой и целовальниками, наместник должен был хранить у себя, а копия этой записки за печатью наместника - у дворского или старосты. И в целом до Соборного уложения 1649 г. нормы об уголовном судопроизводстве пополнялась разного рода указами и узаконениями, не выходящими за пределы установленных ранее принципов. Необходимость в организации на местах такого рода судебных органов, действовавших автономно от центральных властных структур, появилась в силу целого ряда социальных и политических причин. К ним, прежде всего, нужно отнести невозможность посредством имеющегося аппарата вовремя пресекать злоупотребления местной администрации, а главное, оперативно реагировать на рост профессиональной преступности. Заниматься этим и должны были губные старосты и губные целовальники как важнейшие должностные лица губных учреждений. Они избирались из представителей свободных сословий, старосты - из дворян и детей боярских, целовальники - из чернососных крестьян. Судопроизводство и делопроизводство губных учреждений велось в губных избах дьяками и подьячими. Там же, как правило, располагались тюремщики - сторожа и палачи. Первейшей задачей этих судебных учреждений была борьба с «лихими людьми» всеми возможными способами, вплоть до вынесения и исполнения смертных приговоров [4, с. 49].

Указанная правоохранительная структура со временем видоизменялась. Важно при этом отметить, что, как указывалось выше, наряду с губными учреждениями (губными избами) функционировал центральный специализированный правоохранительный орган – Разбойный приказ, который действовал на основе Уставной книги Разбойного приказа, где подробно регламентировалась деятельность губных судебных учреждений: определяла их компетенцию, устанавливала для губных старост и целовальников сроки пребывания на выборных должностях, предусматривала формы контроля за их деятельностью и определяла санкции за их злоупотребления [7, с. 240-245]. Важное уголовно-процессуальное значение имели правовые акты, включенные в Уставную книгу Разбойного приказа в 1617 г. [5] Разбойный приказ назначал судей по уголовным делам и направлял судебное разбирательство. Этот же орган определял судебный процесс для губных старост, которые осуществляли уголовно-судебные функции на местах. В Уставной книге содержалось и положение о том, как быть, если жалобы были на самих старост. В частности, указывалось, что если истец будет бить челом на губного старосту в его «недружестве» к нему или в том, что его противник родственник губному старосте, то предписывалось «быть еще губному старосте из другого города». В ведение Разбойного приказа и губных органов были переданы для разбирательства все преступления, так или иначе связанные с разбоями или кражами. Соответственно губным старостам поручались розыск, следствие и исполнение приговора не только по наиболее тяжким уголовным делам (за исключением государственных преступлений), но также и по мелким преступлениям (например, хранение и продажа разбойной или краденой «рухляди») [8, с. 83].

Эти и другие уголовно-процессуальные нормы издавались в первой половине XVII в. в виде отдельных актов. Один из них был принят по инициативе героя ополчения времен Смуты Дмитрия Пожарского в бытность его начальником Разбойного приказа. В частности, по внесенному Пожарским в Боярскую Думу предложению было принято решение о порядке явки истцов в суд по данной или поручной записи; причем нарушителей следовало наказывать, в том числе и дворян, освобождавшихся на время государевой службы, но обязанных явиться, как только «с коня ссядут» [9, с. 21]. Позже эти и другие акты будут включены в Соборное Уложение [10], которое вместе с тем, внесло некоторые существенные дополнения, касавшиеся деятельности губных учреждений. В целом уголовно-процессуальное право в Соборном Уложении разработано довольно подробно.

В частности, здесь более четко осуществлялась дифференциация на две формы процесса: суд и розыск. Фундаментальной в этом отношении можно считать главу X Соборного Уложения - «О суде»; это самая объемная глава, содержащая 287 статей. Правовые нормы даны в этой главе не по отраслям права, а по объектам правонарушений. Поэтому в одной и той же статье, а иногда и в группе соседних статей, посвященных одному и тому же вопросу, нормы материального и процессуального права, как уголовного, так и гражданского, сопряжены. При этом был воспринят опыт законодателя предшествующих исторических периодов. В частности, в Уложение вошли нормы Уставной книги Разбойного приказа о выборах губных старост, при этом были внесены некоторые коррективы. Указывалось, что губных старост теперь полагалось выбирать лишь на один год из дворян, притом «добрых и прожиточных», которые по старости или по болезни были уволены со службы. Непременным условием также было знание грамоты. Если в городах не было лиц дворянского звания, то дозволялось выбирать губными старостами и детей боярских «добрых и прожиточных». После избрания старосты отправлялись в Москву, в Разбойный приказ, где их приводили к присяге и, вручив «наказные памяти» (служебные инструкции), отправляли на места. Другим важным моментом является то, что в Соборном Уложении 1649 г. было требование процессуально оформлять деятельность по розыску государственных преступников, беглых каторжников - по делам о государственной измене; если «злодея», на кого «извещают», налицо не оказывается, нужно было принимать меры по его розыску, («сыскивают всякими сысками накрепко»).

Кроме немедленного ареста подозреваемых, задерживали и свидетелей, которые, в случае подтверждения доноса, могли стать обвиняемыми по факту недонесения. Соборное Уложение 1649 г. подробно регламентировало также работу приказных судей, подчеркивая коллегиальный характер их деятельности. Это было связано с тем, что именно приказы в рассматриваемый период стали основой централизованного государственного управления. Как видно и Уложения, приказы делились на приказы с общей судебной функцией - судные приказы и приказы со специальной подсудностью - Холопий, Поместный, Стрелецкий и т. д. Суду подлежали «все люди Московского государства от большего и до меньшего чину». Согласно ст. 2 Гл. X Соборного уложения «А спорные дела, которых в приказах за чем вершится будет не мощно, вносить из приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, и к его государевым боярам и околничим и думным людям. А бояром и околничим и думным людесидети в полате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вьместе» [10]. Установленные Соборным Уложением предписания, связанные с судебной деятельностью, включая уголовное судопроизводство, функционировали в своей основе до петровских времен, а ряд норм с некоторыми вариациями действовали и до конца империи.

1. Цечоев В.К. История суда России. М.: Проспект, 2010. 159 с.
2. Глазьев В.Н. Общинные традиции и уголовное законодательство в России XVI-XVII вв. // Страницы российской истории. Сб. научн. ст. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 15-17.
3. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX вв. в 9 т. Т. 2. М.: Юрид. Лит-ра, 1984. С. 101-141.
4. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX-XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 457 с.
5. Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956. 633 с.
6. Юшков С.В. История государства и права России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 735 с.
7. Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства // Журнал уголовного и гражданского права. Книга вторая. СПб., 1884.
8. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М.: МГУ, 1961. 198 с.
9. Аверин К. Историческое известие о жизни и деяниях Димитрия, протоиерея Зарайского Николаевского собора, современника и сотрудника князя Д. М. Пожарского с точным снимком его почерка. М.: Б.и., 1836. 27 с.
10. Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / Руковод. авт. колл. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. 448 с.

Упоров И.В.

Уголовно-правовые идеи отечественного криминалиста М.А. Чельцова-Чебутова

Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-258

Аннотация

Правовые науки в России на системном уровне стали развиваться с начала XIX в. (работы С.И. Баршева, М.А. Балугьянского, Т.Н. Грановский, С.И. Зарудного, К.Д. Кавелина, А.П. Куницына и др.). За указанный век были достигнуты высокие результаты, и традиции правоведов Российской империи были продолжены учеными уже в советском государстве. Примером этого может быть научное наследие М.А. Чельцова-Чебутова, который в совокупности до революции 1917 г. (в меньшей степени) и после нее написал немало трудов по различным аспектам уголовного права, уголовного процесса, криминологии и другим смежным правовым наукам. В данной статье представлен обзор одного из фундаментальных трудов этого отечественного правоведа, суждения которого по-прежнему востребованы в современной России. Речь идет о монографии «Преступление и наказание в истории и в советском праве», изданной в советском государстве в 1925 г., где он обобщил свои мысли по данной тематике. В частности, представляется интересным его обоснование целесообразности упразднения вообще особенной части уголовного права, и ряд других идей.

Ключевые слова: Чельцов-Чебутов, правоведение, преступление, революция, закон, суд, уголовное право.

Abstract

Legal sciences in Russia began to develop at the systemic level from the beginning of the 19th century (works of S.I. Barshev, M.A. Balugyansky, T.N. Granovsky, S.I. Zarudny, K.D. Kavelin, A.P. Kunitsyn, etc.). During this century, high results were achieved, and the traditions of legal scholars of the Russian Empire were continued by scientists in the Soviet state. An example of this can be the scientific heritage of M.A. Cheltsov-Chebutov, who, before the 1917 revolution (to a lesser extent) and after it, wrote many works on various aspects of criminal law, criminal procedure, criminology and other related legal sciences. This article presents an overview of one of the fundamental works of this domestic legal scholar, whose opinions are still in demand in modern Russia. We are talking about the monograph "Crime and Punishment in History and in Soviet Law", published in the Soviet state in 1925, where he summarized his thoughts on this topic. In particular, his justification of the advisability of abolishing the special part of criminal law in general, and a number of other ideas seem interesting.

Keywords: Cheltsov-Chebutov, jurisprudence, crime, revolution, law, court, criminal law.

Михаил Александрович Чельцов-Чебутов родился в 1890 г. в Тифлисе, его родителями были генерал А.М. Бебутов и дворянка Е.В. Чельцоваа (более подробно его биография изложена в нескольких изданиях, в том числе в брошюре, посвященной его юбилею [1]. Здесь кратко отметим, что М.А. Чельцов-Чебутов, закончил Тифлисский кадетский корпус и юридический факультет Киевского университета (в 1914 г, с золотой медалью). Работал в Киевской судебной палате, других судебных инстанциях на невысоких должностях (помощник секретаря, секретарь уголовного департамента и др.). В 1919 г. добровольно вступил в ряды РККА, после демобилизации (1920 г.) также занимал некоторые должности в судебных учреждениях, затем стал преподавателем юрфака Киевского института народного хозяйства, и с тех пор до самой смерти (1973 г.) не прекращал научно-педагогической деятельности, в том числе путем совмещения (в период службы в Прокуратуре СССР).

М.А. Чельцов-Чебутов известен своими многочисленными и фундаментальными трудами по советскому уголовному праву и процессу. Однако при описании заслуг и в списках трудов М.А. Чельцова-Чебутова сравнительно редко указывается его монография, изданная в 1925 г. - «Преступление и наказание в истории и в советском праве» [2]. Эта работа, на наш

взгляд, незаслуженно задвинута в тень научного наследия этого выдающегося отечественного правоведа. Рассмотрим ее подробнее. Прежде всего заметим, что к середине 1920-х гг. после длительных и острых дискуссий был принят сначала УК РСФСР 1922 г., а затем УК РСФСР 1926 г., причем в последнем в еще большей степени возобладала позиция сторонников социологической теории наказания, согласно которой при определении меры уголовно-правового воздействия следует учитывать в первую очередь личность преступника, в том числе его классово-политическую принадлежность. Соответственно термин «наказание» был заменен на «меры социальной защиты», а формулировка санкции имела типичный вид: «не ниже» определенного срока наказания (в рамках верхнего предела, который, например, для лишения свободы составлял 10 лет).

Заметим также, что в дальнейшем указанная теория практикой довольно быстро была вытеснена традиционной классической теорией наказания (наказание – по тяжести преступления, а личностные признаки могут лишь несколько скорректировать его). И вот в такой дискуссионной среде криминалистов обстановке была написана рассматриваемая работа Чельцова-Чебутова (эти дискуссии началом имели еще дореволюционный период). Книга состоит из двух разделов, четко определенных из названия: 1) История преступления и наказания (стр. 3-63) – 7 глав без названий; 2) Советское право (стр. 64-111) – 5 глав также без названий. Предварительно нужно заметить также, что к тому моменту Чельцов-Чебутов уже являлся советским ученым, воспринявшим революционную риторику, но имевшим свою точку зрения по вопросам преступления и наказания.

В данной монографии первый раздел освещается с традиционных и доминирующих тогда позиций – наказание как институт принуждения появляется и начинает применяться при созревании общества до уровня государства в современном его понимании. Поэтому, например, в первобытном обществе «не было возможности щадить лиц, захваченных в плен во время междуплеменных войн: они были бы только бесполезными едоками и потому обыкновенно истреблялись поголовно» [2, с. 5]. Насилие же в самом племени породило институт кровной мести. Традиционных преступлений в виде воровства не было, так как не было еще частной собственности. Появление последней стало приводить к стратификации общества – «богатые приобретают постепенно все больший вес в общественных собраниях, начинают смотреть на должности старейшин как на принадлежащие им по праву» [2, с. 10]. Затем по мере развития земледелия, а позже и скотоводства, общественные отношения усложняются, появляются религиозные атрибуты, органы управления, «образуется неравенство не только между рабами (чужаками) и свободными, но в среде своих – между богатыми и неимущими, - различие чисто классовое. Это сперва экономическое различие вскоре с усложнением общественной жизни становится и политическим» [2, с. 10]. Так было дано начало классовому противостоянию, при этом сформировавшаяся государственная власть была властью одного класса – класса богатых. Постепенно при таких условиях принцип талиона («око за око») заменяется осмысленным применением определенных мер наказания, и тяжкие деяния (преступления) из дела частного превратились в дело публичное, то есть такие деяния теперь стали преследоваться «от имени власти». И речь в первую очередь шла о преступлениях против государства, наказываемое как правило смертной казнью.

Далее в работе рассматриваются особенности феодального права, которое являлось «наиболее ярким примером уголовного права грубого, устрашающего, резко-неравного по отношению к представителям разных классов» [2, с. 18], в рамках которого определялись такие наказания, «как колесование, отсечение руки, отрезание языка, клеймение, кнут, галеры, вечная тюрьма». В период и после буржуазных революций стали формироваться разные правовые теории. Автор в этом контексте критикует, правда, в мягкой форме, теорию естественного права, полагая, что принцип народовластия, равенства граждан, общественного договора, приращенности свободной воли – это «наивная точка зрения», которая «строило общество, государство и право на отвлеченных началах», но она, тем не менее, в то время была прогрессивной и даже «революционной», воплощая чаяния растущей буржуазии. Появляются более гуманные законы, отменяются пытки, наказания в целом смягчаются, продвигается

принцип равенства перед уголовным законом, «наказание налагается принципиально ради одной лишь формальной цели – защиты правового порядка» [2, с. 32].

Так была сформирована классическая школа (теория) наказания, которая, однако, «оставляет без внимания самую личность преступника и причины, порождающие преступность» [2, с. 33]. Автор приводит статистику преступности в разных странах в XIX в. (тогда, собственно, и появилась такая статистика) в Германии, Италии, Бельгии, Англии, затрагивает и Россию, и отмечает, со ссылкой на работу М.Н. Гернета, на повсеместный рост преступности. Говоря о причинности преступности, автор выделяет и критикует антропологическую теорию (Ломброзо), указывая, что в причинах преступности наибольшее значение имеют экономические и социальные условия жизни людей в конкретных обществах. В этой связи Чельцов-Чебутов обращается к Ф. Энгельсу и характеристике им рабочего класса как важнейшего субъекта сложившихся к тому времени социальных отношений, анализирует особенности возникшей социологической школы (теории) наказания, критикует взгляды автора этой школы Листа, в том числе его тезис «опасного состояния преступника». Чельцов-Чебутов вполне в марксистско-ленинском духе указывает, что провозглашаемое в буржуазных государствах равенство всех (фабрикантов и рабочих) перед уголовным законом во многом опровергается тем, что фабрикант «на законном основании присваивает себе продукт труда» рабочего, но при этом почему-то «уголовный кодекс молчит» [2, с. 61].

Здесь автор повторяет ставший шаблонным в советском государстве тезис о том, что «капиталистический порядок считает преступлением все, что нарушает интересы господствующих классов, и сам неизбежно вызывает преступления» [2, с. 63], и такое противоречие может быть решено только революционным переустройством общественного строя на началах социализма. Во втором разделе автор объясняет необходимость «революционного правосознания» в первые годы пролетарской революции в России. И в этом контексте анализируются Руководящие начала по уголовному праву, принятые НКЮ в 1919 г. (и имевшие в целом гуманный подход к преступникам) во взаимосвязи с судебной практикой первых лет функционирования народных судов. Делается, в частности, вывод об «удивительной мягкости приговоров такого боевого по существу органа правосудия, как ревтрибунал» [2, с. 73]. И даже по тем преступлениях, по которым «декретирована была высшая мера наказания», суды, с учетом личности преступника, нередко приговаривали к «условному расстрелу» (пока НКЮ не прекратил такой практики). Чельцов-Чебутов отмечает, что в разных регионах имеет место разная наказательная практика.

Так, в РСФСР решением ВЦИК и СНК в 1920 г. отменили смертную казнь (вскоре восстановленную. – Авт.), а на Украине нет, поскольку, по мнению революционной власти Украины, еще «не ликвидированы условия, угрожающие существованию советской власти» [2, с. 74], и далее ученый цитирует решение ревкома Украины: «Но пусть украинский народ, убедившись на примере Советской России, знает, то террор и все тяжелые репрессии в отношении врагов рабочих и крестьян навязываются нам исключительно свергаемой буржуазией и ее наемниками, и что эти тяжелые меры отменяются, как только укрепление власти рабочих и крестьян считается завершенным» [2, с. 75]. Тем самым, пишет ученый, основная задача наказания в первые годы советской власти заключалась, как было зафиксировано в Руководящих началах по уголовному праву, в охране «системы общественных отношений, соответствующих интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходной период от социализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» [2, с. 76]. Однако так как управление почти всей жизнью в обществе было передано в руки новых кадров советских служащих, то появились и новые преступления (спекуляция, мешочничество, сокрытие имущества от учета, саботаж, взяточничество и др.), и тогда, следовательно, «наряду с охранительной задачей суда особенно выдвинулась и воспитательная задача» [2, с. 77].

В эту задачу должна была входить, среди прочего, необходимость «растолковывать вредоносность и, следовательно, преступность многих деяний, еще недавно разрешавшихся и даже поощрявшихся при буржуазном правопорядке» [2, с. 78]. Вот почему важно, чтобы в

судах заседали действительные представители трудящихся – «как проводники идей законодателя», избираемые по классовому принципу, и чтобы судебные процессы были публичными. Анализируя далее советские уголовные кодексы (и прежде всего УК РСФСР 1922 г.), Чельцов-Чебутов сравнивает их с буржуазными и находит, в частности, что в буржуазных кодексах если в законе нет состава преступления или данное лицо не подлежит наказанию, то «государство не вправе его трогать». У нас же, в советском государстве, по-другому – «всякое опасное для правопорядка деяние преступно», даже не указанное в кодексе, особенная часть которого носит примерный перечень преступлений, ибо «законность в Советской Республике – революционная», при которой «судья в этих случаях приравнивается к законодателю и создает уголовные запреты» [2, с. 85-86].

Поэтому, полагал ученый, пора освободиться от «гипноза старых форм», отказаться от категории «вина», «виновность» и т.д., ибо подобные буржуазные категории предполагают использование принципа возмездия, то есть, если человек виновен, значит, он действовал согласно принципу свободной воли, а значит он должен понести жестко установленное для данного деяния наказание; а где же в этом случае личность преступника? – ведь ее тоже нужно учитывать. Советский УК позволяет это делать. Формулируется вывод о том, что в советском уголовном праве «духу возмездия нет места».

Подытоживая монографию, Чельцов-Чебутов высказывает свое мнение о том, как нужно развивать дальше институт наказания. Общий вектор определяется меняющимися условиями, связанные со строительством нового общества, которое управляется самими трудящимися, соответственно, нужно постепенно снижать репрессивную составляющую, чаще применять условное осуждение, переводить ряд деяний в административную юрисдикцию, и прежде всего в отношении правонарушителей – выходцев из рабочих семей. Общая формула для применения мер социальной защиты следующая: «действие преступно поскольку и насколько оно опасно для правопорядка» [2, с. 102]. Но при этом важно более точно уточнить понятие «опасности», определить условия, при которых суд может признать лицо опасным, определить отдельные типы опасных преступников (упорные рецидивисты, алкоголики, дефективные и другие). Ученый считал, в советском государстве уже «близок час отказа от универсального «лишения свободы», которым так увлекался XIX век, и переработки соответствующих статей УК» [2, с. 105].

Делая прогноз, он отмечал, что в будущем, «несомненно ... в области преступления точные характеристики отдельных его видов мало-по-малу отомрут, уступив свое место развитию общей части, где будут указанные различные типы преступников с указанием масштаба их опасности» [2, с. 109]. Должна измениться и система уголовно-правового воздействия на преступников – вместо «однообразного в конечном итоге режима места лишения свободы» должно применяться «индивидуализированное медико-педагогическое воздействие приютов, санаториев, морально-ортопедических институтов» [2, с. 110].

Сейчас эта идея кажется утопической. Однако не будем забывать, что Чельцов-Чебутов писал эту работу в середине 1920-х гг., когда идеи мировой революции и построения коммунизма для многих граждан нового советского государства были вдохновляющими. Ученые, вероятно, также попали под очарование этих идей, недооценив реального положения в жизни людей и полагая, в частности, что трудящиеся, взяв в руки власть, в своем «трудовом государстве» не будут совершать преступлений. Отсюда, видимо, и указанные предложения Чельцова-Чебутова, которые сейчас, задним числом, можно расценивать как сказочные, ибо действительно оказалась далекой от ожидаемой. Думается, что и сам Чельцов-Чебутов не более чем через 10 лет (середина 1930-х гг.), а может и раньше, понял, что явно переоценил революционность своих ранних, в чем-то романтически-несбыточных уголовно-правовых идей. Во всяком случае, в дальнейшем, уже в сфере уголовного процесса, он исходил из жесткой необходимости особенной части уголовного закона, упразднить которую он предполагал в рассмотренной работе, и о чем, наверное, не любил вспоминать.

Как бы ни было, данная работа Чельцова-Чебутова показывает очень интересный взгляд на извечную проблему преступления и наказания, и бесспорно, этот труд следует отнести к

классике отечественного уголовного права постреволюционного советского периода. Здесь еще заметим, что рассмотренный труд относится к уголовному праву, но этот ученый значительное, еще большее внимания уделял уголовному процессу. Как отмечается в литературе, «Михаил Александрович был и остается одним из наиболее ярких представителей, классиком отечественной науки уголовно-процессуального права, по трудам и учебникам которого изучают историю уголовного процесса как в нашей стране, так и за рубежом» [3, с. 23]. В этом контексте известны многие труды [4; 5; 6 и др.], однако, на наш взгляд, именно книга «Преступление и наказание в истории и в советском праве». содержит наиболее значительные теоретические идеи М.А. Чельцова-Бебутова.

1. Михаил Александрович Чельцов-Бебутов: К 70-летию со дня рождения. М.: М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, 1960. 12 с.
2. Чельцов-Бебутов М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: НКЮ УССР, 1925. 111 с.
3. Профессора кафедры уголовного процесса университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 22-35.
4. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М.: Госюриздат, 1957. 839 с.
5. Чельцов-Бебутов М.А. Очерк истории советского уголовного процесса. М.: Моск. рабочий, 1948. 40с.
6. Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М.: МЮ СССР, 1947. 52 с.

Чиркова А.М., Давудов Д.А.

Анализ международного корпоративного права: выявление проблем и пути их решения

Волгоградский государственный университет

(Россия, Волгоград)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-259

Аннотация

В этой статье исследуется концепция международного корпоративного права, его нормативно-правовая база, регулирующая различные корпоративные отношения. В ней рассматриваются нормы международного права, регулирующие эти отношения, а также обсуждаются существующие проблемы и их потенциальные решения в этой области.

Ключевые слова: международное корпоративное право, корпоративное право, правовое регулирование, международные торговые отношения, унификация.

Abstract

This article explores the concept of international corporate law, it's the regulatory framework that governs various corporate relationships. It delves into the norms of international law that regulate these relationships and discusses the existing challenges and potential solutions in the field.

Keywords: international corporate law, corporate law, legal regulation, international trade relations, unification.

С развитием мировой экономики и наращиваниями темпов глобализацией в XX веке развитие международного законодательства в сфере регулирования торговых отношений стало первостепенной задачей, поскольку действующие на тот момент законы не отвечали современным реалиям и не охватывали новые виды правоотношений между контрагентами международной торговли. Стоит отметить, что основными субъектами таких отношений выступают корпорации, это связано с затратами и рисками, которые могут позволить себе только крупные организации [1, ст. 327], следовательно, международное корпоративное право стало одним из основных инструментов, обеспечивающих эффективное регулирование корпоративной деятельности на международном уровне. Несмотря на такую значимость, в научной литературе до сих пор нет единого подхода к пониманию того, что представляет собой международное корпоративное право и даже его отраслевая принадлежность.

Для понимания специфики международного корпоративного права, для начала необходимо получить понимание о том, что в целом из себя представляет корпоративные правоотношения. В контексте исследуемых отношений задействованы два основных участника: корпоративная организация и ее члены. Однако эти определения не в полной мере раскрывают суть корпоративных отношений и их роль в правовой системе. Чтобы добиться четкого понимания природы корпоративных правоотношений, необходимо определить не только их субъекты, но и их содержание. Отличительной особенностью корпоративных правоотношений является то, что реализация гражданских и корпоративных прав основывается на реализации частных интересов. Субъекты корпоративных правоотношений, руководствуясь социально-экономическими потребностями общества, стремятся к достижению своей цели, которой является предпринимательская деятельность, направленная на получение прибыли. Для достижения указанной цели они выходят на международную торговую арену, где и возникает потребность в урегулировании таких отношений с точки зрения международного права. Это привело к тому, что международное корпоративное право стало одним из ключевых аспектов современной экономической деятельности, обеспечивающий соответствие корпоративных структур и процессов международным нормам и стандартам, нормативно-правовая база данного права достаточно скудная.

Так, основными источниками относят:

1. Нормы национального права, ведь в каждой стране существует свой собственный свод корпоративных законов, регулирующих создание, функционирование и роспуск корпораций. Эти законы различаются в разных юрисдикциях, что приводит к разнообразию правовых режимов, в которых компаниям приходится ориентироваться. В Российской Федерации источниками корпоративного права являются отдельные статьи Гражданского кодекса, ряд федеральных законов, таких как Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», и отдельные нормы антимонопольного законодательства. Учитывая масштабы таких образований, данный объем нормативно-правовых документов недостаточен для их регулирования [2, ст. 343];
2. Международные договоры и конвенции, устанавливающие общие правила и стандарты, которых страны соглашаются придерживаться. Примерами таких договоров являются Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву и Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений;
3. Кроме того, в практике действия корпоративных образований важную роль играют управленческие документы и внутренние нормативные акты, утвержденные органами управления таких организаций. Эти документы определяют порядок принятия решений, распределения полномочий между органами управления, а также процедуры взаимодействия с другими организациями, государственными органами и другими заинтересованными сторонами [3, ст. 33];
4. "Мягкое право" - это не имеющие обязательной силы руководящие принципы, рекомендации и передовой опыт, разработанные международными организациями, такими как Международная организация по стандартизации (ISO) и Международная торговая палата (ICC);
5. Принципами международного права, касающимися корпоративные отношения: принцип суверенитета (каждое государство обладает исключительным правом регулировать корпоративную деятельность на своей территории), принцип невмешательства (государствам запрещается вмешиваться во внутренние дела других государств, включая регулирование корпоративной деятельности), принцип юрисдикционного иммунитета

(иностранные корпорации, как правило, не подпадают под юрисдикцию иностранных судов, за исключением ограниченных обстоятельств).

Поскольку корпорации работают в нескольких юрисдикциях, это приводит к возникновению коллизии между законами разных стран, что приводит к ситуациям, когда компании злоупотребляют и, например, могут воспользоваться различиями в нормативных стандартах в разных юрисдикциях, чтобы минимизировать свои налоговые обязательства или избежать соблюдения определенных правил, а степень влияния отдельных экономических гигантов позволяет им навязывать законодателю собственную волю [3, с. 4], о чем говорила профессор Иншакова А.О. в своей диссертации еще в 2008 году. Для предотвращения указанных ситуаций предлагается различными авторами предлагается унификация международного корпоративного права.

Унификация международного права - это процесс стандартизации и гармонизации правовых норм и институтов среди различных стран, с целью сближения их правовых систем и облегчения взаимодействия между ними. Унификация может осуществляться на двух основных уровнях: взаимным подчинением стран одному правовому акту или созданием общих международных стандартов и правил. Последнее представляется более удобным для корпоративного права, поскольку позволит избежать потери самобытности национального права, которое может учитывать особенности конкретной страны, защищать своих граждан. Мягкое сближение позволит: упростить процедуры осуществления торговых отношений, таких как заключение контрактов, регистрация предприятий и т. д.; уменьшит риск конфликтов между странами, связанных с различиями в их законодательстве; способствует увеличению обмена опытом и знаниями между различными юридическими системами, что в свою очередь может сделать правовую работу более эффективной. Такой щадящий процесс должен компенсировать наличие пробелов в национальных законах и позволит наработать определенный базис, который, в дальнейшем, может привести к принятию кодифицированного акта международного уровня, закрепляющего положения международного корпоративного права.

Таким образом, в настоящее время нет необходимости стремиться к полной [5, ст. 6] унификации международных корпоративных норм, так как на современном этапе не все национальные законодательства, в том числе Российской Федерации, обладают развитым корпоративным правом для регулирования деятельности корпораций, следовательно, невозможно обобщить опыт различных стран и прийти к единому пониманию корпоративного регулирования. Необходимо постепенно, начиная с частичной стандартизации, стремиться к пониманию некоторых общих моментов, не затрагивая аспекты, требующие глобальных изменений. Это позволит привыкнуть к единству в понимании отдельных вопросов и понять, что это улучшает положение не только самих юридических лиц, но и государств.

1. Кордакова Е. А., Давудов Д.А., Правовые преимущества и недостатки тотальной унификации (стандартизации) международного корпоративного регулирования / Е. А. Кордакова / Давудов Д.А. // Студенческая наука: созидая будущее : ВСЕРОССИЙСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, Курск, 05–06 июня 2024 года. – Курск: Курский государственный университет, 2024. – С. 326-330. – EDN TVFEPE.
2. Давудов, Д. А. Отличительные особенности корпораций в России и за рубежом: проблемы единства стандартов и перспективы развития / Д. А. Давудов, А. Г. Немкина // Наукосфера. – 2023. – № 6-1. – С. 343-350. – DOI 10.5281/zenodo.8036037. – EDN JKSQDQ.
3. Давудов, Д. А. Самозащита права как способ защиты гражданских прав корпораций в России / Д. А. Давудов, Т. Н. Козырева // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87-7. – С. 33-35. – DOI 10.18411/trnio-07-2022-266. – EDN QAZCEJ.
4. Иншакова, А. О. Унификация корпоративного регулирования в Европейском Союзе и Содружестве Независимых Государств : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Иншакова Агнесса Олеговна. – Москва, 2008. – 382 с. – EDN NPTSAT. Угрюмова А.А. Региональная экономика и управление: учебник и практикум для вузов / А.А. Угрюмова, Е.В. Ерохина, М.В. Савельева. – 2-е изд. – Москва: Изд-во Юрайт, 2021. – 477 с.
5. Иншакова, А. О. Трудности использования оценочных категорий в межотраслевых юридических исследованиях: причины и следствия / А. О. Иншакова // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 6-11. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2019.2.1. – EDN VTSIYV.

Чурюмова М.О., Осадченко Э.О.

Место и роль жилищного права в российской системе права

Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-260

Аннотация

Проблема сущности и основных принципов, а также места жилищного права в правовой системе Российской Федерации является достаточно дискуссионным. Для определения места жилищного права в системе российского права важно раскрыть не только его сущность, но и основные принципы.

Ключевые слова: жилищное право, комплексная отрасль, гражданское право, жилищный фонд, жилой фонд.

Abstract

The problem of the essence and basic principles, as well as the place of housing law in the legal system of the Russian Federation is quite controversial. To determine the place of housing law in the system of Russian law, it is important to reveal not only its essence, but also its basic principles.

Keywords: housing law, complex branch, civil law, housing stock, housing stock.

Вопрос о месте жилищного права в правовой системе Российской Федерации стоит достаточно давно. Некоторые исследователи относят жилищное право к институту или отрасли гражданского права, другая именует его комплексным правовым образованием и лишь немногие признают самостоятельный характер данной отрасли права. Данный вопрос останется дискуссионным ровно до того момента, когда законодательно данная отрасль не будет закреплена, как отдельная и самостоятельная или как отрасль гражданского права. Исходя из предмета, жилищное право — совокупность норм права, которые регулируют вопросы реализации права на жилье.

Каждая из точек зрения исследователей имеет место быть и имеет за собой свое обоснование, но для понимания данного вопроса следует разобрать не только сущность жилищного права, но и основные принципы и особенности. Принципы жилищного права - это выраженные в нормах жилищного законодательства руководящие положения, определяющие содержание и основные начала данной отрасли.

Основные принципы жилищного права – это основополагающие принципы, которые определяют содержание жилищного права в целом.

1. Неприкосновенность жилища. Данный принцип говорит о том, что никто не имеет право проникать в ваше жилище против воли проживающих в нём лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Данный принцип является одним из основополагающих принципов жилищного права.
2. Недопустимость произвольного лишения жилища. Данный принцип обозначает устойчивое право пользование жилым помещением, неотъемлемость права собственности на жилое помещение без достаточных оснований. Законодатель так же четко указывает, что право собственности является не безграничным. Учитывая интересы государства, общества, право собственности, как и любое другое право, может быть ограничено.
3. Свобода выбора места жительства. Данный принцип обозначает, что каждый кто законно находится на территории Российской Федерации имеет право самостоятельно выбирать свое местонахождение и место жительства за исключением предусмотренных законодательством случаев.
4. Доступность пользования жилым фондом.
5. Целевое использование жилого фонда (помещений). Данный принцип обозначает то, что в жилых помещениях можно только проживать, не допускается размещение в жилых помещениях промышленные производства и т.д.

Особенностью отношений между субъектами в жилищном праве объясняется тем, что их правовое регулирование должно обеспечить постоянное балансирование между различными слоями интересов и защитить каждый из них в должной степени. Этим объясняется и подчинение воли большинства при выборе способа управления, и правовое регулирование отношений лиц, не являющихся членами ТСЖ и не участвующих в договорах, опосредующих содержание многоквартирного дома при непосредственном управлении соответственно с ТСЖ и подрядчиками (исполнителями).

Авторы выделяющие жилищное право, как отдельную отрасль права, основываются на том, что отрасль права отличается не только самостоятельным предметом и методом правового регулирования, но также она имеет свои основополагающие принципы, которые отличают ее от других отраслей права. Жилищное право, будучи самостоятельной отраслью права, обладает уникальной системой принципов, объединенных единой целью - обеспечить жилищные интересы граждан. При этом жилищное право имеет свои особенные принципы, которые характеризуют ее, как самостоятельную отрасль права, однако при регулировании жилищных прав используются различные методы других отраслей права, что в какой-то степени характерно для комплексных отраслей права.

Жилищное право, как отрасль права сочетает в себе принципы нескольких отраслей права. Проявляется действие принципов нескольких отраслей права: конституционного, а также гражданского и административного.

В последнее время в специальной юридической литературе отчетливо прослеживается тенденция к определению жилищного права в качестве самостоятельной отрасли права. Ученые, поддерживающие данную позицию, делают упор на критерии выделения единого предмета и метода правового регулирования в жилищном праве.

Выделение жилищного права в качестве самостоятельной отрасли права также обосновывается тем, что гражданско-правовые отношения в сфере жилья имеют свою специфику, которая «не позволяет» им оставаться гражданскими отношениями. Если говорить о том, что жилищное право рассматривается в качестве самостоятельной отрасли права, так как гражданско-правовые отношения в сфере жилья имеют свою специфику, которая «не позволяет» им оставаться гражданскими отношениями. Важными примерами данных отношений являются отношения по предоставлению и использованию жилых помещений по договору социального найма и отношения в сфере управления многоквартирными домами.

Есть также сторонники того, что жилищное право является комплексной отраслью права, которая содержит в себе принципы нескольких отраслей права. Жилищное право является комплексной отраслью права, которая объединяет в себе разнородные по своей природе отношения, имеющие целью реализацию государством своей социальной функции по обеспечению граждан жильем и создание правового механизма, обеспечивающего благоприятные условия проживания в жилом помещении. Так как жилищное право является основополагающей отраслью для каждого из нас, данная отрасль должна в себе содержать несколько направлений и защищать интересы всех групп взаимодействия.

Относительно выделения жилищного право, как комплексной отрасли есть значительно больше оснований, чем выделение ее, как самостоятельной отрасли права, однако некоторые исследователи не согласны с данной точкой зрения. Поэтому одну из позиций важно закрепить законодательно для того, чтобы избежать дискуссий и разных толкований.

1. Осадченко Э.О. "Правомочия владения и пользования жилым помещением: понятие и некоторые пределы осуществления" Юрист - Правовед, no. 4, 2008, pp. 59-63.
2. Иншакова Агнеса Олеговна, and Кагальницкова Наталья Владимировна. "Жилищное право в доктрине, национальной правовой и законодательной системе" Legal Concept, no. 3 (32), 2016, pp. 9-15.
3. Киракосян Сусана Арсеновна, and Куцина Светлана Ивановна. "Принципы российского жилищного права" Теория и практика общественного развития, no. 15, 2014, pp. 146-148.

Шамурин А.Г.

**Модель компетенций современного руководителя по работе с личным составом
в органах внутренних дел Российской Федерации**

*Академия Управления МВД России
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-261

Аннотация

В данной статье рассматриваются профессиональные компетенции современного руководителя по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации.

Меняющиеся социально-экономические условия, технологические изменения и новые вызовы требуют от руководителей по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации постоянного совершенствования своего профессионализма, мастерства и коммуникативных способностей и навыков.

Ключевые слова: компетентность, руководитель, органы внутренних дел Российской Федерации, личные особенности.

Abstract

This article examines the professional competencies of a modern head of work with personnel in the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Changing socio-economic conditions, technological changes and new challenges require that heads of work with personnel in the internal affairs bodies of the Russian Federation constantly improve their professionalism, skills and communication abilities and skills.

Keywords: competence, manager, internal affairs bodies of the Russian Federation, personal characteristics.

Органы внутренних дел Российской Федерации являются неотъемлемой частью всего нашего общества, поэтому происходящие перемены в стране требуют и от МВД России изменений в стратегии и тактике управления, как всей системой ОВД, так и каждым отдельным подразделением. Современное общество, меняющиеся социально-экономические условия, технологические изменения и новые вызовы требуют от руководителей по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации высокий уровень профессионализма, мастерства и способности работать с людьми.

Общекультурный уровень руководителей по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации рассматривается сегодня, как один из основных факторов, обеспечивающих повышения эффективности деятельности полиции. Одним из показателей готовности руководителей по работе с личным составом к разноплановой служебной деятельности является коммуникативная компетенция. Проведение реформы правоохранительных органов в России усилило актуальность этой проблемы: сегодня руководитель по работе с личным составом должен не только хорошо ориентироваться в своих профессиональных обязанностях, но и уметь успешно взаимодействовать с широким кругом лиц, выполняя свои должностные функции.

В этой связи, особую актуальность приобретает разработка модели компетенций современного руководителя по работе с личным составом, отвечающей требованиям времени.

Работа с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации напрямую влияет на сотрудников органов внутренних дел и их способность выполнять свои функции. Создание модели компетенций позволит оптимизировать процесс управления персоналом и повысить профессиональную культуру в органах внутренних дел.

В настоящее время в современных условиях к руководителю органов внутренних дел Российской Федерации, помимо профессионального мастерства, все больше возникают требования, связанные с психологическими и личностными качествами. Так, в Приказе МВД

России от 29 июня 2022г. №480 «Об утверждении Положения о Главном управлении по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации» на руководителей возложено общее руководство в области воспитания личного состава органов внутренних дел Российской Федерации, морально-психологического, кадрового обеспечения деятельности органов внутренних дел и т.д. [1]. Таким образом, руководители несут личную ответственность за морально-психологическое состояние личного состава, состояние социально-психологического климата в служебных коллективах, состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел. Тем самым, руководящий состав органов внутренних дел Российской Федерации должен обладать соответствующими поставленным задачам навыками и умениями, позволяющими поддерживать на высоком уровне морально-психологическое состояние личного состава.

Проведя анализ, а также обзор литературы компетенций современных руководителей по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации, можно выделить следующие направления:

1. Структурно-системный подход к личности и деятельности [2];
2. Акмеологический подход к изучению профессиональной деятельности [3];
3. Теория управления [4].

Системно-структурный подход к личности руководителя по работе с личным составом органов внутренних дел предполагает, что личность сотрудника понимается не как совокупность отдельных психических процессов, а как целостное образование, включающее в себя множество взаимосвязанных характеристик и элементов, т.е. руководители при работе с личным составом органов внутренних дел рассматривают сотрудника как гражданина, как профессионала, как высоконравственной личности, обладающей качествами, обусловленными потребностями и особенностями оперативно-служебной обстановки [5].

Структурными компонентами этой системы выступают: государственно-правовое воспитание; профессионально-нравственное воспитание; гражданско-патриотическое воспитание; воспитание профессиональной культуры; физическое воспитание.

Руководители принимающие системно-структурный подход по работе с личным составом придают большое значение использованию аналитических методов в процессе воспитания, результатов имеющихся в их распоряжении исследований, полагаются на качественный и количественный анализ результатов воспитательной работы, а в определенных ситуациях - на интуицию. В их мышлении преобладает прогностика и построение сценариев будущего.

Акмеологический подход к изучению профессиональной деятельности МВД России основан на системном рассмотрении становления профессионализма и человека как личности и профессионала на высших ступенях социализации и профессионализации.

Данный подход рассматривается как свойство жизнедеятельности человека, характеризующееся стремлением к вершинам личностного, профессионального развития и самосовершенствования. Это выражается в творческом потенциале и профессиональном мастерстве.

Акме качества сотрудника МВД России формируются и развиваются на протяжении всей службы в процессе решения оперативно-служебных задач и выработки личной системы ценностей. Становление акме целей и профессионально значимых ценностей начинается в период обучения в образовательных организациях МВД России. Именно поэтому такой подход помогает руководителям по работе с личным составом органов внутренних дел РФ формировать профессиональную компетентность сотрудника органов внутренних дел, включающую профессиональные, коммуникативные, управленческие, морально-нравственные социально значимые компоненты развития личности [3].

Предметом теории управления личным составом органов внутренних дел является процесс целенаправленной деятельности по руководству личным составом для достижения поставленной цели. Данная модель направлена на формирование и развитие у личного состава необходимых профессиональных качеств, моральной и психологической готовности к

выполнению задач по предназначению. Руководители по работе с личным составом органов внутренних дел должны обладать такими качествами как единоначалие, централизация управления, твёрдость и настойчивость, оперативность и гибкое реагирование на изменения обстановки.

На основании данных подходов руководители по работе с личным составом органов внутренних дел РФ должны обладать сформировавшейся моделью профессиональной компетентности.

Учитывая изложенное, модель профессиональных компетенций руководителя по работе с личным составом органов внутренних дел должна включать личностные, социальные, специальные, методические знания. Модель профессиональных компетенций поможет руководителям направить работу с личным составом органов внутренних дел на достижение успеха в профессиональной деятельности и на качественное выполнение задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации.

Отметим, что модель профессиональных компетенций позволит разрабатывать программы обучения и повышения квалификации руководящих кадров ОВД, с учетом их индивидуально-психологических особенностей и уровня сформированности профессионально-управленческих компетенций.

1. Приказ МВД России от 29 июня 2022 г. №480 «Об утверждении Положения о Главном управлении по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Кузьмин В.П. Системный подход в современном научном познании // Вопросы философии. – 1980. – № 1.
3. Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1-5. Кн. 5: Акмеологические технологии диагностики и актуализации личностно-профессионального роста. М.: Изд-во РАГС. – 2001. – 541 с.
4. Дорофеева Л.И. Основы теории управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов, 2018 – 460 с.: ил.
5. Кикотя В.Я. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. - М., 2009. - С. 46.

Шаназарова Е.В., Войнова А.Д.

Право на честь, достоинство и деловую репутацию

*Владимирский юридический институт ФСИИ России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-262

Аннотация

В статье раскрывается понятие права на честь, достоинства и деловую репутацию. В настоящее время вопросы касаются чести, достоинства и деловой репутации представляют собой именно вопрос о правах человека, об их реальном обеспечении. Благодаря гражданско-правовому понятию и различным толкованиям данных категорий появляется уверенность в наличии правовых норм, отражающих или способных отразить эти блага.

Ключевые слова: честь, достоинства, деловая репутация, доброе имя, не материальные блага, гражданские права.

Abstract

The article reveals the concept of the right to honor, dignity and business reputation. Currently, the issues of honor, dignity and business reputation are precisely the question of human rights, of their real provision. Due to the civil law concept and various interpretations of these categories, there is confidence in the existence of legal norms reflecting or capable of reflecting these benefits.

Keywords: honor, dignity, business reputation, good name, non-material benefits, civil rights.

С точки зрения законодателя защита чести, достоинства и деловой репутации – это, первоочередной вопрос о правах человека, и что немаловажно, об их обеспечении, о гарантированной государством способности пользоваться этими правами.

В действующем законодательстве, а точнее ст. 150 ГК РФ, предусмотрены права граждан на честь, достоинство и деловую репутацию, которые являются нематериальными правами. В данном случае речь идет о благах, лишенных материального (имущественного) содержания, которые, между прочим, неразрывно связаны с личностью носителя: не могут отчуждаться или передаваться иным способом другим лицам ни по каким основаниям.

Гражданами и юридическими лицами нематериальные блага приобретаются в силу рождения (создания), либо в силу закона. Например, под жизнью, здоровьем, достоинством личности, честью и добрым именем стоит понимать именно те блага, приобретаемые гражданами при их рождении. А вот уже правами на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и выбора места жительства и др. гражданин обладает в силу закона. [1]

Благодаря тому, что каждый человек, в процессе своей деятельности способен вступать в сложные и многообразные отношения с другими, такие понятия, как честь, достоинство и деловая репутация продолжают свое существование.

Любыми отношениями могут быть отрегулированы права с помощью закрепления норм разных моделей правоотношений, когда одними субъектами являются носители права, а другими – носители субъективных обязанностей.

В процессе раскрытия понятий и содержаний прав на честь, достоинство и деловую репутацию, важной составляющей является именно уяснение о том, какие действия необходимо совершить субъекту этого права, и каким при этом должно быть его поведение.

Немаловажным является и то, что каждому субъекту права, субъективных прав и обязанностей, может быть приписана совокупность, включающая в себя политические, имущественные и личные субъективные права, во многом определяющие правовое значение индивидуально каждого. [2]

Рассматриваемые права, как правило, возникают не в результате осуществления правоспособности, а наряду с ней и являются элементами правосубъектности гражданина или организации.

Под понятием «честь» и «достоинство» следует понимать сложные общественные категории, имеющие ряд самостоятельных, но неразрывных и взаимосвязанных аспектов. При этом единственно верного определения данных понятий до сих пор нет. Их общим предметом считается, прежде всего, человек, или группа людей, или коллектив, или в более широком плане нация.

Согласно ст. 150 ГК РФ выделен перечень нематериальных благ, без раскрытия основной сути этих понятий, поэтому стоит обратиться к толковому словарю, для того чтобы понять, что именно подразумевают под собой такие понятия, как «честь», «достоинство» и «деловая репутация».

В гражданском праве уже много раз делались попытки определить, что именно представляют собой такие понятия, как честь, достоинство и деловая репутация в рамках юриспруденции.

Так, к примеру, под честью следует понимать объективную оценку личности, определяющую отношение общества к гражданину или юридическому лицу, то есть социальную оценку моральных и иных качеств личности. Честь и достоинство между собой имеют неразрывную связь в силу того, что в их основе лежит единый критерий нравственности.

Говоря о достоинстве, следует иметь в виду самооценку личности, осознание ею своих личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения. Самооценка должна опираться на социально значимые критерии, оценки моральных и иных качеств личности.

Репутация показана в качестве сложившегося о лице мнения, которое основано на оценке его качеств. А вот уже под деловой репутацией подразумевается оценка именно профессиональных качеств. Это понятие показано в виде нематериального права, которое

относится к юридическому лицу. Также тут нужно выделить, что для правоприменительной практики арбитражных судов особенно значимым является определение деловой репутации.

Немаловажным является тот факт, что Конституция РФ, предусматривая право на защиту чести и доброго имени, никаким образом не предусматривает положения касаясь деловой репутации.

Следует также отметить, что права о чести и достоинстве стоит рассматривать с точки зрения субъективного права, поскольку их сущность заключается в правах всех граждан не только на неприкосновенность собственной чести и достоинства, но и в возможности требовать от всех других физических и юридических лиц не нарушать данные права.

На территории РФ рассматриваемые понятия находятся под охраной, при этом нормы закона, устанавливающие правила поведения обладателя субъективного права на честь, достоинство и деловую репутацию, оказывают воздействие абсолютно на всех.

Любая мера должна выполнять не только регулирующие и охранительные функции, но также и огромное воспитательное значение.

Наделив людей целым рядом прав, государство обеспечило необходимую систему гарантии осуществления прав и их защиты. В соответствии с этим абсолютно все граждане имеют право на восстановление нарушенных прав.

Благодаря нормам о праве на честь, достоинство и деловую репутацию, помимо запрещения обязанным лицам посягать на конкретное физическое или юридическое лицо, тем или иным лицам предоставляется возможность пользоваться всей совокупностью субъективных прав, составляющих его честь, достоинство и деловую репутацию.

В заключение отметим, что право на честь, достоинство и деловую репутацию представлены неотъемлемыми правами физических и юридических лиц. Если их нарушить, то можно причинить моральный вред, ущерб в свободе действий и в общественном положении, производя на окружающих невыгодное впечатление. Непосредственно, по этой причине в настоящее время государство и обязалось защищать эти личные неимущественные права.

1. Иваненко Ю.Г. Деловая репутация юридических лиц и ее правовая защита. – М.:ЮНИТИ, 2016.
2. Мишонов А.С. Защита деловой репутации: основные моменты, на которые стоит обратить внимание. М.: Право и экономика, 2014.

Шаназарова Е.В., Мартынова А.В.

Опровержение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию

*Владимирский юридический институт ФСИИ России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-263

Аннотация

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, опровержение сведений, законодательство.

Abstract

The recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms is the duty of the state. Human and civil rights and freedoms are directly applicable. They determine the meaning, content and application of laws, the activities of legislative and executive authorities, local self-government and are provided with justice.

Keywords: honor, dignity, business reputation, refutation of information, legislation.

В качестве распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других СМИ, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.

При этом стоит отметить, что сообщения таких сведений лицу, которого они касаются, не могут быть признаны их распространением, если лицами, сообщившими данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем чтобы они не стали известными третьим лицам.

Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности в то время, к которому относятся оспариваемые сведения.

По общему правилу ст. 152 ГК РФ лицо, распространившее порочащие сведения, должно доказать, что эти сведения соответствуют действительности. Если порочащие сведения опубликованы в средствах массовой информации (СМИ), то сами СМИ обязаны доказать, что написали правду.

Практика показывает, что не все понимают, что такое «порочащие сведения». Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 определил, что «порочащими» называются сведения, в которых «содержатся утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни». Это значит, что такие сведения могут быть распространены лишь в форме утверждения.

К тому же не всякое не соответствующее действительности утверждение может быть опровергнуто, а лишь утверждение о нарушении закона или моральных принципов.

Весьма значимым является то, что уже в п. 1 Постановления № 3 Пленум посчитал необходимым разъяснить понятие диффамации, широко используемое Европейским судом по правам человека. Тем самым можно считать законченной дискуссию о том, что понимать под диффамацией. Выказаны были два основных подхода:

- а) диффамация – это распространение не соответствующих действительности порочащих сведений;
- б) диффамация – это распространение порочащих, в том числе соответствующих действительности (правдивых), сведений.

Распространение правдивых, но порочащих потерпевшего сведений под понятие диффамационного деликта не подпадает. Лицо, распространившее такие сведения, не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ч.1 ст. 152 ГК РФ.

По этой причине абсолютно аргументирован аспект, зафиксированный в пункте первого постановления Пленума номер три, в котором установлено, то что «применяемое Европейским судом по правам человека в его распоряжениях представление диффамации идентично суждению распространения не соответствующих реальности очерняющих данных, содержащимися в статье 152 ГК РФ». Вместе с этим не остались без внимания эпизоды, когда известные, правдивые данные порочат пострадавшего.

В пункте 8 Постановления Пленума номер три судам рекомендуется отделять дела об охране чести, достоинства и деловой репутации (статья 152 ГК Российской Федерации) от дел о защите иных нематериальных благ, нарушенных в связи с распространением о гражданине данных, неприкосновенность которых охраняется Конституцией Российской Федерации, а так же законами и распространение, которых способно нанести нравственный ущерб, в том числе и в случае, если данные сведения отвечают реальности и никак не порочат честь, достоинство и деловую репутацию истца.

В частности, при возникновении споров, появившихся в связи с распространением данных о личной жизни гражданина, следует принимать во внимание, то, что в случае если имело место распространение информации без согласия истца либо его законных представителей, соответствующих реальности сведений о его личной жизни, на ответчика может быть возложена обязанность возместить моральный ущерб, нанесенный распространением такого рода данных (статья 150, 151 ГК РФ).

Еще один случай, наступления ответственности за распространение персональных данных – ответственность за несоблюдение режима обработки личных сведений.

Согласно статье 24 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», на граждан, виновных в несоблюдении его условий, возлагается гражданская, уголовная, административная, дисциплинарная и другая предустановленная законодательством Российской Федерации обязанность. Кроме административной и уголовной на работодателя возлагается и гражданско-правовая ответственность.

Статьей 17 ФЗ с 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных разработках и об охране данных» предусмотрено, что граждане, права и законные интересы которых были нарушены в связи с разглашением личной информации, имеют все права прибегнуть в определенном режиме за судебной охраной собственных прав, в том числе с исками о возмещении потерь, компенсации нравственного ущерба, защите чести, достоинства и деловой репутации.

Опровержение никак не соответствующих реальности и очерняющих репутацию и достоинство сведений – правовой механизм, ориентированный на возобновление нарушенных прав порядочного гражданина (юридического лица). Отрицание нацелено не только лишь на формирование подлинного утверждения дел (какие сведения никак не соответствуют реальности, когда и как они были распространены), однако, по сути, констатацию доброго имени гражданина (компания).

Для опровержения установлены ограничения: его объем не может более чем в 2 раза превышать объем опровергаемого фрагмента распространенного сообщения или материала.

Помимо опровержения порочащих сведений можно требовать ответ на публикацию в отношении тех не соответствующих действительности сведений, которые не носят порочащего характера, но затрагивают права и охраняемые законом интересы истца. Такого ответа, например, заслуживают публикации искаженных данных из годового отчета публичной компании или не соответствующей действительности информации о слиянии или поглощении компании.

Опровержение или ответ, согласно ст. 44 Закона РФ «О средствах массовой информации», должны быть опубликованы на том же месте (на той же странице, в том же разделе), что и опровергаемое сообщение, заголовок «Опровержение» или «Ответ» должен быть набран тем же шрифтом и тем же размером, что и заголовок статьи, а шрифт текста опровержения или ответа должен быть таким же, что и шрифт публикации. По радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемое сообщение или материал.

Помимо опровержения порочащих сведений можно требовать ответ на публикацию в отношении тех не соответствующих действительности сведений, которые не носят порочащего характера, но затрагивают права и охраняемые законом интересы истца. Такого ответа, например, заслуживают публикации искаженных данных из годового отчета публичной компании или не соответствующей действительности информации о слиянии или поглощении компании.

В юридической литературе и в судебной практике встречаются случаи обманутого доверия. При стечении тех или иных обстоятельствах лицо, действительно совершившее неблагоприятный поступок, строго конфиденциально сообщает об этом другому лицу с просьбой о сохранении тайны и надеется на это. Тем не менее, факт о предосудительном поступке становится достоянием окружающих. При таких обстоятельствах суд не удовлетворит иск к

лицу, обманувшему доверие, так как опровержение сведений соответствующих действительности, нормой закона не предусматривается.

Сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию имеют все шансы распространяться в средствах массовой информации. Тут предполагается информация в качестве статьи в газете, в передаче по радио или по телевизору.

Помимо всей этой информации, порочащие сведения могут иметь место и получить широкое распространение в документах: такой документ подлежит замене. Если лицо не согласно с содержанием производственной характеристики полностью или только в отдельных ее частях, то может потребовать через суд опровержения всего ее содержания или части с которой он не согласен.

1. Апрыткина Г.С., Кислицын Е.Г. Защита деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Закон. 2007. № 10.
2. Бабенко А.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // Право и экономика. 2006. № 6.

Шаназарова Е.В., Шумова В.Д.

Понятие уголовно-правовой квалификации преступлений

*Владимирский юридический институт ФСИИ России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-264

Аннотация

В настоящее время в уголовном праве большое внимание уделяется исследованию квалификации преступлений, поскольку при анализе любого состава преступления, представленного в тексте диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, ведущее место занимают именно вопросы квалификации преступлений.

Ключевые слова: преступление, правоприменительная практика, квалификация преступлений, уголовное законодательство, состав преступления, уголовная ответственность.

Abstract

Currently, much attention is paid in criminal law to the study of the qualification of crimes, since in the analysis of any corpus delicti presented in the text of the disposition of the article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, it is the issues of the qualification of crimes that occupy the leading place.

Keywords: crime, law enforcement practice, qualification of crimes, criminal legislation, corpus delicti, criminal liability.

Одним из основных принципов, на котором строится вся правовая система, является законность. В практической деятельности в ходе производства по уголовному делу она обеспечивается, прежде всего, правильным применением норм действующего законодательства органами дознания, предварительного расследования, прокуратуры и судом.

Деятельность данных органов во многом сопряжена с квалификацией преступлений. [1]

Квалифицировать преступление означает отнести какие-либо явления по его свойствам, качествам к какому-то конкретному разряду, виду, категории. Это означает дать преступлению юридическую оценку с указанием соответствующей уголовно-правовой нормы, которая содержит признаки этого преступления, с использованием определенных принципов квалификации преступления и правил квалификации содеянного.

В настоящее время, согласно статье 8 Уголовного кодекса РФ, основанием уголовной ответственности является совершение такого деяния, которое содержит в себе все субъективные и объективные признаки состава преступления, предусмотренного данным

кодексом. Однако необходимо точно определить и указать ту самую уголовно-правовую норму, содержащую признаки нарушенного запрета, и установить состав совершенного преступления с целью привлечения виновного лица к уголовной ответственности и назначить справедливую меру наказания.

Данная цель достигается посредством дачи уголовно правовой оценки противоправному преступному деянию, то есть с помощью осуществления квалификации преступления. Квалификация преступлений является важнейшей, но не единственной составляющей применения нормы права.

Понятие «применение нормы права» охватывает анализ фактических обстоятельств дела, выбор (отыскание) соответствующей нормы, удостоверение в правильности (подлинности) текста юридического источника, содержащего нужную норму, и установление его силы, а так же уяснение смысла и содержания нормы, толкование нормы, принятие решения и издание акта, закрепляющего это решение.

Квалификация составляет только ту часть процесса применения нормы права, которая заключается в выборе единственной уголовно-правовой нормы, точно соответствующей признакам реально совершенного опасного деяния, и закреплении этого выбора в юридическом акте (приговоре, определении, постановлении). Квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

В теории уголовного права под квалификацией преступлений понимается процесс установления и юридического закрепления в процессуальных документах, обозначенных в уголовно-процессуальном законодательстве, точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления в уголовно-правовой норме.

Сущность квалификации преступлений определяется взаимосвязью четырех составных элементов:

1. Квалификация преступлений определяет собой правовую оценку именно преступного деяния, которое охватывает признаки конкретного состава преступления, указанного в уголовном законе;
2. При квалификации преступлений дается уголовно-правовая оценка совершенному деянию посредством анализа его признаков как объективных, так и субъективных;
3. В процессе квалификации преступлений необходимо обращаться к тем характерным чертам состава преступления, которые прямо указаны в уголовном законодательстве; установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками, которые составляют второй и третий элемент.

Осуществляя квалификацию преступлений, правоприменитель дает ответы на следующие вопросы, которые относятся к противоправному общественно опасному деянию и закону, подлежащему применению:

1. Представляет ли собой совершенное деяние преступлением; не относится ли оно к административным правонарушениям, гражданско-правовым деликтам либо безнравственным поступкам?
2. В случае признания совершенного деяния преступлением какая уголовно-правовая норма Особенной части Уголовного кодекса РФ (пункт, часть, статья) содержит признаки состава совершенного деяния?
3. Имеет ли место конкуренция уголовно-правовых норм?
4. Применимы ли положения статей Общей части Уголовного кодекса РФ, регулирующие вопросы соучастия в преступлении, обстоятельства, исключающие преступность деяния, стадии осуществления преступления, множественность преступлений и т.д.?
5. Имеет ли место в деянии лица юридическая или фактическая ошибка?
6. В достаточной ли степени изложены в Уголовном кодексе РФ понятия и насколько возможно их однозначное толкование?

Ответив на вышеизложенные вопросы, правоприменитель будет в состоянии дать грамотную уголовно-правовую оценку деянию лица и в качестве формулы обвинения назвать конкретную норму (пункт, часть, статью) Уголовного кодекса РФ со ссылкой, в необходимых случаях, на положения Общей части данного кодекса.

Квалификация преступлений - это деятельность правоприменителя с использованием приемов формальной логики, направленная на проверку тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления, результат которой формализуется в уголовно-процессуальных документах в виде оценки установленного акта поведения индивида как преступления определенного вида со ссылкой на статьи Уголовного кодекса. [2]

Нетрудно заметить, что приведенное нами определение квалификации преступлений очень близко к традиционному пониманию правоприменения. В юридической доктрине существует вполне обоснованное мнение, что правовая квалификация является частью правоприменения. Такого мнения придерживаются, например, С. С. Алексеев, А. В. Малько, В. В. Лазарев.

Таким образом, чтобы решить вопрос об участии конкретных норм правоприменительной деятельности в процессе квалификации уголовно-правовых деяний, необходимо конкретизировать акты правоприменения и субъектов правоприменения для квалификации.

К актам правоприменения, содержащим нормы правоприменительной деятельности и участвующим в процессе квалификации преступлений, относятся акты правоприменения органов следствия и дознания (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного преследования, обвинительный акт, обвинительное заключение и др.) и решения судов разных инстанций по уголовным делам.

Также исключения - постановления Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, которые являются актами правоприменения, но обладают свойством нормативности.

1. Нешатаев, В. Н. Определение квалификации преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 3.
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений (понятие, значение и правила). М., 1991.

Яровой В.В.

Некоторые аспекты взыскания морального вреда по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц

*Российский государственный университет правосудия
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-265

Аннотация

В статье рассмотрены особенности рассмотрения административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих с одновременным заявлением требования о взыскании морального вреда. Кроме того, автором предложено обратить внимание на особенность рассмотрения данной категории дел, поскольку она может рассматриваться в упрощенном (письменном) порядке, в связи с чем обоснование заявленных требований о взыскании морального вреда должно найти отражение в письменной форме в административном исковом заявлении и письменных пояснениях.

Ключевые слова: решение, действие, бездействие, моральный вред, упрощенное производство, административное судопроизводство, нравственные страдания.

Abstract

The article considers the specifics of considering an administrative statement of claim for challenging decisions, actions (inaction) of state authorities, local governments, other bodies, organizations endowed with separate state or other public powers, officials, state and municipal employees with a simultaneous statement of a claim for recovery of moral damage. In addition, the author suggests paying attention to the peculiarity of the consideration of this category of cases, since it can be considered in a simplified (written) manner, in connection with which the justification of the stated claims for the recovery of moral damage should be reflected in writing in the administrative statement of claim and written explanations.

Keywords: decision, action, inaction, moral harm, simplified proceedings, administrative proceedings, moral suffering.

С введением в действие в 2015 году КАС РФ, административное судопроизводство постоянно совершенствуется. Не стала исключением и глава 22 КАС РФ, регулирующая производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Зачастую при подаче административного искового заявления по обжалованию такого вида решений, действий или бездействия административным истцом одновременно с непосредственно обжалованием решения, действия (бездействия) заявлялось требование о взыскании с административных ответчиков компенсации морального вреда.

На практике данные случаи в рамках административного судопроизводства получили широкое распространение, поскольку граждане при предъявлении административного искового заявления, заявляя требование о взыскании морального вреда, поступали по аналогии с нормами гражданского законодательства, в рамках которого при подаче гражданского искового заявления о взыскании компенсации за причиненный вред, например, за ущерб, причиненный в результате ДТП, одновременно заявлялось требование о компенсации морального вреда.

Не оставил данный факт без своего внимания и Верховный Суд Российской Федерации, указав в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2022 года № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», что в случае, когда в административном исковом заявлении наряду с требованиями, подлежащими рассмотрению в порядке административного судопроизводства, содержатся требования, подлежащие рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (например, требования возмещения вреда, причиненного в результате принятия решения), судья, руководствуясь положениями законодательства об административном судопроизводстве, принимает к производству административное исковое заявление в части требований, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, и при необходимости оставляет без движения данное заявление в части требований, подлежащих рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, разъясняя лицу, обратившемуся в суд, обязанности, связанные с оформлением искового заявления соблюдением положений законодательства о гражданском судопроизводстве, если при этом отсутствуют основания для отказа в принятии или возвращения заявления в соответствующей части [1].

Таким образом, требования о взыскании морального вреда подлежали рассмотрению в рамках гражданского судопроизводства. Однако, обращая внимание на данный вопрос, в рамках совершенствования административного судопроизводства уже 18.11.2022 г. Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ был внесен на рассмотрение законопроект № 238023-8 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (об обеспечении полной и эффективной судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений)» [2], в пояснительной записке к которому указано, что для обеспечения полной судебной защиты

прав, свобод, законных интересов в сфере административных и иных публичных правоотношений перечень требований, которые могут содержаться в административном исковом заявлении (статья 124 КАС РФ), дополняется требованиями о компенсации морального вреда.

Соответственно, внесением указанного законопроекта Верховный Суд Российской Федерации отметил особую важность категории споров об обжаловании решений, действий (бездействия) органов власти и их должностных лиц, поскольку само предъявление административного искового заявления свидетельствует о несогласии административного истца с оспариваемыми решениями или деяниями и желанием добиться справедливого и основанного на нормах закона разрешения в рамках спорной ситуации, а признание таких решений, действий (бездействия) незаконными влечет взыскание морального вреда как меры компенсационного характера за принятие незаконных решений, действия (бездействия) административного ответчика в рамках единого процесса в порядке административного судопроизводства.

По итогам его рассмотрения был принят Федеральный закон от 24.07.2023 № 349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», которым в действие была введена ч. 1.1 ст. 124 КАС РФ [3]. Она закрепила, что наряду с требованиями о признании незаконным полностью или в части решения, принятого административным ответчиком, либо совершенного им действия (бездействия), в административном исковом заявлении могут содержаться требования о компенсации морального вреда, причиненного оспариваемым решением, действием (бездействием).

Необходимо учитывать, что рассмотрение данной категории дел имеет свои особенности. Прежде всего, в случае удовлетворения административного иска о признании бездействия органа власти незаконным и возложении на него обязанности, требование о взыскании с административного ответчика так же будет подлежать удовлетворению в размере, который установит в судебном решении суд. В случае же отказа признания бездействия административного ответчика незаконным требование о компенсации морального вреда соответственно не подлежит удовлетворению.

Также к особенностям таких споров можно отнести вопрос непосредственно компенсации морального вреда, выраженного в форме нравственных страданий, причиненных административному истцу.

Согласно абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права. Применительно к спариванию решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, затрагивается вопрос причинения нравственных страданий, причиненных административному истцу в результате оспариваемых решений, действий (бездействия) административного ответчика [4].

В словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «нравственность» определяется как внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы и правила поведения, определяемые этими качествами, а «страдание» определено как физическая или нравственная боль [5, с. 670, 723]. Таким образом, в рамках оспаривания решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц административным истцом должны быть обоснованы нравственные страдания, например, внутреннее убеждение о нарушении прав на нормальное существование в обществе, ощущение неудовлетворенности, дискомфорта, унижения или стыда, разочарования и утраты веры в справедливое разрешение споров, причиненные ему вследствие оспариваемых решений или деяний административного ответчика.

Применительно к вопросу взыскания морального вреда за нравственные страдания, причиненные незаконными решениями, действиями (бездействием) органов публичной власти

и их должностных лиц, отметим позицию Европейского Суда по правам человека, изложенной в Постановлении от 24 июля 2003 года «Дело Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации» № 46133/99 и № 48183/99, согласно которой некоторые формы морального вреда, включая эмоциональное расстройство, по своей природе не всегда могут быть предметом конкретного доказательства, однако это не препятствует присуждению судом компенсации, если он считает разумным допустить, что заявителю причинен вред, требующий финансовой компенсации. Причинение морального вреда при этом не доказывается документами, а исходит из разумного предположения, что истцу причинен моральный вред незаконными действиями ответчика [6].

При этом проблемным вопросом является размер компенсации, присуждаемой в случае удовлетворения административного искового заявления с заявленными требованиями о признании незаконным решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц и взыскании морального вреда, поскольку каждое рассматриваемое дело является индивидуально обособленным, имеющим свои особенности, с учетом фактических обстоятельств дела. В свою очередь размер компенсации морального вреда определяется судом по его внутреннему убеждению, поэтому требование о взыскании морального вреда должно быть обосновано как в устной форме в ходе судебного заседания, так и в письменном виде.

Однако не всегда стороны имеют возможность выразить свою позицию относительно требования о компенсации морального вреда в ходе судебного заседания в устной форме, поскольку, как и в гражданском и арбитражном (регулируемых соответственно ГПК РФ и АПК РФ), так и в административном судопроизводстве предусмотрены категории дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства. Так, глава 33 КАС РФ регулирует рассмотрение административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства. Ч. 2 ст. 291 КАС РФ устанавливает категории споров, не подлежащих рассмотрению в данном порядке. Глава 22 КАС РФ в неё не включена, в связи с чем споры об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, в том числе с одновременным заявлением требования о компенсации морального вреда, могут быть рассмотрены в порядке упрощенного (письменного) производства.

Особенности такого порядка рассмотрения дел разъясняются Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 года N 42 «О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства» [7]. Особенностью данного порядка рассмотрения дела является то, что при соблюдении установленных требований суд вправе рассмотреть административное дело в упрощенном порядке, на основании приобщенных в материалы дела письменных доказательств. При этом суд вправе перейти к рассмотрению в порядке упрощенного производства как по собственной инициативе (при соблюдении установленных требований), так и по ходатайству административного истца при отсутствии возражений против такого порядка рассмотрения спора административным ответчиком. На дальнейшее рассмотрение дела в судах апелляционной и кассационной инстанций данный порядок рассмотрения споров не распространяется, поскольку может применяться только в суде первой инстанции.

Для рассмотрения административного дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, с заявлением требования о компенсации морального вреда, необходимо надлежащее уведомление сторон, предупреждение их в определении о принятии административного искового заявления к производству о возможности перехода к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства, с установлением для административного ответчика в определении 10-дневного срока для предъявления возражений против такого порядка рассмотрения дела.

В случае надлежащего уведомления участников процесса, отсутствия возражений против рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, суд вправе рассмотреть административное дело в упрощенном порядке. В качестве примера можно привести решение Курганского городского суда Курганской области от 28.02.2024 по делу № 2а-3677/2024 [8], в рамках которого в порядке упрощенного судопроизводства было рассмотрено административное дело по административному исковому заявлению о признании незаконным действий по возбуждению исполнительного производства, наложению ареста на денежные средства, взыскании морального вреда и судебных расходов.

Поскольку стороны не явились в судебное заседание, были надлежаще извещены, явка участников процесса не была признана судом обязательной, возражений относительно рассмотрения дела в упрощенном порядке сторонами не заявлено, суд рассмотрел указанное административное дело в порядке упрощенного производства, на основании предоставленных письменных доказательств, которыми послужили административное исковое заявление с приложениями и возражения с приложениями административного ответчика.

Таким образом, при рассмотрении дела в порядке упрощенного (письменного) производства суд, прежде всего оценит законность оспариваемого решения, действия (бездействия) органа власти или его должностного лица, и в случае признания его незаконными, рассмотрит требование о взыскании морального вреда. Поскольку данный порядок рассмотрения осуществляется без участия сторон, а на основании письменных доказательств, приобщенных в материалы дела, можно сделать вывод, что административный истец должен до рассмотрения дела надлежащим образом обосновать свои требования о взыскании морального вреда в административном исковом заявлении или письменных пояснениях, поскольку указание на характер причиненных ему нравственных страданий имеет значение при определении судом размера компенсации морального вреда в случае удовлетворения поданного им административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих с одновременным заявлением требования о взыскании морального вреда.

1. Постановление Пленума Верховного Суда от 28.06.2022 года N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 9.
2. Проект закона № 238023-8 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (об обеспечении полной и эффективной судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений)» // Система обеспечения законодательной деятельности (duma.gov.ru) – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/238023-8> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Федеральный закон от 24.07.2023 № 349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – N 31. – Ст. 5775.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 25.11.2022. № 267.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 года «Дело Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации» (жалобы № 46133/99 и № 48183/99) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 года N 42 «О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства» // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 2.
8. Решение Курганского городского суда Курганской области от 28.02.2024 по делу № 2а-3677/2024 / [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9wChKKceecU4/> (дата обращения: 12.09.2024).

Яровой В.В.

О вопросе восстановления нарушенного срока на обращение в суд по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц

*Российский государственный университет правосудия
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-266

Аннотация

В статье рассмотрены особенности рассмотрения вопроса восстановления нарушенного срока на обращение в суд при подаче административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. Автором проведен анализ судебной практики в вопросе восстановления пропущенного срока для обращения в суд в рамках главы 22 КАС РФ, а также рассмотрены особенности отказа в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти в связи с пропуском установленного срока обращения в суд.

Ключевые слова: восстановление срока, обращение в суд, решение, действие, бездействие, административное судопроизводство.

Abstract

The article considers the specifics of considering the issue of restoring the violated time limit for applying to court when filing an administrative claim for challenging decisions, actions (inaction) of state authorities, local governments, other bodies, organizations endowed with separate state or other public powers, officials, state and municipal employees. The author analyzes judicial practice on the issue of restoring the missed deadline for applying to court within the framework of Chapter 22 of the CAS of the Russian Federation, and also considers the specifics of refusing to satisfy an administrative claim for challenging decisions, actions (inaction) of public authorities in connection with missing the deadline for applying to court.

Keywords: restoration of the term, appeals to the court, decision, action, inaction, administrative proceedings.

Обжалование решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц является распространенным и эффективным способом восстановления нарушенных прав граждан и организаций. Овод А.В. верно указывает на то, что в отличие от частного права, в публичном праве для его защиты законодательством установлены пределы [1], к числу которых можно отнести установленный КАС РФ срок на обращение в суд с административным исковым заявлением.

Применительно к процедуре обжалования решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, закрепленной главой 22 КАС РФ, срок обращения с административным исковым заявлением в суд установлен ст. 219 КАС РФ, которая закрепляет три категории сроков для обжалования:

- в течение трех месяцев со дня, когда стало известно о нарушенных правах, свободах и интересах;
- в случае оспаривания бездействия административного ответчика – в течение срока, в рамках которого за административным ответчиком сохраняется обязанность совершить соответствующее действие, а также в течение трех месяцев со дня, когда такая обязанность прекратилась;
- 10-дневный срок для категорий споров, установленных ч.ч. 2-4 ст. 219 КАС РФ.

По общему правилу, т.е. за исключением категории споров, для которых установлен 10-дневный срок для обжалования, применяются положения ч. 1 ст. 219 КАС РФ, согласно которой административное исковое заявление может быть подано в суд в течение трех месяцев со дня, когда административному истцу стало известно о нарушенных правах, свободах и законных интересах [2]. Однако на практике встречаются случаи, когда административными истцами такие сроки пропущены, в связи с чем вызывает интерес вопрос относительно как возможностей, так и непосредственно процедуры восстановления срока для обжалования решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц.

Так, согласно абз. 2 п. 16 Постановление Пленума Верховного Суда от 28.06.2022 года N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» пропуск установленного срока обращения в суд не является основанием для отказа в принятии административного искового заявления к производству суда. Причины пропуска выясняются в предварительном судебном заседании или судебном заседании, а уважительность причин пропуска срока оценивается судом независимо от того, заявлено ли гражданином, организацией отдельное ходатайство о восстановлении срока. В случае пропуска указанного срока без уважительной причины суд отказывает в удовлетворении административного иска без исследования иных фактических обстоятельств по делу [3].

По нашему мнению, закрепление нормы о том, что пропуск установленного срока обращения в суд не является основанием для отказа в принятии административного искового заявления к производству суда, является свидетельством гарантии государства на осуществление механизма защиты прав посредством возможности восстановления нарушенных прав и законных интересов, через процедуру по обжалованию решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц в рамках административного судопроизводства.

Однако при детальном анализе установленных норм, регламентирующих вопрос восстановления пропущенного срока, обращают на себя внимание следующие вопросы.

Так, законодательно установлено, что причины пропуска выясняются в предварительном судебном заседании или судебном заседании, а уважительность причин пропуска срока оценивается судом независимо от того, заявлено ли гражданином, организацией отдельное ходатайство о восстановлении срока. Из указанной нормы можно сделать вывод, что суд обязан установить наличие или отсутствие уважительных причин пропуска срока обращения в суд, что свидетельствует о процессуальной обязанности суда в рамках рассмотрения рассматриваемой категории дел, при этом оценку данных обстоятельств суд изложит в итоговом судебном акте. Для административного истца в ходе дальнейшего рассмотрения заявленных требований важным является вопрос соблюдения процессуальных мер, поскольку суд не наделен полномочиями для произвольного восстановления сроков, в связи с чем необходимо, чтобы административным истцом было заявлено ходатайство о восстановлении нарушенного срока, которое может быть указано в административном исковом заявлении или заявлено в ходе предварительного судебного заседания, как в письменной, так и в устной форме.

При рассмотрении процессуальных вопросов о восстановлении пропущенного срока, обращают на себя внимание следующие нормы. Согласно ч. 5 ст. 138 КАС РФ, в случае установления в предварительном судебном заседании пропуска указанного срока без уважительной причины суд принимает решение об отказе в удовлетворении административного иска без исследования фактических обстоятельств по административному делу, а согласно ч. 5 ст. 138 КАС РФ, в случае отказа в удовлетворении административного иска в связи с пропуском срока обращения в суд без уважительной причины и невозможностью восстановить пропущенный срок, в мотивировочной части решения суда может быть указано только на установление судом данных обстоятельств.

Применительно к рассмотрению дел об оспаривании решений (действий, бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, КАС РФ установил обязанность помимо выяснения соблюдения срок обращения в суд, также выяснять, соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих порядок принятия такого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) и основания для его принятия (совершения), а также соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения (ч. 9 ст. 226 КАС РФ).

С учетом указания в ч. 9 ст. 226 КАС РФ оговорки, согласно которой указанные подлежащие выяснению обстоятельства, должны быть установлены судом, если иное не установлено настоящим кодексом, в связи с чем имели место случаи, когда суд, руководствуясь только общими положениями, закрепленными ч. 5 ст. 138, ч. 5 ст. 180 КАС РФ, вынося решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по основаниям пропуска установленного для оспаривания срока, устанавливали только наличие основания пропуска срока, не учитывая положения ч. 9 ст. 226 КАС РФ и соответственно не исследовались иные обстоятельства, которые подлежат выяснению судом при рассмотрении дел об обжаловании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц.

В качестве примера служит Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2023 по делу № 88а-32278/2023 [4], при рассмотрении которого судом было установлено, что административный истец обратился в суд с административным иском о признании незаконным решения местной администрации об отказе в согласовании заключения на новый срок договора аренды земельного участка без проведения торгов, одновременно просил восстановить срок обращения с административным иском в суд, ссылаясь на уважительные причины его пропуска.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска было отказано. Апелляционным определением суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил с направлением его на новое рассмотрение. В обоснование отмены судебного акта, суд апелляционной инстанции указал, что суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении административного искового заявления исключительно по мотиву пропуска срока обращения в суд без установления иных обстоятельств, не дав по существу правовую оценку доводам административного истца, фактически отказал ему в защите нарушенного права, что является недопустимым и противоречит задачам административного судопроизводства.

Суд кассационной инстанции при принятии кассационного определения руководствовался следующим. Согласно п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 года № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» если суд апелляционной инстанции придет к выводу о незаконности решения об отказе в удовлетворении административного иска, принятого судом первой инстанции в предварительном судебном заседании (по ч. 5 ст. 138 КАС РФ) или в судебном заседании в связи с пропуском срока обращения в суд, он отменяет решение суда и вправе направить дело в суд первой инстанции для его рассмотрения по существу заявленных требований, если суд первой инстанции не устанавливал и не исследовал фактических обстоятельств дела [5].

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020 года, разъяснено, что отказ в удовлетворении административного искового заявления исключительно по мотиву пропуска срока обращения в суд без установления иных обстоятельств, предусмотренных КАС РФ, а также без исследования фактических обстоятельств административного дела, является недопустимым и противоречит задачам административного

судопроизводства. С учетом чего судом кассационной инстанции принятый судом апелляционной инстанции судебный акт оставлен без изменения [6].

Более того, в п. 42 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), указано, что пропуск срока на обращение в суд сам по себе не может быть признан достаточным основанием для принятия судом решения об отказе в удовлетворении административного искового заявления без проверки законности оспариваемых административным истцом действий.

Можно сделать вывод, что отказ в удовлетворении административного искового заявления только по мотиву пропуска срока обращения в суд, без принятия мер к проверке доводов административного истца о наличии обстоятельств, объективно препятствовавших обращению в суд в установленный законом срок, и не установление судом обстоятельств, предусмотренных ч. 9 ст. 226 КАС РФ, отсутствие оценки суда по существу доводов административного истца относительно незаконности оспариваемых решений, действий (бездействия) административного ответчика, приводит к фактическому нарушению права административного истца на защиту нарушенного права, что недопустимо и является противоречащим задачам административного судопроизводства.

Таким образом, при обжаловании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, административному истцу гарантировано, что обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела с учетом особенностей данной категории дел, будут рассмотрены судом и оценка оспариваемых решений, действий (бездействия) административного ответчика будет дана судом в судебном решении даже в случае отказа в удовлетворении административного иска в связи с пропуском срока на обжалование в суд.

В качестве подтверждения приведем пример из судебной практики. Решением Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15.02.2024 по делу № 2а-739/2024 [7] рассмотрено административное дело о признании решения незаконным и его отмене, в рамках которого административный истец, иностранный гражданин, оспаривал решение о неразрешении ему въезда в РФ.

Судом было установлен пропуск административным истцом срока для обращения с административным иском в суд, ходатайств о восстановлении пропущенного срока обращения в суд им не заявлено, суд не усмотрел наличие уважительных причин для его восстановления. Указанное обстоятельство является основанием для отказа в удовлетворении административного искового заявления. Однако суд, учитывая положения ч. 9 ст. 226 КАС РФ, рассмотрел административный иск по существу. Так, суд сделал вывод, что оспариваемое решение, принято органом исполнительной власти в пределах предоставленных ему полномочий, отвечает принципу справедливости и соразмерности установленного ограничения выявленному нарушению, не противоречит нормам действующего законодательства, регулирующего возникшие правоотношения. Оценив фактические обстоятельства, решил, что оспариваемое решение принято в соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации, является законным и обоснованным.

Как видно из приведенного примера, даже несмотря на имеющиеся основания для отказа в удовлетворении административного искового заявления по основанию пропуска установленного срока для обращения с ним в суд, в настоящее время судами рассматривается закрепленный в ч. 9 ст. 226 КАС РФ перечень подлежащих выяснению обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения административного дела в суде.

В вопросе восстановления пропущенного срока для обращения в суд с административным иском заявлением, обращает на себя возможность восстановления такого срока при несущественном его нарушении, что является довольно распространенными случаями, при условии обоснованности и доказуемости уважительности причин такого пропуска, заявления ходатайства о восстановлении пропущенного срока. При соблюдении перечисленных критериев административный истец сможет восстановить срок для обращения в суд. В свою очередь, встречаются случаи, когда судом восстанавливаются сроки для обращения в суд с административным иском заявлением об оспаривании решений, действий

(бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц даже при более длительном в силу ряда причин пропуска установленного для обращения в суд срока.

Например, решением Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 21.02.2024 по делу № 2а-665/2024 [8] рассмотрено административное дело об оспаривании решения о запрете въезда в Российскую Федерацию. Истец в обоснование заявленных требований ссылался на следующие обстоятельства. После отбытия наказания Распоряжением Министерства Юстиции Российской Федерации было признано нежелательным нахождение в Российской Федерации иностранного гражданина (административного истца), подлежащего освобождению из мест лишения свободы без установления срока, однако данное решение ему не выдавалось, но на словах было разъяснено, что он обладает правом въезда на территорию Российской Федерации через 3 года. В связи с началом специальной военной операции на территории Украины, опасаясь за своё здоровья и жизнь, административный истец принял решение переехать жить к своему сыну и иным родственникам в г. Ростов-на-Дону, но таможенными службами запретили въезд на территорию Российской Федерации ссылаясь на ранее вынесенное Распоряжение Министерства Юстиции Российской Федерации. Учитывая неустановление в оспариваемом решении административного ответчика срока ограничения на въезд, просил признать оспариваемое распоряжение незаконным в части неустановления срока данного ограничения и обязать административного ответчика устранить допущенное нарушение прав, свобод и законных интересов административного истца, а также восстановить срок на подачу административного иска на обжалование оспариваемых решений административных ответчиков.

Несмотря на существенное превышение трехмесячного срока для обжалования оспариваемого решения административного ответчика, учитывая конкретные обстоятельства рассматриваемого дела, а именно: установление судом невручения административному истцу принятого в отношении него оспариваемого распоряжения, вынесенного административным ответчиком о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, непредставление административным ответчиком доказательств обратного, а также доказательств разъяснения заявителю сроков и порядка обжалования принятого решения, суд счел возможным восстановить административному истцу срок на обжалование оспариваемого решения административного ответчика. Рассмотрев данное дело, суд удовлетворил заявленные административные требования в полном объеме.

Подводя итог, можно отметить, что по нашему мнению, институт обжалования решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц в настоящее время в Российской Федерации достаточно распространен и предусматривает действенные эффективные меры, способствующие не только рассмотрению административного дела по существу, но и возможности восстановления нарушенного срока на обжалование в суд, с учетом особенности установления обстоятельств, подлежащих выяснению судом при рассмотрении категории споров в рамках главы 22 КАС РФ.

Поскольку отказ в удовлетворении административного искового заявления исключительно по мотиву пропуска срока обращения в суд без установления иных обстоятельств, без правовой оценки доводов административного истца по существу является недопустимым, и противоречащим задачам административного судопроизводства, можно сделать вывод, что административным истцом в любом случае достигается цель обращения в суд, поскольку даже в случае отказа в удовлетворении административного искового заявления по причине пропуска срока обращения в суд, суд, учитывая положения ч. 9 ст. 226 КАС РФ, даст оценку законности оспариваемого решения, действия (бездействия) административного ответчика. Указанные обстоятельства и приведенные примеры судебной практики свидетельствуют о развитии в Российской Федерации механизме защиты нарушенных прав и

законных интересов при обжаловании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, а также наличии реальных условий для осуществления права на судебную защиту даже в случае пропуска срока для обращения в суд, при условии его восстановления в ходе судебного разбирательства в рамках административного судопроизводства.

1. Овод А.В. Принцип законности в публичном праве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. - Казань, 2005. - 30 с.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. N 10. ст. 1391.
3. Постановление Пленума Верховного Суда от 28.06.2022 года N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 9.
4. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2023 по делу № 88а-32278/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 18.09.2024).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации в пункте 39 постановления от 11.06.2020 года № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 8.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15.02.2024 по делу № 2а-739/2024 / [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MoJ7wtBS2ux4/> (дата обращения: 18.09.2024).
8. Решение Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 21.02.2024 по делу № 2а-665/2024 / [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xgcCB8q5gw1O/> (дата обращения: 18.09.2024).

Яшков С.А.

**К вопросу о неверной квалификации и иных недостатках,
допускаемых при расследовании уголовных дел: обзор следственной практики**

*(ф) ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-267

Аннотация

В настоящем исследовании автором предпринята попытка проанализировать некоторые недостатки, которые могут допускаться органами следствия при расследовании уголовных дел. Отмечается, что к наиболее «опасным», влекущим возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия, относится неверная квалификация. К иным – неполнота предварительного расследования, а также ошибки, связанные с невнимательностью следователя.

Ключевые слова: квалификация, расследование, органы следствия, прокуратура, возврат уголовного дела, неполнота предварительного расследования.

Abstract

In this study, the author has attempted to analyze some of the shortcomings that may be committed by investigative authorities when investigating criminal cases. It is noted that the most «dangerous», leading to the return of a criminal case for additional investigation, includes incorrect qualification. Others include incompleteness of the preliminary investigation, as well as errors associated with the inattention of the investigator.

Keywords: qualification, investigation, investigative bodies, prosecutor's office, return of the criminal case, incompleteness of the preliminary investigation.

Согласно ст. 6 УПК РФ одним из принципов уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В связи с вышеизложенным в настоящее время является актуальным снижение (вплоть до полного устранения) ошибок, которые допускают лица, осуществляющие предварительное расследование, и тем самым ухудшают качество расследуемых уголовных дел. Указанные причины способствуют нарушению прав и свобод участников уголовного судопроизводства [1].

Среди наиболее «опасных» недостатков, которые могут быть допущены при расследовании преступлений, являются проблемы с квалификацией, которые могут привести к тому, что принятое следователем решение будет ошибочным, а приговор необоснованным и незаконным [2].

Так, например, органами следствия расследовалось уголовное дело в отношении К., который воспользовался услугами такси, совершив поездку по заказанному им маршруту.

По ее завершению у него возник умысел не оплачивать оказанную ему услугу, реализуя который он нанес водителю такси несколько ударов ножом в шею, после чего вытолкнул его из салона автомобиля, пересел на место водителя и скрылся с места происшествия.

В результате совершенного обвиняемым потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, а также угнан автомобиль, что следствием было оценено по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью, совершенного с применением оружия), а также по п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ (угон, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья).

С данной квалификацией уголовное дело было направлено в прокуратуру с целью утверждения обвинительного заключения, однако по результатам изучения уголовного дела надзирающим прокурором было вынесено решение о его возвращении в порядке ст. 221 УК РФ.

В постановлении было указано, что исходя из представленных материалов уголовного дела в действиях обвиняемого усматриваются признаки покушения на убийство, сопряженного с разбоем (ч. 3 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), разбоя, сопряженного с причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), а также угона автомобиля, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего (ч. 4 ст. 166 УК РФ).

К другим недостаткам, которые могут быть допущены при расследовании уголовных дел, можно отнести неполноту предварительного расследования.

Например, органами следствия К. обвинялся в совершении самоуправства (ст. 330 УК РФ).

Общественная опасность данного деяния обусловлена тем, что граждане при реализации своих прав, предоставленных им на законных основаниях, нарушают действующий порядок реализации таковых, тем самым ущемляя права других лиц [3], которые, в свою очередь, оспаривают эти действия, считая их неправомерными.

«Оспаривание» является конструктивным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, не увидеть который следователь не может, поскольку он отражен в диспозиции статьи.

Однако, органы прокуратуры, возвращая уголовное дело в порядке ст. 221 УК РФ, указали в постановлении, что вопреки букве закона в тексте предъявленного К. обвинения не были отражены сведения об оспаривании правомерности действий К. в виде нарушения прав несовершеннолетней В.

Вопросы оценки уголовно наказуемого самоуправства также неизбежно связаны с установлением такого обязательного признака, как существенный вред [4].

По данному уголовному делу у следствия с ним также возникли проблемы.

Так, органы прокуратуры, возвращая дело, указали, что в обвинительном заключении усматривается, что в качестве последствий обвиняемому вменено причинение вреда нравственному, психическому и духовному развитию В., однако согласно выводам комиссии

экспертов установленное у девочки психическое расстройство возникло до совершения в отношении нее правонарушения.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что в приведенном случае имеют место не только недостатки, связанные с неполнотой предварительного следствия, но и с квалификацией, поскольку, по всей видимости, органы следствия так и не доказали наличие в действиях обвиняемого последствий, которые являются конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ.

Также к недостаткам, допускаемым при расследовании уголовных дел, можно отнести такие, которые совершаются по невнимательности следователя.

Например, по одному из уголовных дел при вынесении постановления о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия в порядке ст. 221 УК РФ органы прокуратуры указали, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении допущены ошибки, а именно – неверно указаны номер дома, возле которого автомобиль под управлением К. был остановлен сотрудником ДПС, а также время совершения преступления.

Так, в материалах уголовного дела было указано, что сотрудником ДПС К. был остановлен в 17:45 ч., в то время как в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении было указано, что преступление было совершено в период с 17:00 ч. до 18:35 ч.

Кроме того, надзирающий прокурор, возвращая уголовное дело, обратил внимание на то, что в факте обвинения было неверно указано место локализации полученных сотрудником ДПС телесных повреждений.

Представляется, что данная ошибка является достаточно грубой, поскольку при описании локализации повреждений следователь должен руководствоваться заключением экспертизы, имеющейся в деле. И если в ней описано одно, а в обвинении он написал о другом, – это уже не невнимательность, а небрежное отношение к службе.

Приведенные примеры следственной практики описывают недостатки, которые могут допускаться органами следствия при расследовании уголовных дел, влекущие за собой возвращение уголовных дел органами прокуратуры для производства дополнительного следствия в порядке ст. 221 УК РФ. При этом некоторые из них являются существенными, а некоторые могли бы быть и не допущены, если бы следователь был внимательнее при составлении процессуальных документов.

Ошибки допускаются в различных сферах, в том числе в рамках уголовного судопроизводства сотрудниками правоохранительных органов [5], поскольку «не ошибается тот, кто ничего не делает». Однако органам следствия необходимо стремиться минимизировать их, в особенности учитывая, что нельзя отрицать, что на практике существует ведомственный контроль, не говоря уже о контроле со стороны прокуратуры.

1. Штекеров К.И. Недостатки при расследовании уголовного дела, являющиеся основаниями для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 1. С. 46.
2. Томашевский И.И., Иванова Е.Н. Вопросы квалификации преступлений и квалификационные ошибки // Теоретические и практические аспекты развития науки в современном мире: сборник статей международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24.01.2024) / Гуманитарный национальный исследовательский институт НАЦРАЗВИТИЕ. 2024. С. 70.
3. Пребышевский Н.А. Дифференциация уголовной ответственности за самоуправство // Вестник Международного «Института управления». 2018. № 2 (147). С. 28.
4. Брагина А.Г. Существенный вред как признак состава самоуправства // IV Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: материалы Международной научно-практической конференции (Барнаул, 27-28.06.2024) / Барнаульский юридический институт МВД РФ. 2024. С. 19.
5. Попова Е. И. Неверная квалификация преступных посягательств: причины, последствия, выявление // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2 (63). С. 80.

Lavrik E.A., Krivtsova V.A., Guskova N.L.
Energy law in the Russian legal system

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-268

Abstract

The article examines the features of energy law. The distinctive features, the object, and the main methods of legal regulation are highlighted. The authors consider legislative acts in the field of energy. Based on the results of the work done, the authors come to the conclusion about the problems of conflict situations regulation, which create difficulties in the implementation of energy legislation.

Keywords: energy law, legal system, legal regulatory models, electric power industry, regulatory regulation of the energy sector.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности энергетического права. Выделяются отличительные признаки, объект и основные методы правового регулирования. Авторы рассматривают законодательные акты в области энергетики. Исходя из результатов проделанной работы, авторы приходят к выводу о проблемах регулирования конфликтных ситуаций, которые создают трудности при реализации энергетического законодательства.

Ключевые слова: энергетическое право, правовая система, модели правового регулирования, электроэнергетика, нормативное регулирование энергетического сектора.

The relevance of studying energy law is due to the youth of this field, which appeared in the 20th century and is actively developing at the present stage. This industry regulates relations related to the search, extraction, processing, supply, storage, transportation of energy resources, design, construction of energy facilities, innovation activities and ensuring energy and industrial safety. In this regard, there is a need for constant monitoring and generalization of achievements and changes in energy law. Another aspect of the prospective study is the role of energy resources in the development of the state. The economy of the Russian Federation largely depends on the efficiency of the distribution and use of energy resources, which necessitates adequate legal regulation in all energy sectors.

Energy law is understood as an independent branch of law that studies private and public regulation of relations in the field of energy resources [Gorodov, 2010]. The peculiarity of energy law is the combination of private and public law (the system of relations: individual-society-state), which is expressed in a large number of borrowings from civil, administrative and environmental legislation. For example, contractual regulation in the energy sector, in particular in the field of electric power, heat supply and gas industry, is characterized by significant influence of government regulation. Nevertheless, the civil law category prevails in energy law, since property objects with certain purposes of use appear in the legal field of the electric power industry. All this creates difficulties in separating energy law into a separate branch of law. The criterion contributing to the separation of energy law into a separate branch is the existence of an independent subject of regulation and the existence of a set of norms aimed at managing public relations in the energy sector [Kasharov, 2022].

According to the Federal Law "On Electric Power Industry", the key distinguishing features of energy law **objects include:**

1. Property objects whose activities are aimed at production in the field of electric power industry;
2. Property objects, the main activity of which is the process of electricity transmission;
3. Property facilities that carry out operational and dispatch management in the electricity industry;
4. Property objects engaged in the sale of electric energy [Federal Law "On Electric Power Industry", 2003].

Such property objects, as a rule, are understood as: electric networks, generating capacities (hydroelectric power plants, nuclear power plants, thermal power plants, etc.), repair bases, organization of control centers (technical dispatch control), transformation substations. According to the researchers, the assignment to the object of energy law meets the following criteria: it is real estate, belongs to a complex or composite thing, participates in the continuous process of generating electricity and is located on the territory of the country [Pavlova, 2021].

The subject of energy law is public relations in the field of energy. An important concept in the field of energy law is energy resources, which are understood as an energy carrier aimed at carrying out economic activities and a type of energy [Federal Law "On Energy Saving and Energy Efficiency Improvement and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, 2009].

The basic methods of legal regulation of energy law include the following:

1. The method of subordination (imperative) is applied to subjects in relation to power and subordination. In the legal aspect, the solution of such issues is carried out through orders and orders. Accordingly, public relations are resolved through prohibitions and obligations. In energy law, this is manifested in the management of the energy sector, state regulation of prices and tariffs, and the organization of technical supervision of infrastructure.
2. The method of coordination (dispositive) is based on the equality and autonomy of the participants. Legal regulation is organized by reaching an agreement, which in the legal field is characterized by permission. In the energy sector, this method is used to conclude agreements on the transfer of energy resources [Khoroshilov, 2012].

It is important to note here that there is a large variation in relations in the field of energy law, for which additional methods of legal influence are used.

At the legislative level, energy law is characterized by the presence of a large number of special federal acts aimed at regulating relations in certain industries.

Let's briefly outline the specifics of legal regulatory models:

1. In the electric power industry, there is a ban on simultaneous production, transmission and sale of electricity. The most significant in the legal field is the Federal Law "On Energy".
2. On the contrary, there is no such division in the regulation of public relations in the field of heat supply. Typical products for this industry are thermal energy and heat carriers. Federal Law No. 808 "On Heat Supply" dated August 8, 2012 is of key importance in the legal field.

Today, energy law faces the task of unifying and improving legal regulation, since the versatility of energy industries creates conditions for diverse public relations and the emergence of legal problems associated with them. Active steps are being taken in this direction. In particular, regular scientific conferences are held, initiatives are discussed at the state level, and legislative changes are being made.

Thus, it can be concluded that energy law is a modern branch of the legal system of the Russian Federation aimed at regulating issues in the field of production, transfer and sale of energy resources. A distinctive feature of this industry is its contiguous nature with other areas of law, which makes it necessary to improve the adopted normative legal acts.

1. Gorodov O.A.(2010). O socepti energy prava [On the concept of energy law] . – M.: Izdatel'stvo Bulletin of St. Petersburg State University – 29 p. (in Russian)
2. Kasharov Z.A. (2022). [The place of energy law in the legal system // International Scientific Research Journal]. - Vestnik RUK. – [online]. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-energeticheskogo-prava-v-sisteme-prava> (Accessed date: 13.09.2024). (in Russian)
3. Pavlova D.A., Rogachevsky A.L., Trubetskaya A.A. (2021) The legal nature of energy law objects [The legal nature of energy law objects – M.: Izdatel'stvo Leningrad Law Journal] – No. 13. – Pp. 137-141. (in Russian).
4. Federal'nyui zakon ot 03.06.2003 №35-FZ Ob «Elektro energuu» [Federal Law "On Electric Power Industry] dated 03/06/2003 No. 35-FZ. – [online]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (accessed: 03.09.2024).
5. Khoroshilov A.N. (2012) K voprosy ob energetichescm prave [On the issue of energy law]. – M.: Izdatel'stvo Energy security and energy conservation. - 34-37 pp. (in Russian)

Myatlenko O.A., Belykh V.E., Gusakova N.L.
The Concept and Content of Profiling in Russian Law

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-269

Abstract

The article analyzes the concept and content of profiling from the point of view of Russian law and the doctrine of Russian law. The author concludes that the term «profiling» is used in the current legislation quite rarely, which is also due to the relative youth of this institution in Russia.

Keywords: profiling, criminal law, psychological portrait.

Аннотация

В статье анализируется понятие и содержание профайлинга с точки зрения российского права и доктрины российского права. Автор приходит к выводу о том, что сам термин «профайлинг» используется в действующем законодательстве достаточно редко, что в том числе связано с относительной молодостью данного института в России. По результатам исследования делаются выводы, изложенные в заключении статьи.

Ключевые слова: профайлинг, уголовное право, психологический профиль.

Profiling is a method that has been used in foreign forensics for more than a quarter of a century. Actually, it was in foreign criminalistics that this method of searching for a criminal was born. The first attempts to describe the criminal, based on the features and details of the crime committed by him, were made back in 1888. In this case, we are talking about compiling a psychological portrait of the famous serial killer Jack the Ripper, who committed his crimes in 1888 in the Whitechapel area of London. The investigation was led by Robert Anderson, and it was on October 25, 1888 that he turned to surgeon Thomas Bond so that the latter, based on the analysis of the injuries inflicted on the victims, drew up an approximate portrait of the murderer. It is the report compiled by Thomas Bond that is the first documented portrait of the criminal [4].

An important contribution to the development of forensic profiling was made by Cesare Lombroso, known for his anthropological approach to identifying criminals. In particular, he believed that all persons who committed crimes were characterized by «primitive» features in appearance, which they inherited from animals and did not allow them to evolve to the level of an adult human. Despite the fact that this idea was refuted and recognized as untenable in modern profiling, some of the relationships between the appearance and behavior of the criminal revealed by it were nevertheless reflected in profiling. In addition, Cesare Lombroso paid considerable attention to the analysis of the criminal's motivation and character traits. As A.V. Dolganova emphasizes, Ch. Lombroso believed that all criminals are «irritable, shameless, lazy, boastful, prone to vanity...» [3, p. 115]. Modern profiling also allows you to draw up an approximate behavioral portrait of a criminal, including assuming the presence or absence of certain character traits.

If we talk about modern profiling, its founder is considered to be John Douglas, a professor at the FBI National Academy, who not only founded the Department of Behavioral Science, but also headed the research program «Личностно-преступное профилирование». To date, the methods of compiling a profile of a criminal, developed by D. Douglas, are actively used in modern profiling to this day, and profiling itself is an integral element of the investigation of almost any crime.

If we talk about the development of profiling in Russia, it is worth starting with the fact that its active development began only after the collapse of the USSR. According to some scientists, this was due to the fact that during the Soviet period, although psychologists were involved in the investigation of crimes, it was not a mandatory event. And only after 1992 in Russia began to introduce both «classical» methods of studying the psychophysiological state of a person (for example, the polygraph)

and completely new methods of profiling (for example, the method of psychoprobing of Professor I. Smirnov).

In modern Russia, profiling is used mainly at transport infrastructure facilities, which is reflected in the current legislation. It should be noted that despite the fact that profiling is indeed mentioned in some regulatory legal acts, there is no legal interpretation of it, and therefore when determining the essence of the term under study, it is necessary to be guided by doctrinal approaches. For example, A.A. Bryukhnov and V.A. Kovalchuk define profiling as a set of socio-psychological methods for diagnosing personal characteristics, hidden motives and evaluating the information communicated [2, p. 389]. T.V. Vetrova and V.M. Statny adhere to a slightly different position, defining profiling as a method used by law enforcement agencies and criminologists to create a profile of a criminal based on the analysis of the crime scene, the victim's behavior, the offender's method of action and other data [1, p. 17].

In general, each of these definitions is correct in its own way, and all of them reflect the main essence of the definition under study: with the help of the analysis of the materials of the criminal case, to determine the features of the character and actions of the offender, which would allow him to identify or predict further actions. Thus, we believe that profiling should be defined as a method of forensic research aimed at creating a psychological portrait of a criminal based on the analysis of his actions, motives, personality and other data obtained from the materials of the criminal case.

The use of profiling in the field of counteraction, as well as the disclosure and investigation of crimes related to drug trafficking has broad prospects, and the lack of a unified methodology for its application provides ample opportunities for integrating this method into Russian forensics. As V.V. Zagainov notes, the introduction of profiling can allow:

- identify drug cartel leaders, for example, analyze his management style, relationships with subordinates, personality traits;
- to identify places of storage and methods of transportation of narcotic drugs. For example, by developing a profile of a potential criminal, it is possible to predict how exactly he will transport drugs or where he will most likely store them.

It should be noted that the introduction of profiling into domestic forensics is possible in several aspects. First, it is necessary to develop a unified methodology for the use of forensic profiling for the detection and investigation of crimes related to drug trafficking, so that all law enforcement officers can use it, regardless of their field of activity. Secondly, we believe it is possible to conduct special advanced training courses for existing employees, including at training grounds. Thirdly, the expansion of the capabilities of the so-called technical profiling, for example, the use of Safe City systems, face recognition systems, the introduction of neural networks, etc.

Based on the above, the following conclusions can be drawn:

1. In modern scientific literature, there are several doctrinal approaches to the definition of the term «profiling». We believe that it should be defined as a method of forensic research aimed at creating a psychological portrait of a criminal on the basis of an analysis of his actions, motives, personality and other data obtained from the materials of a criminal case. The first documented profile of the perpetrator was compiled in 1888 by surgeon Thomas Bond, who was involved in the investigation of the Jack the Ripper case. The founder of modern profiling is the American scientist and FBI agent John Douglas.
2. The content of forensic profiling includes several elements: analysis of the crime scene, analysis of the behavior of the offender, analysis of the identity of the criminal, compilation of the profile of the offender and the profiling tools used.

1. Vetrova T. V., Statny V. M. The place of profiling in the system of human sciences. Types and branches of profiling // International journal of professional science. 2019. No. 12. pp. 15-19.
2. Bryukhnov A. A., Kovalchuk V. A. Profiling as a method of determining a psychological and criminalistic portrait // Penal enforcement law. 2022. No. 3. pp. 388-392.
3. Dolganeva A.V. The significance of the theory of C. Lombroso in the development of criminology and legal psychology // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. No. 1. pp. 114-117.
4. Jones R. Dr. Thomas Bond's profile // Jack the Ripper Tour : site. URL: <https://www.jack-the-ripper-tour.com/generalnews/dr-thomas-bonds-profile/> (date of access: 08/15/2024).

Polkovnikova E.S., Timoshchenko A.S., Guskova N.L.
Corruption in internal affairs bodies and its prevention

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-270

Abstract

The article examines the problem of corruption in the internal affairs bodies and proposes measures to prevent it. The article analyzes the causes of corruption related to the violation of the norms of financial, information and administrative law and proposes measures to reduce its level.

Keywords: corruption, internal affairs bodies, anti-corruption, corruption prevention, causes of corruption, corruption prevention measures, anti-corruption legislation, liability for corruption offenses.

Аннотация

В статье рассматривается проблема коррупции в органах внутренних дел и предлагаются меры по её предупреждению. Анализируются причины коррупции, связанные с нарушением норм финансового, информационного и административного права, и предлагаются меры по снижению её уровня.

Ключевые слова: коррупция, органы внутренних дел, противодействие коррупции, предупреждение коррупции, причины коррупции, меры предупреждения коррупции, законодательство о противодействии коррупции, ответственность за коррупционные правонарушения.

Introduction

This article is devoted to the problem of corruption in internal affairs bodies and its prevention. It is intended for a wide audience: students of the Ministry of Internal Affairs, students of law enforcement universities. The article presents statistical data of the survey of recipients to determine the corruption component in the activities of internal affairs bodies.

In today's world, the problem of corruption raises serious concerns of the entire society and the state leadership. This is due to the fact that the scale of its spread has increased. Today, the problem of corruption in public authorities and internal affairs bodies has become global and systemic. Corruption in the internal affairs bodies hinders the development of the country as a whole, poses a threat to national security, negatively affects the development of the economy and financial system of the Russian state [1].

Statistical data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the results of sociological studies conducted at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Public Opinion Research Department of the Department for the Study of Public Opinion of the Ministry of Internal Affairs of Russia show that employees of the internal affairs bodies are increasingly taking the path of establishing informal corrupt ties not only with ordinary citizens, but also with persons engaged in illegal business activities and criminal elements.

This is evidenced by a significant number of factors that speak of the corrupt activities of a number of rather high-ranking officials of internal affairs bodies, which received a great public resonance [2].

The prevention of corruption in internal affairs bodies originates in the development of effective measures and identification of the main directions of educational work on the formation of anti-corruption behavior of police officers in modern conditions. This model predetermined the following theoretical and practical tasks, the solution of which constitutes the content of corruption prevention activities in internal affairs bodies:

- to investigate the origins and prerequisites of corruption in the internal affairs bodies of the Russian Federation and to identify the circumstances contributing to its development;
- examine the types of corruption manifestations of employees of the internal affairs bodies of Russia;
- provide a full criminological and criminal-legal characterization of corruption in IAB;
- to study the personality of an internal affairs officer committing a crime of corruption;
- to determine the main directions of prevention of corruption offenses of employees of internal affairs bodies.

Preconditions for the emergence of corruption in the IAB of Russia and circumstances contributing to its development

Corruption has accompanied mankind since ancient times, being a constant (albeit unwanted) companion of the state. To a greater or lesser extent, corruption has been inherent in all times and nations, sometimes acquiring the character of a "household phenomenon". Historical documents and normative legal acts of the past used the legal concepts of "bribery", "embezzlement", "connivance", "abuse of office" etc., which are currently reflected as a reflection of individual manifestations of corruption, which in recent years has become a factor threatening the foundations of the Russian statehood, constitutional legality and security of citizens [3, p.23].

Bribery, as a classic manifestation of corruption in law enforcement agencies, has always existed. What is missing to defeat corruption: laws, political will or, perhaps, a special service with special powers.

The following factors can be considered as prerequisites for the emergence of corruption in the internal affairs bodies of Russia [4, p. 9]:

1. *Organizational and economic.* Weakness of the system of control over the distribution of budget funds, difficulties in managing a large territory, cumbersome and inefficient bureaucratic apparatus, relatively low remuneration of internal affairs officers.
2. *Social.* Clan structures, blat, gift-bribe tradition, low level of literacy and education, mentality.
3. *Cultural and historical.* The established system of norms of bureaucratic behavior; mass culture that forms a lenient attitude to corruption; peculiarities of the historical development of the state and the coercive apparatus; moral image of an employee of internal affairs bodies.
4. *Legal.* Weakness of the law, lack of a clear legislative framework and too frequent changes in economic legislation, non-compliance with international law, inadequate penalties for corrupt transactions, the possibility of influencing judicial decisions, the presence of norms allowing subjective interpretation of normative acts, inefficiency of ongoing reforms in the system of internal affairs bodies.
5. *Informational.* Non-transparency of the state mechanism, information asymmetry, lack of real freedom of speech and press, presence of offshore zones, lack of research into the problem of corruption in the internal affairs bodies.

The main legal acts in force on the territory of the Russian Federation regulate legal relations against corruption in all spheres in general, and in the sphere of internal affairs bodies of the Russian Federation, in particular. Having studied the main provisions of all normative-legal acts, we can conclude that none of the documents contains a formulation of the concept of corruption offenses. These provisions contain only general concepts.

The definition of corruption offenses takes into account:

1. Lack of transparency in decision-making by officials due to departmental specifics;
2. The use for criminal purposes of the legitimate right to wear uniforms and the use of physical force, special means and firearms, etc.;
3. The presence of a collective subject of responsibility (an employee and his/her immediate supervisor).

It is possible to distinguish a classification of those committed by IAB officers:

1. In the sphere of committing a crime (in the sphere of criminal proceedings, administrative proceedings, operative-search activity, etc.);
2. By level of authority (junior, middle, senior supervisory staff);
3. By quantitative composition (single person, group of persons);
4. By qualitative composition of groups of persons (employees of one IAB unit);
5. According to the level of organization (spontaneously united group; group by prior conspiracy without distribution of roles; organized group).

The peculiarities of the corruption crime of IAB officers are:

- high level of latency;
- increased public danger;
- the self-serving nature of the crimes committed.

Depending on the degree of public danger, corruption in internal affairs bodies is usually divided into disciplinary, administrative and criminal.

Conventionally, the corruption of the OVDRF is divided into two forms:

1. top-level corruption, characterized by officials in high positions and involving volitional decision-making. This type of corruption is associated with a large bribe;
2. grassroots, which is common at lower levels, and is associated with the daily interaction between officials and citizens (provision of public services, registration of violations of traffic rules of the Russian Federation, etc.) [6].

The research identified a number of offenses that create conditions for the emergence of corruption in the police environment:

1. use of the status of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation in resolving certain issues in their own favor or in favor of third parties;
2. use by IAB officers for personal or other interests of official information obtained in the course of exercising their authority;
3. unlawful or unjustified obstruction of physical and legal persons in the realization of their rights and legitimate interests;
4. legal nihilism of a significant part of employees, cynical attitude to the laws they (employees) are supposed to uphold;
5. appointment to managerial or "profit-making" positions on the basis of personal connections, "personal loyalty" to superiors or for monetary reward.

To summarize the first question, several conclusions can be drawn:

1. Corruption as a phenomenon has existed since ancient times and permeates all spheres of state and society;
2. The manifestation of corruption in the internal affairs bodies of the Russian Federation depends on many factors, primarily the presence of gaps in the anti-corruption legislation of the Russian Federation;
3. Corruption offenses committed by IAB officers are usually latent and difficult to detect. Almost all crimes of this category are detected (documented) by officers of the internal security services of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Security Service of Russia;
4. For all services of the IAB system of the Russian Federation, the commission of crimes of corruption has recently become characteristic;

Problems of detection of official crimes in the internal affairs bodies of the Russian Federation

It is necessary, first of all, to eradicate corruption in the law enforcement agencies themselves, which are the main driving force in countering this phenomenon. Detection of official offenses of employees of the IAB of the Russian Federation as a rule, is handled by the Main Department of Internal Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its subdivisions, together with the Federal Security Service of Russia. The subdivisions of the Main Department of Internal Security,

according to the mission is to prevent, detect and suppress offenses planned to commit, committed or committed by employees, civil servants and employees of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as to identify their corrupt links [7, p. 49].

Their purview also includes:

- formation of databanks on corrupt officials;
- operational check of candidates for entry into the internal affairs bodies and officials applying for senior positions in the IAB;
- conducting reconnaissance and search activities aimed at gathering information on corruption and operational implementation, etc;

The same problematic point is the fact that in the ranks of those services designed to expose criminal activity "inside" the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, there are facts of corruption offenses. This allows us to form the main problems of detection of corruption offenses committed by employees of internal affairs bodies of the Russian Federation:

1. High latency of committing crimes (real but hidden or unrecorded part of actually committed crimes).
2. Sophistication in the choice of the place where the crime was committed (parks, squares, office, vehicles, deserted places with hiding places, etc.), creating an ideal environment.
3. A stable connection of a corrupt person with the "top" of state authorities, a certain circle of connections, influential patrons.
4. Lack of special units to combat corruption crimes of IAB officers at the district, local level, each territorial and linear body of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Underestimation of personal qualities of a corrupt IAB officer. The "scale" of corruption and the damage caused by it largely depend on the official position of the subject of corruption offenses and the competencies assigned to him.
6. Insufficient interaction between special services designed to combat "turncoats in shoulder straps".

Criminological aspects of the personality of an internal affairs officer committing a corruption offense

Crimes of internal affairs officers are resonantly and painfully perceived by society regardless of their type and public danger.

According to the Deputy Prosecutor General A.E. Buksman, "in the first nine months of 2017, about 1.3 thousand law enforcement officers were found to have committed corruption offenses. At the same time, most of them (56.1%) were committed by employees of internal affairs bodies" [8]. Analysis of statistical data shows that the number of employees committing crimes and offenses of corruption is increasing from year to year.

According to the results of the survey, the level of corruption of internal affairs bodies of Russia was recognized as high (62%), and the most corrupt service was recognized as the road safety service (48%), the second place was taken by the service of district police officers (16%), and the third place was taken by the migration service (11%). The subject of a bribe was identified by the majority of respondents as various amounts of money (53%), the second place was taken by the provision of any services (free repair of the house, etc.) (15%).

The criminal's personality should be understood as a set of socio-psychological properties, which in certain situations and circumstances lead to the commission of a crime. The way of life of an employee of internal affairs bodies imposes a decisive imprint on his entire appearance.

To understand the personality of the criminal, it is necessary to study its systemic structure from all sides: from criminal and criminological, moral, psychological, socio-demographic and others.

The study of the personality of a corrupt criminal "in uniform" and the formation of anti-corruption behavior in him has been the subject of the works of many figures in various fields of science.

In psychology, the personality of a criminal is characterized by a psychological portrait. Psychology uses the term "corrupt personality", which is understood as a certain social type with a high

propensity to corruption and low anti-corruption resistance. Analyzing judicial practice in cases of corruption in the IAB system, one can dwell on the following characteristics of the personality of a corrupt employee:

1. Most of the crimes under consideration are committed by men, which is explained, first of all, by their largest number among internal affairs officers (about 87%).
2. The average age of an IAB officer committing a corruption offense is 40 years old.
3. The majority of employees have higher legal education, have at least 10 years of work experience in the internal affairs bodies, enjoy authority in the team, have special knowledge in various fields.
4. As a rule, employees convicted of corruption offenses were positively characterized by their superiors and had no comments or disciplinary sanctions.

Counteraction to disclosure and investigation of crimes of other categories. As the analysis of judicial and investigative practice has shown, in most cases (73.4%), when exposing a corrupt IAB officer, law enforcement agencies face strong opposition from both the guilty (81.6%) and fellow officers of the latter (18.4%), including the heads of the IAB where the perpetrators served.

It is advisable to identify the following most significant determinants that contribute to corruption among IAB officers:

- economic determinants;
- determinants of legal character;
- determinants of social character;
- determinants of political character;
- determinants of ideological nature [9].

As a rule, the economic reasons for committing corruption offenses by IAB officers are in the first place and reveal the main problems of committing crimes of this category. These include the low level of welfare of the country's population, including IAB officers, insufficient material and technical support, deprivation of certain social benefits and others.

The increased material attractiveness of police service, due to the 2011 reform, was not an absolute protection against corruption.

In generalized form, the criminological and criminal-legal characteristic of corruption in IAB is the presence of the following factors:

1. The specific subject of the crime is an IAB officer, i.e., an official possessing official powers of an authoritative nature.
2. The personality of a corrupt IAB officer is characterized by a number of different features from criminals of other categories.
3. The level and nature of resistance to the disclosure and investigation of corruption offenses committed by IAB officers differs significantly from the level and nature.

It is up to the manager to decide which methods (persuasion, example, exercise, encouragement, coercion) to choose at a given time in a given situation, in what sequence to apply, how, when and in what form to organize individual educational work. In order to effectively counteract corruption offenses among employees of internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, prevention measures can be applied in a variety of ways.

1. Socio-economic measures. Socio-economic preventive measures consist in the application of incentive programs (moral and material incentives) for internal affairs officers for law-abiding behavior and, in particular, for refraining from committing a corruption offense. Bonuses, among other things, may be paid in multiples of the offered bribe. It is necessary to apply encouragement for long and impeccable performance of their powers, honesty and integrity, when addressing issues of presentation of state awards, honorary titles, special titles and other insignia.
2. Legal measures. Carrying out legal expertise of normative and legal acts; development and normative and legal fixing of criteria for evaluation of activity of the subdivision of internal affairs bodies, allowing all sides and objectively analyze

the results of operational and service activity, the degree of satisfaction with the work of the subdivision in the population on the assigned territory; efficiency of management of service and collectives by the management staff.

- 2.1. The purpose of individual prevention, timely identification and elimination of causes and conditions of conflict of interest, it is necessary to periodically (individually, collectively) on the propensity to corrupt practices, both ordinary employees and the head of the unit (recommended at least 2 times a year, or if there are grounds to assume the commission (or preparation for the commission of a corruption offense).
3. Conducting lectures on prevention of corruption-related offenses with personal moral and psychological measures.
 - 3.1. When promoting candidates applying for managerial positions, conduct a study (conversation, testing, diagnostics, etc.) of the future manager's trustworthiness.
 - 3.2. When appointing, moving to a managerial position, it is necessary to take into account the psychological characteristics of the candidate, take into account the recommendations of psychologists on the corruption resistance of the employee; use modern psychotechnologies, special psychophysiological studies.
 - 3.3. Formation of a healthy socio-psychological climate in service teams and a stable moral and psychological state, including among management personnel.
 - 3.4. Prevention of professional deformation ("burnout") among employees and management staff: regular staff rotation, provision of short-term leaves, transfer to a lower position (with the psychologist's recommendation), creation of conditions for professional growth, self-education, psychological counseling, training in autotraining and psychological relaxation skills.

The most priority and relevant area in the prevention of corruption-related crimes by IAB officers is the correct educational work. A young police officer should realize and accept responsibility for corruption. And in cases when moral regulation does not work, the law comes into play. The effective measure to prevent corruption in internal affairs bodies in such cases is still to bring to disciplinary responsibility of an employee associated with corruption, up to dismissal with the wording "loss of confidence", as well as administrative or criminal liability.

Determination of goals and main areas of work to develop anti-corruption behavior among police officers

The fight against corruption in today's reality is significantly complicated by the fact that the structures designed to fight it are often affected by this negative phenomenon themselves, thus they are unable to fully implement anti-corruption policies effectively and properly counteract the progressive corruption processes.

Internal affairs officers occupy a key position in the entire law enforcement system and everyday life of the population. In this regard, the formation of anti-corruption behavior of internal affairs officers is one of the priority areas of educational work in the law enforcement system.

In my opinion, it is necessary to start with the improvement of the legal and regulatory framework governing the activities of internal affairs units. The legislative basis for combating corruption in Russia is the Federal Law of December 25, 2008 "On Combating Corruption", the Constitution of the Russian Federation, federal laws, as well as norms and principles of international law. "On Combating Corruption", the Constitution of the Russian Federation, federal laws, as well as norms and principles of international law, and other normative legal acts.

Article 7 of the Federal Law "On Combating Corruption" of 25.12.2008 No. 273- FZ contains "introduction of anti-corruption standards", i.e. establishment of a unified system of prohibitions, restrictions, obligations and permissions for the relevant area of social activity aimed at preventing corruption.

An IAB officer is subject to the duties, prohibitions and restrictions established by Articles 17, 18 and 20 of Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation", with the exception of restrictions, prohibitions and duties preventing the officer from carrying out operational and investigative activities. The following can be attributed to the anti-corruption standard of an IAB officer:

- it is prohibited to engage in entrepreneurial activities personally or through proxies, to participate in the management of a commercial organization;
- to receive remuneration from individuals and legal entities (gifts, monetary remuneration, loans, services, payment for entertainment, recreation, transportation expenses and other remuneration) in connection with the performance of official duties.
- to use for purposes unrelated to the performance of official duties, means of logistical and other support, other state property, as well as to transfer them to other persons.

An important place in the formation of anti-corruption behavior of an IAB officer is occupied by:

- training at a law school, including in the system, as an early prevention of malpractice among police officers;
- increasing the role of leaders in the process of educational work;
- anti-corruption self-education of an employee not to allow allegorical expressions, hints (gestures, facial expressions) in conversation on the possibility of giving (receiving) a bribe; not to leave a visitor alone in the office;
- not to propose discussion of problematic issues in another setting (another time, another place);
- not to offer the possibility of solving the issue through acquaintances (other officials) due to friendly or other favorable relations;
- not to discuss their domestic (material) difficulties; not to keep in the office (on the desk) expensive items, photos from vacation places, etc.

All of the above is of great relevance in creating an atmosphere of intolerance to abuse and misuse of official powers and formation of an anti-corruption climate in the internal affairs bodies.

The main areas of work on the formation of an anti-corruption model of behavior of a modern police officer:

- Improvement of the legislative framework through anti-corruption expertise of legal acts and their drafts regulating IAB activities.
- Establishment of increased wages.
- Scheduled systematic improvement of education and professional training of employees.
- Mandatory staff rotation in the field.
- Development of prevention mechanisms and interaction with ministries, agencies, elected bodies and public organizations.
- Maintaining a tradition of professionalism in the body system.
- Strict observance of prohibitions and restrictions related to IAB service.
- Thorough verification of income and expense statements submitted annually by officers and employees of internal affairs bodies.
- Revision of the number of the management staff (top management) of the Russian Ministry of Internal Affairs and its minimization.
- Conducting various anti-corruption activities as part of the work on the moral and psychological support of personnel, etc.

In conclusion, the impeccable fulfillment of moral obligations ensures the moral right of the employee to public trust, respect, recognition and support of the citizens.

Conclusion

The following conclusions are formed based on the results of the work:

The phenomenon of corruption is very old. It emerged with the emergence of the state and the division of people into governors and governed. Recently, corruption has affected almost the entire system of social relations, the structure of power, it constrains the business life of the country and reduces the effectiveness of public administration.

Corruption offenses committed by IAB officers are usually latent and difficult to detect.

The personality of a corrupt IAB officer is characterized by a number of features different from other categories of criminals. IAB officers have specialized legal training, knowledge and skills acquired in the course of their professional activity.

When preventing crimes of corruption in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the head and subordinate personnel should pay attention to each other's behavior, take appropriate measures to protect the employee exposed to corruptive misconduct from actions that may ultimately lead to dire consequences.

Educational work in the law enforcement system is represented by the formation of anti-corruption behavior of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, a set of professionally significant qualities that contribute to increasing the level of anti-corruption resistance and, accordingly, the most successful implementation of operational and service activities. The main goal of anti-corruption education is the awareness and acceptance by a young police officer of responsibility for corruption offenses.

The main areas of work to form an anti-corruption model of behavior of a modern police officer are:

- improvement of the legislative framework through anti-corruption expertise of legal acts and their drafts regulating IAB activities;
- establishment of increased wages;
- planned systematic improvement of education and professional training of employees;
- mandatory rotation of staff in the field;
- developing mechanisms for prevention and interaction with ministries, agencies, elected bodies and public organizations;
- strict observance of prohibitions and restrictions related to IAB service;
- scrutinizing income and expenditure statements submitted annually by employees and officers of internal affairs bodies;
- revision of the number of the management staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia to minimize it;
- conducting various anti-corruption activities as part of moral and psychological support of personnel, etc.

1. Electronic resource] URL: Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/5889866> (date of circulation 14.11.2022).
2. Storchilova N.V. Corruption in internal affairs bodies and its prevention.
3. // Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law, Moscow, 2010. [Electronic resource] URL: Mode of access: <http://lawtheses.com/korrupsiya-v-organah-vnutrennih-del-i-ee-preduprezhdenie#ixzz507CKQqrj> (date of address 14.11.2022).
4. Sakhapov I.R. Corruption, the Concept and forms of its manifestation in internal affairs. // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1. 2011. C. 23.
5. Popov V.G., Umnikov V.N. Corruption: main threats and countermeasures. MOSCOW: AIPNB. 2012. C. 9.
7. From the experience of the police // Special issue of the GIC of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1991. №1. C. 5

9. Novikova E.P. Measures to counteract corruption in internal affairs bodies. // Journal of Public Security, Legality and Law and Order in the 3rd Millennium, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, (Voronezh). 2017.
10. Zagainov V.V. Kochegarov A.M. Activity of own security divisions on prevention of corruption offenses. I/ Collection of materials of the 20th international scientific-practical conference. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, 2015 С. 49
11. Data of judicial statistics on corruption cases for 2018 II [Electronic resource] URL: Access mode: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (date of address 24.11.2022).
12. Sakhapov I.R. Causal Complex of Corruption in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. II Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1, 2009.
13. Kuchapina K.S. Corruption in internal affairs bodies: causes, consequences, organization of counteraction. // Legal Culture. № 1(10), 2011. С. 221

Shavyrin P.O., Uvarova A.A., Gusakova N.L.
Peculiarities of criminal liability of minors

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-271

Abstract

One of the main problems of modern Russian society is juvenile delinquency, as evidenced by current statistics. In this article, the author considers the peculiarities of criminal liability of minors, including the current state of crime among minors.

Keywords: criminal liability, criminal punishment, minors, juvenile delinquency.

Аннотация

Одной из главных проблем современного российского общества является преступность несовершеннолетних, о чем свидетельствуют актуальные статистические данные. В настоящей статье автором рассмотрены особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, в том числе современное состояние преступности среди несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних.

At present, it is impossible to deny the relevance of the need to study the peculiarities of criminal liability of minors, since today juvenile crime is a very acute problem in modern society. This circumstance, in our opinion, is due to several factors:

- an increase in the number of dysfunctional families, which determines the presence of shortcomings in the proper level of upbringing of children [3];
- the presence of certain social processes and factors occurring in modern society that negatively affect the child's behavior (alcohol and drug addictions; the presence of criminal groups that persuade adolescents to commit illegal acts, etc.);
- ineffectiveness of the system of measures aimed at preventing juvenile delinquency.

In accordance with the official statistical data presented on the website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, annually the number of criminal offenses committed by persons under the age of majority is gradually decreasing. Turning to statistics for the period from 2018 to 2023. we see that the number of minors who committed crimes in 2018 was 42,504 persons, while in 2023 there is a significant decrease in the number of minors who committed crimes - 26,305 people [6].

Quantitative measures of juvenile delinquency over the past six years are presented in Figure 1.

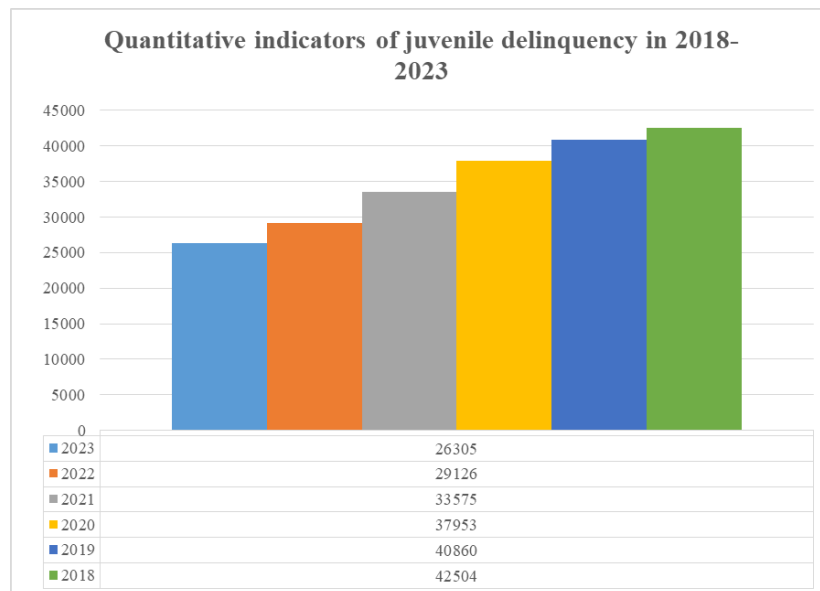

Figure 1. Quantitative indicators of juvenile delinquency in 2018-2023 [6].

Thus, based on the statistics presented above, we can draw a reasonable conclusion about the annual decrease in the number of crimes committed by minors. In 2023, the number of minors who committed crimes decreased by 38.11% compared to 2018, which, in our opinion, is a fairly good indicator. However, the positive dynamics in reducing the number of juvenile delinquency does not exclude the need to improve the criminal law policy of the Russian Federation [4, p. 135].

There is no doubt that children and adolescents are a very vulnerable category of citizens, since they are more susceptible to manipulation by adults, someone else's opinion and are often in an unprotected environment and ideas about the correctness of certain actions. These circumstances predetermine the need to build a humane state policy in the field of criminal liability of minors [2, p. 202].

Before moving on to the study of the peculiarities of criminal liability of minors, in our opinion, it is necessary to define the term "criminal liability." So, it is worth noting that at present this definition has not been consolidated in the current Russian legislation, as a result of which various legal scholars have attempted to formulate a definition of "criminal liability." Having analyzed the theoretical provisions reflected in the scientific works of various authors, we came to the conclusion that most researchers in the field of criminal law and process agree that criminal liability is a kind of negative type of social responsibility that arises within the framework of criminal law relations.

In accordance with Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, the grounds for criminal liability are enshrined, but not its definition. Thus, as grounds for bringing a person to criminal responsibility, the legislator singles out the commission by a person:... "an act containing all the signs of a crime under this Code" [7]. Thus, analyzing the above norm, as well as the opinions of various legal scholars, we can draw a reasonable conclusion that criminal liability is an independent type of legal liability, according to which a person who has committed a criminal offense is obliged to incur the appropriate punishment established by criminal law.

Legislative norms on the criminal liability of minors are combined in Section V of the Criminal Code of the Russian Federation, which enshrines the peculiarities of the criminal liability of minors.

So, turning to a direct study of the features of criminal liability of persons under the age of eighteen, first of all, we consider it necessary to note that the presence of such features is predetermined by the specifics of the age of criminal liability. The current criminal legislation contains norms according to which minors are defined - these are persons who, at the time of the commission of a criminal offense, have not reached the age of eighteen [7]. The minimum age from the moment of the

onset of which a person can be prosecuted for committing a certain list of crimes provided for by the Criminal Code of the Russian Federation is fourteen years.

The specificity of the age of criminal responsibility provided for by the legislator is primarily due to the ability of a person to be aware of the consequences of his actions, as well as emotional and intellectual maturity [1, p. 39].

In accordance with Part 1 of Article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation, the types of punishments that can be assigned to minors are fixed (Figure 2).

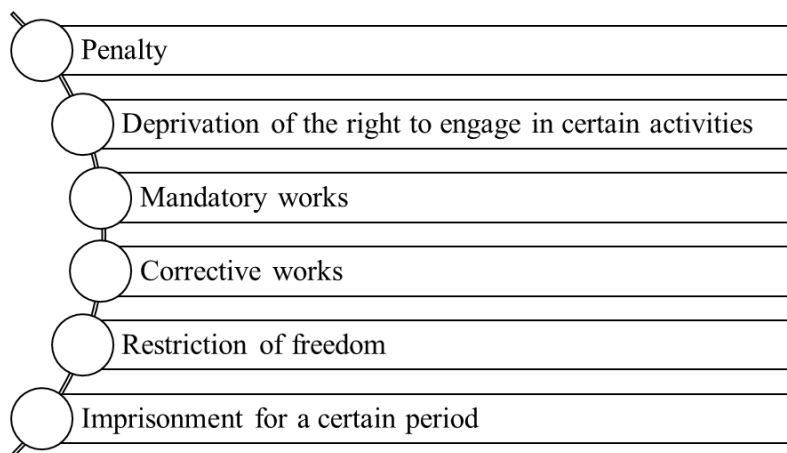

Figure 2. Types of punishments imposed on minors enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation.

We believe that, when establishing the types of punishments imposed on minors, the legislator proceeded from the principles of justice and humanism in the same way as we noted earlier, taking into account the emotional, psychological, intellectual maturity of the person who committed the crime.

Legislation on the appointment of criminal liability of minors takes into account their age, psychological and social characteristics. When determining the type of punishment for a minor who has committed a crime, the law enforcement officer, among other things, takes into account the conditions in which the minor lives, the peculiarities of his upbringing and the social environment in which he grows up, the possible negative influence of peers or older children, and many other factors [5, p. 223].

We believe that the main social goal of criminal punishment of minors is to eliminate certain defects in the upbringing of the child through punishment and be a means to correct them.

In turn, it is necessary to pay special attention to the fact that in practice, in most cases, the courts impose a conditional sentence on a person to imprisonment as a form of criminal liability. When imposing this measure of criminal punishment, the court proceeds from the fact that the effectiveness of the application of this punishment will be achieved by assigning a probationary period and leaving a minor in his family, which presupposes the presence of positive social contacts and the absence of the need for further re-socialization.

However, in our opinion, the appointment of a suspended sentence is not a sufficiently effective measure, since the severance of existing social ties with the usual environment, as well as the abandonment of a teenager in the family, can adversely affect his behavior and have a negative impact on the child. As we noted earlier, most adolescents commit a crime under the negative influence of the environment, thus it is necessary to protect the child from such an influence. Including, many adolescents who are assigned a suspended sentence feel their "impunity," which encourages them not to correct, but to repeat the negative scenario of behavior and committing crimes of varying severity during the probationary period.

Thus, summarizing the above, we can draw a reasonable conclusion that the study of issues related to the peculiarity of criminal liability of minors is quite relevant today. In our opinion, the criminal liability of minors is a special category of criminal law, which is due to the specifics of the age of the person who committed the crime, as well as his intellectual, psychophysical qualities and social situation.

1. Gartseva A.A. Criminal liability of minors: legal and pedagogical aspect: final qualification work/A.A. Gartseva. - Yekaterinburg, 2022. - 61 s.
2. Lukyanova A.V. The current state of juvenile delinquency/L.A. Lukyanova, A.V. Schesler//Young scientist. – 2023. – №41 (488). - S.201-203.
3. Dysfunctional families of Russia statistics (07.09.2023): information resource RP LAWYER.PY [Electronic resource] URL: <https://rplawyer.ru/neblagopoluchnye-semi-rossii-statistika/> (date of reference: 05.09.2024).
4. Savchik K.V. Current conditions and trends in juvenile delinquency/K.V. Savchik//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2023. – №4. - S.133-140.
5. Selyukov A.S. Features of criminal liability of minors/A.S. Selyukov//Law and management. – 2023. – №6. - S.222-225.
6. The state of crime: the official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (access date: 05.09.2024).
7. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 08.08.2024) //SPS Consultant Plus.

Vasileva Y.V., Kurochkina V.M., Shekhovtseva T.M.
**Legal Aspects of Cryptocurrency Regulation in Russia:
Challenges for the Banking System and Integration Prospects**

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-272

Abstract

The article deals with legal aspects of regulation of such a kind of digital currency as cryptocurrency in the Russian Federation. The authors study statistical data indicating the level of spread of electronic money in our country. Besides, within the framework of this article the authors assess the prospects of integration of cryptocurrency and the challenges of the banking system, in particular, the decisions of the Central Bank of the Russian Federation on money transfers and other transactions.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, legal regulation, banking system, Central Bank of the Russian Federation, innovation.

Аннотация

В данной статье рассматриваются аспекты правового регулирования такой разновидности цифровой валюты как криптовалюта в Российской Федерации. Авторами исследуются статистические данные, свидетельствующие об уровне распространения электронных денег в нашей стране. Также в рамках настоящей статьи авторами оцениваются перспективы интеграции криптовалюты и вызовы банковской системы, в частности, решения Центрального Банка Российской Федерации по поводу денежных переводов и иных операций.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, правовое регулирование, банковская система, Центральный Банк Российской Федерации, инновация.

Despite being a new phenomenon in the economy, emerging in 2009 in the United States, cryptocurrency has gained immense popularity in hundreds of countries worldwide due to the convenience of its use and the guarantees of security associated with this type of monetary asset. This form of digital currency represents a modern trend that attracts the interest of legal scholars,

economists, and other individuals, as cryptocurrency is an immaterial element of the financial system, raising significant criticism and misunderstanding regarding its application and implementation.

Today, this type of digital currency impacts not only the economic sector but also several branches of law that regulate it, namely:

- financial law;
- business law;
- banking law;
- civil law, and others.

Perhaps the most significant influence on the development of cryptocurrency in the Russian Federation was the adoption of the Federal Law No. 259-FZ of 31 July 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [1]. Although this legal act does not regulate the concept of "cryptocurrency", it does mention digital currency numerous times, one form of which is the legal category under consideration.

Overall, the legal aspects of regulating cryptocurrency in the Russian Federation represent a rather complex and dynamic field, facing a number of challenges and opportunities for integration.

At present, legislative bodies are addressing the following issues related to cryptocurrency:

- defining their status;
- taxation and transactions;
- security issues;
- combating money laundering.

Despite the adoption of the aforementioned legal act, these issues remain unresolved due to the complex status and insufficient development of information regarding cryptocurrency transactions. As a result, the status of cryptocurrency in our country remains unclear.

From a taxation perspective, transactions involving this type of digital currency are treated as personal income and are subject to appropriate taxation. Additionally, the taxation of cryptocurrency mining income is under discussion by legislative bodies.

Security and consumer protection issues also require special attention, as the digital currency industry is vulnerable to cyber-attacks and fraud, necessitating measures to protect both investors and users.

Officially, cryptocurrency is not recognized as a currency or financial instrument in our country. However, legislation regarding cryptocurrency transactions is in the process of being developed, which will, in the future, allow cryptocurrency to be introduced into the domestic market as a legal financial element. Nonetheless, cryptocurrency is still considered a "money surrogate", complicating its legal regulation in Russia, as the circulation of such monetary assets is prohibited in the Russian Federation [2].

It is worth noting that despite this prohibition in Russia, the global cryptocurrency market is filled with Russian users. This is evidenced by a report from the Central Bank of Russia. According to statistics, the share of Russians in the digital currency market amounts to about 7% of the total number of users [3]. These figures are not at their peak, as sanctions imposed by Western countries have significantly impacted Russians' ability to invest in cryptocurrency and create electronic accounts.

As for the challenges faced by the banking system, they are largely related to the prohibition and inability to issue this digital currency. As is known, the key element of the banking system is the Central Bank of the Russian Federation, which has repeatedly expressed its views on cryptocurrency. In general, this state body is opposed to the widespread use of digital currency, as it poses high risks to financial stability and may be used for money laundering.

The Bank of Russia has proposed imposing restrictions on cryptocurrency circulation, including a ban on its use as a means of payment and limitations on its exchange for roubles and foreign currencies. It should also be noted that the Central Bank's primary objectives in the field of digital currency are to strengthen control over cryptocurrency transactions and create a register of cryptocurrency wallets.

As noted by P.A. Rusanova and A.V. Loshkarev, "in 2014, the Bank of Russia determined that transactions with digital currency are speculative in nature, carried out on 'virtual exchanges', and carry a high risk of value loss" [4, p. 52].

However, the prospects for integrating cryptocurrency into Russia's banking system remain, and for this, it is necessary to create a regulatory framework that will enable the use of the advantages offered by technologies associated with this type of digital currency. In our view, integration could significantly improve the efficiency of financial services and enhance access to financial products for the population.

According to the organisers of "Transstroybank", "the integration of cryptocurrency into the international settlement system could become an effective tool for minimising the impact of Western sanctions" [5].

Summing it up, we have come to the conclusion that the legal regulation of cryptocurrency in Russia is a necessary development, as the growing popularity of this type of digital currency attracts the interest of economists, legal scholars, and legislative bodies. The Central Bank of the Russian Federation currently views cryptocurrency transactions as "speculative" and does not foresee the circulation of this type of monetary asset. However, integrating cryptocurrency into our country's modern financial system will require the creation of a regulatory framework that includes not only economic measures but also elements of government control and oversight.

1. Federal Law No. 259-FZ dated 31 July 2020 'On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation' // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 5018.
2. Lyubinetsky, V.V.. Modern problems and prospects of legal regulation of cryptocurrency in Russia // Problems of law: theory and practice. 2023. № 63. С. 185-195.
3. Rusanova, A.P., Loshkarev, A.V. Legal regulation of cryptocurrency in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 10-4. С. 52-56.
4. The volume of cryptocurrency transactions in Russia in 2024. Report of the Bank of Russia [Electronic resource] / URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/665066579a794764c51aa31f> (date of reference: 09.09.2024).
5. Russia introduces cryptocurrency in international settlements [Electronic resource] / URL: <https://transstroybank.ru/o-banke/blog/kriptovalyutnyy-proryv-rossiya-menyaet-pravila-igry/> (date of address: 09.09.2024).

РАЗДЕЛ XIII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аксюмов Б.В.

Цивилизационный дискурс в современной России и курс «Основы российской государственности»

Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, Ставрополь)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-273

Аннотация

В статье рассматривается развитие цивилизационного дискурса в современной России с акцентом на официальную политику нациестроительства. Новый курс «Основы российской государственности» трактуется как проекция цивилизационного вектора нациестроительства в образовательной сфере с целью формирования цивилизационной идентичности студенческой молодежи.

Ключевые слова: цивилизационный дискурс, основы российской государственности, цивилизационная идентичность, нациестроительство, культурно-цивилизационный код.

Abstract

The article examines the development of civilizational discourse in modern Russia with an emphasis on the official policy of nation-building. The new course "Fundamentals of Russian Statehood" is interpreted as a projection of the civilizational vector of nation-building in the educational sphere with the aim of forming the civilizational identity of student youth.

Keywords: civilizational discourse, foundations of Russian statehood, civilizational identity, nation-building, cultural and civilizational code.

Цивилизационный дискурс на современном этапе активно начинает развиваться с 2012 г., когда вышла известная статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос». В статье важное место занял концепт цивилизационной идентичности, и утверждалось, что такая идентичность «основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился» [1]. Важно отметить, что через понятие культурного (цивилизационного) кода оформляется цивилизационный дискурс и в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (редакция 2018 г.): «Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации...» [2].

Представление о цивилизационном коде позволяет легитимировать основную линию цивилизационного дискурса властной элиты – идею исторической преемственности. Россия определяется как ««историческое государство», доставшееся нам от предков» («Россия: национальный вопрос»). В Послании Федеральному Собранию 2012 г. «для возрождения национального сознания» предлагается «связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития». В Послании 2014 г. говорится о неразрывности, цельности «тысячелетнего пути нашего Отечества». Послание 2018 г. подчеркивает

«преемственность нашей тысячелетней истории», а Послание 2019 г. призывает «сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности...» [3]. Таким образом, идея исторической преемственности постоянно в последние годы присутствует в дискурсе элиты и ее динамика остается стабильной.

Исходя из официального дискурса нациестроительства (Послания Федеральному Собранию, Стратегия госнацполитики, статьи В.В. Путина), цивилизационный вектор политики идентичности представлен следующим понятийным рядом [4] (табл. 1)

Таблица 1

Цивилизационный дискурс в России (ключевые слова).

государство-цивилизация; «историческое государство»; уникальная цивилизация; полиэтническая цивилизация; цивилизационная общность; единый культурный (цивилизационный) код; цивилизационная идентичность; духовная идентичность; сохранение России как цивилизации; историко-культурный опыт становления и развития российской государственности; единая, неразрывная тысячелетняя история; многовековой опыт взаимодействия народов России; российская самобытность; собственный путь развития; самобытность многонационального народа Российской Федерации; общие достижения народов России; духовная общность народов России; традиционные нравственные ценности народов Российской Федерации; богатство российской культуры; единое культурное пространство; общероссийская история и культура

Наличие столь обширного смыслового ряда свидетельствует о разработанности и укорененности цивилизационного дискурса в официальной политике нациестроительства. Можно даже утверждать, что в последние несколько лет этот дискурс становится лидирующим. Важным подтверждением данного тезиса является использование категории «государство-цивилизация» в принятой в 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации, где появляется образ «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы» [5]. По сути, это означает официальное оформление цивилизационного статуса России в современном мире. Это очень важный факт, поскольку весь постсоветский период не утихают споры о том, что же представляет собой новое российское государство, появившееся на политической карте после распада СССР. Долгое время понимание России как цивилизации было практически маргинальным явлением как в науке, так и в политическом дискурсе. Преобладали дискуссии вокруг базовых понятий российской гражданской нации и многонационального народа Российской Федерации, первое из которых задавало рамку гражданского национализма, а второе заставляло лавировать между полиэтническими и этническими трактовками современного российского общества. И вот теперь, с учетом мощного проникновения цивилизационной риторики в официальные документы, постоянного использования цивилизационной лексики в выступлениях и статьях Президента, именно цивилизационный дискурс определяет основные векторы политики идентичности, символической политики, политики исторической памяти.

Тенденции увеличения значимости цивилизационной проблематики не обошли стороной и сферу образования. Появление примерно с середины 2010-х гг. новых дисциплин (например, в Северо-Кавказском федеральном университете в течение нескольких лет преподавались такие курсы, как «Личность в пространстве российской цивилизации», «Основы российской цивилизации»), а также насыщение цивилизационной тематикой традиционных предметов, вроде «Истории России, существенно усилило цивилизационный компонент российской идентичности студенческой молодежи. Об этом свидетельствуют и социологические данные. Так, согласно нашим сравнительным исследованиям, в 2021 г. (по сравнению с аналогичным опросом 2009 г.) существенно большее количество респондентов связывали свою российскую идентичность с причастностью к отечественной истории и культуре [6]. Рост цивилизационных компонентов общероссийской идентичности молодежи свидетельствует об определенной результативности продвижения в общественное сознание

концептов «единой российской истории» и «общей российской культуры» как фундаментальных основах «тысячелетней российской цивилизации».

Новые образовательные возможности, связанные с формированием цивилизационной идентичности, появились после введения с 2023-2024 учебного года дисциплины «Основы российской государственности». О значимости цивилизационной проблематики для нового предмета говорит тот факт, что из пяти его разделов два фактически полностью посвящены теме российской цивилизации в аспектах ее исторического и современного развития. Цивилизационное понимание России «позволяет использовать при раскрытии особенностей формирования нашего государства как цивилизации такие традиционные ценности, как Родина, служение Отечеству, религия, жизнь, любовь, семья, духовность, соборность, история, единство народов России, честь, достоинство, цивилизационная идентичность и др.» [7, с. 38]. Также понимание России как цивилизации дает возможность показать студентам непрерывность и преемственность развития российской истории, которые обеспечиваются наличием единого культурного кода русского народа и цивилизационного фундамента российской государственности. Благодаря этому Россия сохранила самоидентичность, несмотря на серьезные разрывы социокультурного континуитета, произошедшие в 1917 и 1991 гг.

Акцент на цивилизационном измерении российской государственности, сделанный в содержании курса, позволяет репрезентировать российскую историю как последовательную смену государственных систем (от Древней Руси до современной Российской Федерации) на основе единой цивилизационной идеи (культурно-цивилизационного кода). Можно много спорить о научной достоверности подобных абстракций, однако ни одно государство в процессе нацистроительства, формирования и укрепления национальной идентичности не может обойтись без мобилизационных концептов. Тем более без них нельзя обойтись в системе образования, которая всегда была главным инструментом формирования и коррекции идентичности новых поколений граждан. В этом смысле можно утверждать, что именно на дисциплину «Основы российской государственности» возлагается сегодня основная нагрузка по формированию цивилизационной идентичности студенческой молодежи России.

*Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта
«Научно-методическое и организационно-техническое обеспечение деятельности
регионального центра по включению в образовательные программы
высшего образования модуля “Основы российской государственности”»
№ 5461-24. Реестровый номер – 850000Ф.99.1.БН66АА00000.*

1. Путин В. Россия: национальный вопрос. – Независимая газета. 23.01. 2012. Доступ: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?ysclid=loekwj7647599981920 (проверено 31.08 2024).
2. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). – Президент России. Официальный сайт. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (проверено 31.08 2024).
3. Послания Президента Федеральному Собранию. – Президент России. Официальный сайт. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (проверено 31.08 2024).
4. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Официальный дискурс нацистроительства на постсоветском пространстве (на примере России, Казахстана и Белоруссии) // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 7-22.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. – Президент России. Официальный сайт. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (проверено 31.08. 2024).
6. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. "Портфель идентичностей" молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76-87.
7. Иерусалимский Ю.Ю., Попова А.В. Значение традиционных ценностей в преподавании курса "Основы российской государственности" // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 35-46.

Незнанова В.С.

Предложения по совершенствованию действующих механизмов взаимодействия гражданского общества и органов власти в Санкт-Петербурге

*Северо-Западный институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-274

Аннотация

В данной статье будут рассмотрены и проанализированы предложения по совершенствованию действующей государственной политики по взаимодействию гражданского общества и органов власти в Санкт-Петербурге. Внесены предложения по решению следующих проблем: 1. Экологическая проблема в Санкт-Петербурге; 2. Жилищная проблема в Санкт-Петербурге; 3. Высокий уровень преступности в Санкт-Петербурге; 4. Градостроительные ошибки в Санкт-Петербурге. Внесенные предложения представляются результативными на основании исследованного международного и отечественного опыта применения данных предложений для решения проблем повышения качества жизни населения в городах.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, демократия, третий сектор, государственная власть, общественная палата РФ, общественная палата Санкт-Петербурга.

Abstract

This article will consider and analyze proposals for improving the current state policy of interaction between civil society and government bodies in St. Petersburg. Proposals are made to solve the following problems: 1. The environmental problem in St. Petersburg; 2. The housing problem in St. Petersburg; 3. The high crime rate in St. Petersburg; 4. Urban planning errors in St. Petersburg. The proposals presented seem effective given the studied international and domestic experience of applying these proposals to solve the problems of improving the quality of life of the population in cities.

Keywords: civil society, rule of law, democracy, third sector, state power, Public Chamber of the Russian Federation, Public Chamber of St. Petersburg.

В данной статье будут рассмотрены и проанализированы предложения по совершенствованию действующей государственной политики по взаимодействию гражданского общества и органов власти в Санкт-Петербурге.

1. Экологическая проблема в Санкт-Петербурге.

Основными причинами экологических загрязнений на рассматриваемой территории, как было сказано выше, являются загрязняющие фабрики, расположенные в центральных районах, такие как «Адмиралтейские верфи», «Металлист» — полимерное производство, «Балтийский Завод», ЗАО «Железобетонные конструкции и детали» и другие.

Решением данной проблемы является перенос производственных мощностей из центра города за пределы города, поощрение частных компаний к переносу производств в местности без густого заселения жителями.

Данная практика применяется не только за рубежом, но и в нашем городе. Примером может послужить компания по производству рыбных изделий «Балтийский берег», которая вложила 450 000 000 рублей в перенос производства из Петербурга в село Пеники в Ленинградской области.

Для повышения качества экологии в целом в историческом центре Петербурга возможно применение новейших и классических практик городского дизайна, используемых за рубежом, таких как:

- Высадка деревьев и кустарников в общественных пространствах города — на улицах, переулках, скверах, площадях и так далее. Стремление к повышению количества зелени в городе. Данное предложение позволит повысить количество кислорода в воздухе, уменьшить количество пыли за счет оседания на листе. Помимо этого, деревья позволят снизить среднюю температуру в

городе летом, что особо значимо для центральных районов, в которых летом средняя температура в среднем выше, чем в остальных районах города.

- Организация «зеленых кровель» — высадка газонов на кровлях домов. Данное новшество позволяет увеличить площадь зеленых насаждений в центральных районах города, в которых из-за плотности застройки невозможно обеспечить достаточное количество зелени.
- Еще одним аспектом в совершенствовании экологической обстановки в центральных районах города может выступить снижение выбросов от транспортных средств. Данное предложение может осуществиться за счет перехода к электрическим видам транспорта — расширению трамвайной и троллейбусной сети, закупка электробусов; поощрение велосипеда как средства транспорта, ограничение на въезд автомобилей на бензиновом или дизельном топливе. Данные предложения не только положительно скажутся на экологической обстановке, но и позволят снизить количество заторов, дорожно-транспортных происшествий, а также сделают город более доступным и безопасным.

2. Жилищная проблема в Санкт-Петербурге.

Проблема коммуналок представляется наиболее актуальной для Петербурга. Данную проблему возможно решить путем переселения граждан в новое жилье, предоставлением льгот и скидок на приобретение нового жилья, поощрение нового и качественного жилищного строительства для увеличения предложения на рынке жилья, что поможет снизить стоимость новых жилых площадей.

Однако, в данном случае стоит помнить о необходимости строительства качественного жилья, обеспеченного всем комплексом социальной инфраструктуры, такой как детские сады, школы, больницы, пункты полиции, общественные пространства, магазины и места приложения труда, а также обеспечить транспортную доступность нового жилого строительства.

Существующие коммунальные квартиры возможно перепланировать под отдельные жилые площади, разделив крупные квартиры на квартиры меньшие по площади, таким образом сохранив жилую площадь для определенной части местных жителей.

Новое жилищное строительство в историческом центре возможно благодаря редевелопменту бывших производственных площадей, которые находятся в заброшенном и неиспользуемом состоянии.

Важными мероприятиями по развитию качества жилого фонда в историческом центре является реконструкция ветхого жилища — реконструкция фасадов, капитальный ремонт. При этом, важно отметить необходимость сохранения исторического облика зданий как со стороны фасада, так и интерьеров жилых зданий.

3. Высокий уровень преступности в Санкт-Петербурге.

3.1 Методы снижения количества административных и уголовных правонарушений.

Основой снижения количества преступлений в городах представляется не только уголовно-пенитенциарная система, то есть система государственных органов по осуществлению уголовных наказаний за произошедшие преступления, но и построение превентивных действий по недопущению возникновения правонарушений. Превентивные мероприятия представляются особо значимыми поскольку реактивные действия по ограничению свобод преступников без иных действий по снижению уровня криминала приводит к повышению рецидивных преступлений, снижению раскрытия преступлений, а также социальных конфликтов.

Необходимость предупреждения преступлений административного и уголовного характера особо подчеркивалась как президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным, так и министром внутренних дел Колокольцевым В. А. и его заместителем Гостевым А.А.

Основными мероприятиями по предупреждению преступлений можно отметить, использование информационных технологий, использование маркетинговых механизмов для продвижения идей о недопустимости совершения правонарушений (создание плакатов, видеороликов, и так далее), использование некоммерческих организаций и объединений граждан в предупреждении преступлений, индивидуальные методы профилактики преступности (не только надзор за бывшими правонарушителями или людьми, склонными к совершению преступлений, но и оказание помощи, социальная и материальная поддержка нуждающихся, бывших заключенных, помощь и социальная реабилитация вышедших из мест заключения. Помимо этого, представляется необходимым построение системы социальной помощи по решению внутри коллективных и внутрисемейных конфликтов, развитие системы психологической помощи).

3.2 Методы снижения количества дорожно-транспортных происшествий и нарушений правил дорожного движения.

В Российской Федерации в целом и в Санкт-Петербурге в частности существует проблема высокого уровня травматизма и смертности в дорожно-транспортных происшествиях. Для снижения количества смертельных жертв на рассматриваемой территории представляется необходимым предложить использование программы под названием «Vision Zero», разработанной в Швеции и опробованной во множестве Европейских государств. Основой данной программы лежит идея о сведении количества смертей на дорогах к нулевому значению при помощи реконструкции дорог, тротуаров, городских улиц, а также транспортных средств.

К конкретным механизмам данной программы по снижению количества смертельных дорожно-транспортных происшествий стоит отнести:

- разделение потоков автомобилей, велосипедистов, и пешеходов в пространстве, а при невозможности такого ограничения — снижение скорости передвижения;
- разделение дорожной сети функционально и невозможность смешения функций. Улицы могут быть: 1) Местные (ограничение скорости в 30 км/ч без разделения полос), 2) Районные (ограничение скорости в 40км/ч, одна полоса в каждую сторону, велосипедные и пешеходные дорожки), 3) Городские (ограничение скорости в 50 км/ч, обособленные тротуары и велодорожки), 4) Автомагистрали (отсутствие пешеходов и ограничения скорости);
- единый стандарт дорожных знаков и разметки, их интуитивная понятность;
- физические ограничения для нарушения скоростного режима или нарушений правил дорожного движения (посадка кустов для невозможности незаконной парковки, извилистый рельеф улицы для невозможности превысить скорость и так далее).

4. Градостроительные ошибки в Санкт-Петербурге.

4.1 Снижение количества заброшенных зданий, «серого пояса» Петербурга.

Основой снижения заброшенных зданий является редевелопмент бывших производственных зданий, находящихся в настоящее время в упадке, то есть адаптация их под новые нужды — строительство общественных пространств, рабочих мест, магазинов на основе передачи собственности частному сектору.

4.2 Модернизация принципов построения улично-дорожной сети.

Для снижения нагрузки на улично-дорожную сеть, снижения дорожно-транспортных аварий, повышения комфорта в передвижении, возможно применение следующих мероприятий:

- развитие общественного транспорта — обособление общественного транспорта на большинстве улиц (разметка выделенных полос), приоритет общественного транспорта, модернизация подвижного состава, модернизация маршрутной сети, снижение интервала движения наземного транспорта за счет введения новых транспортных единиц;

- поощрение использования велосипеда для ежедневных поездок, строительство велосипедной инфраструктуры — связанной сети велосипедных дорожек, качественные велосипедные парковки, станции ремонта велосипедов, обеспечение безопасности велосипедистов на уровне градостроительной деятельности;
- ограничение на передвижение на личном автомобиле — введение платных парковок, возможное ограничение на въезд в исторический центр на автомобиле.

Практическая целесообразность внесенных предложений может быть охарактеризована с помощью оценки результативности данных предложений. Под эффективностью, в управленческом подходе, стоит понимать способность достигать целей, результативность.

Улучшение экологической обстановки.

Перенос производств из центра города за границы городской территории.

Положительными аспектами переноса производственных площадей за черту города из исторического центра представляются:

- Улучшение экологической обстановки за счет снижения выбросов в атмосферу, почву и водоемы города;
- Возможность использования данной территории под современные нужды горожан — строительство нового жилья для решения жилищной проблемы, открытие общественных пространств и прогулочных зон.
Примером данного аспекта может послужить производство «Севкабель», частично на территории которого в 2018 году открылось общественное пространство «Севкабель Порт», а в 2021 году начался редевелопмент оставшейся территории под жилое строительство.
- Большие площади и относительно низкая цена земельных участков за пределами города дает возможность компаниям расширить производство и получить дополнительную прибыль.

Негативными аспектами данного предложения являются:

- Высокая стоимость переноса производственных мощностей;
- Необходимость строительства транспортной и иной инфраструктуры на новой территории.

Соответственно, на основе вышеназванных негативных и положительных аспектов переноса промышленных территорий, представляется необходимым анализировать каждый отдельный проект на предмет соотношения затрат и выгод от переноса производства за территорию города.

Помимо этого, важно отметить, что не все объекты промышленности возможно перенести за пределы города.

Озеленение города за счет зеленых кровель и высадки кустарников и деревьев.

Озеленение города не несет значительной нагрузки на бюджет города, помимо этого, в качестве снижения бюджетного бремени на озеленения города, возможно использование следующих инструментов:

- Высадка многолетних растений, вместо однолетних, что снижает ежегодные затраты на озеленение общественных пространств.
- Использование ресурсов частных коммерческих и некоммерческих организаций для озеленения территорий, поощрение данной деятельности, а также снижение бюрократической нагрузки на осуществление данной деятельности.

Использование зеленых крыш требует большего количества затрат, однако данный инструмент можно осуществлять за счет средств частных компаний, владеющих зданиями на основе снижения бюрократической нагрузки на

осуществление данной деятельности. Озеленение крыш имеет следующие преимущества:

- В условиях плотной застройки и нехватки площадей для озеленения исторического центра, использование зеленых кровель позволит значительно увеличить площадь зеленых зон в историческом центре, что улучшит экологическую ситуацию в центре, а также повысит энергоэффективность зданий.
- Озеленение крыш позволяет оборудовать также общественные пространства на крышах города, а также проводить коммерческую деятельность, что позволит принести дополнительные выгоды для частного сектора.

Примером осуществления данного инструмента являются здание «City Hall» в Чикаго, Школа художественного дизайна в Сингапуре, жилой комплекс «Waldspirale» в Германии, здание правительственного офиса в Фукуоке в Японии, конференц-центр в Ванкувере, Канада и множество других.

Распространение электрического транспорта.

Преимуществами электрического общественного транспорта является значительное снижение нагрузки на экологическую среду в городе, наличие уже существующих электросетей для трамваев и троллейбусов. Зачастую существует проблема отмены существующих маршрутов троллейбусов и трамваев в городах, однако в городах с повышенной экологической загрязненностью необходимо сохранять и развивать трамвайную и троллейбусную маршрутную сеть для улучшения экологической обстановки.

Наиболее эффективным признается трамвай, поскольку данный вид транспорта затрачивает наименьшее количество электроэнергии. Во многих Европейских городах в города возвращается трамвайное движение.

Решение жилищной проблемы в Санкт-Петербурге

Строительство нового жилья

Основной сложностью в реализации нового жилищного строительства в центре Петербурга является плотность существующей застройки — на данной территории крайне мало свободных площадей для нового строительства. Одним из выходов в сложившейся ситуации является жилищное строительство на месте перенесенных производственных зон, а также внедрение бывших корпусов заводов как основу для жилищного строительства. При этом, важно учитывать необходимость соблюдения норм по озеленению, нормы инсоляции, а также социальную и транспортную обеспеченность новых жилых кварталов.

Расселение коммунальных квартир

Необходимость расселения коммунальных квартир обусловлена критической ситуацией в данной сфере — в центре сохраняется 64 000 коммунальных квартир. В Петербурге действует региональная программа по расселению, однако за все время ее существования (14 лет) было расселено около 52 тысяч коммунальных квартир, то есть менее половины существующего фонда.

Основной проблемой в данном аспекте является большие бюджетные затраты на данное мероприятие.

Капитальный ремонт зданий

Необходимость капитального ремонта зданий обусловлена сложившейся критической ситуацией в центре — в Петербурге 3156 квартир (1551 не расселённая квартира) отмечается в аварийном состоянии, из которых больше половины расположены в центре Санкт-Петербурга.

Снижение уровня преступности

Передача части полномочий по предупреждению преступности в ответственность некоммерческим организациям.

На основе существующего опыта, можно говорить о высокой эффективности деятельности некоммерческих организаций в сфере решения проблем детской беспризорности, алкоголизма и наркомании, педофилии, проституции, ИТ-преступлений, а также иных социальных проблем.

Социальная адаптация бывших заключенных.

Ресоциализация заключенных заключается в помощи индивидуального характера каждому заключенному, информационные консультации по социальным и пенсионным пособиям и способам их получения, подготовка заключенных к освобождению, помощь в трудоустройстве и решении жилищных проблем, психологические консультации заключенным. Ресоциализация показала высокую эффективность в решении проблемы рецидивов преступлений, что положительно сказывается на состоянии преступности в стране.

Применение концепции «Vision Zero» для снижения жертв дорожно-транспортных происшествий и преступлений в сфере дорожного движения.

В нашей стране действует Стратегия безопасности дорожного движения, которая закрепила основной принцип системы «Vision Zero», согласно которому необходимо стремиться к нулевой смертности на дорогах, однако в существующей действительности не все положения данной системы соблюдаются. Например, применяются перекрестки с круговым движением для снижения скорости автомобилей, строятся отбойники на крупных трассах и ряд других. Однако, не применяются такие нормы как ограничение скорости автомобилей до 30 км/ч в городах, при которой значительно снижается вероятность летального исхода в авариях, не используется системный анализ всех факторов (в том числе градостроительных) в летальных дорожно-транспортных происшествиях.

При этом, при рассмотрении полувековой практики применения данной концепции в Швеции можно отметить ее высокую эффективность — показатель смертности снизился с 17,8 человек на 100 тыс. населения в 1957 году до 2,3 человек на 100 тыс. населения в 2020 году.

Решение градостроительных проблем Санкт-Петербурга.

Приоритет общественного транспорта, пешеходов и велосипедистов над автомобилями.

Стоит отметить, что невозможно удовлетворить потребности жителей в передвижении на автомобиле в полной мере — расширение дорог и приоритет автомобилю не приведет к снижению дорожных заторов, а наоборот увеличит количество новых автомобилей и снова приведет к дорожным заторам. При этом, использование общественного транспорта и велосипедов для рутинных поездок позволит наиболее эффективно использовать дорожное пространство.

В данном аспекте стоит отметить, что лишь 30% жителей города используют автомобиль для передвижения по городу, при этом, как центр Санкт-Петербурга, так и множество российских городов отдает приоритет именно передвижению на автомобиле, что представляется социально несправедливым, а также приводит к таким негативным факторам как дорожные заторы, загрязнение атмосферного воздуха, неэффективное использование городской территории — большую часть времени автомобили стоят припаркованные, занимая общественную территорию, а также в сравнении с перевозкой одного и того же количества человек, личные автомобили занимают больше городского пространства, чем общественный транспорт или велосипеды.

Редевелопмент заброшенных зданий.

Данный аспект позволяет решить проблему не только серых зон на карте города, высокой преступности на заброшенных и бесхозных территориях, но и решить проблему нехватки жилья в историческом центре, нехватки общественных пространств. Как было сказано выше, в нашем городе налажен опыт редевелопмента бывших заброшенных производственных зон под общественные пространства и жилые районы, что позволяет говорить о целесообразности данного предложения.

Развитие городских общественных пространств.

Общественное пространство как часть города, отданная под общественное пользование необходимо для социального взаимодействия людей. Данные пространства должны быть оборудованы специальной инфраструктурой — освещением, инфраструктурой для лиц с ограниченными возможностями, спортсменов, детей; озеленение территории, и так далее.

Создание качественных общественных пространств позволяет не только организовать досуг и взаимодействие жителей города, но также и принести косвенные выгоды для города от создания таких пространств — например при открытии малого бизнеса на территории общественных пространств (кафе, магазинов и другое) повышаются налоговые поступления в

бюджет города, помимо этого на качественно устроенном общественном пространстве снижается уровень преступности и дорожно-транспортных происшествий.

Таким образом, среди основных мероприятий по улучшению качества жизни отмечаются: перенос производственных мощностей из центра и редевелопмент бывших производственных и иных заброшенных зон, направленный на улучшение экологической обстановки, снижение серых зон в историческом центре, повышение площади жилой застройки и снижению уровня преступности; озеленение территории и формирование общественных пространств в том числе на кровлях зданий для улучшения экологической ситуации и общего качества жизни; капитальный ремонт зданий и расселение коммунальных квартир для решения жилищных проблем; предупреждение преступности на основе передачи части полномочий некоммерческим организациям и применении концепции «Vision Zero» для снижения уровня смертности в дорожно-транспортных происшествиях, а также снижения преступлений в сфере дорожного движения; а также решения градостроительных проблем в сфере обеспечения достойного качества жизни в центре Санкт-Петербурга путем передаче приоритета в дорожном движении общественному транспорту, велосипедистам и пешеходам, а также качественной организации общественных пространств в центре Санкт-Петербурга.

Внесенные предложения представляются результативными на основании исследованного международного и отечественного опыта применения данных предложений для решения проблем повышения качества жизни населения в городах.

1. Попутали берега. Коммерсант [Электронный ресурс] — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4408519> (дата обращения 02.05.2024)
2. А.А. Гостев выступил с открытой лекцией в Академии управления МВД России [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://xn-80a.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/12854897/> (дата обращения: 16.04.2024).
3. Выступления Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России в 2016, 2017, 2018 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 16.04.2024).
4. Выступление министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/12414315> (дата обращения: 24.04.2024).
5. Концепция нулевой смертности. Vägverket, Шведское дорожное управление. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/roadsafe/unda/Sweden_Rus_VisionZero.pdf (дата обращения 03.05.2024).
6. Крикливец, А. А. Понятие эффективности в экономической науке / А. А. Крикливец, П. С. Сухомыро. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 2 (240). — С. 237-239.
7. Севкабель Порт. О проекте. [Электронный ресурс] — URL: <https://sevcableport.ru/ru/about> (дата обращения 04.05.2024).
8. На месте «Севкабеля построят 10-этажный жилой комплекс [Электронный ресурс] — URL: <https://www.novostroy.spb.ru/news/market/na-meste-sevkabelya-postroyat-10-etazhnyy-zhiloy-kompleks/> (дата обращения 04.05.2024).
9. Перспективы развития общественного электротранспорта в РФ. Российская академия транспорта [Электронный ресурс] — URL: http://rosacademtrans.ru/electro_transportrf/ (дата обращения 11.05.2024).
10. Ведомости. Денег нет, но вы расселяйтесь [Электронный ресурс] — URL: <https://vedomosti.spb.ru/realty/articles/2021/10/29/893637-deneg-net-rasselites> дата обращения 11.05.2024).
11. Коршунова Е. М. Проблемы реконструкции сложившейся застройки центра Санкт-Петербурга // Экономическое возрождение России. – 2019. 4 с.
12. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 121–127.
13. Гусаров П. Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России // Молодой ученый. – 2018. - №22(208). – С. 270-272.
14. Лысенко В. А., Батищева О. М. Анализ реализации основных принципов концепции Vision Zero в Российской Федерации // Поколение будущего: сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. – 2020. – С. 84-87.
15. Зейналов Ф. Н. О применимости шведской программы повышения безопасности дорожного движения «vision zero» к Российской действительности // Научный вестник орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. – 2024. – №1(82). – С. 92-97.
16. Цифра дня: Сколько автомобилей в Петербурге [Электронный ресурс] — URL: <https://www.the-village.ru/city/city/130549-avtomobilia> (дата обращения 04.05.2024).

Реклер Е.Н., Горин В.А., Чуб М.В.

Централизация и децентрализация управления

*Волгоградский институт управления (ф) Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-275

Аннотация

В научной статье рассматриваются ключевые концепции, определяющие структуру управления в современных организациях. Авторы анализируют основные принципы централизации и децентрализации, подчеркивая их влияние на эффективность и гибкость административных процессов. Централизация, как правило, способствует более быстрому принятию решений и единой политике, однако может приводить к перегрузке топ-менеджмента и снижению мотивации сотрудников. В противоположность этому, децентрализация позволяет распределить полномочия, усиливая ответственность на местах и стимулируя инициативу.

Ключевые слова: централизация, делегирование, децентрализация, полномочия.

Abstract

The scientific article examines the key concepts that define the management structure in modern organizations. The authors analyze the basic principles of centralization and decentralization, emphasizing their impact on the efficiency and flexibility of administrative processes. Centralization, as a rule, contributes to faster decision-making and a unified policy, however, it can lead to overload of top management and decrease employee motivation. In contrast, decentralization allows for the distribution of powers, strengthening local responsibility and stimulating initiative.

Keywords: centralization, delegation, decentralization, authority.

Централизация и децентрализация управления - два основных подхода к организации управления и принятию решений на различных уровнях в любой организации. Выбор одного из подходов определяет, кто принимает решения, на каком уровне и насколько развито делегирование полномочий.

Централизация - это подход, в котором всю власть и принятие решений осуществляется непосредственно руководством. Все важные решения принимаются одним руководителем или коллегиальным органом и затем распределяются на нижние уровни. В полномочиях руководителя сконцентрированы все ресурсы, поэтому сотрудники ограничены в возможности в принятии самостоятельных решений. Рассмотрим принципы централизации управления:

Единоначалие: все решения принимаются на верхнем уровне управления. Нижние уровни иерархии никак не учувствуют в принятии решений.

Концентрация власти: власть и ответственность сосредоточены в руках руководителя. И только от решений руководителя зависит функционирование организации.

Вертикальная иерархия: четко определенная структура, в которой каждый уровень подчинен следующему уровню.

Стандартизация: решения принимает один человек, поэтому подходы и методы решений схожи и предсказуемы.

Централизованное планирование: все стратегические и тактические планы разрабатываются на верхних уровнях управления, а до нижнего уровня доводится только информация.

Прямое управление: руководители на верхних уровнях имеют прямой контроль над всеми подчиненными внутри организации.

Отсутствие делегирования: руководители редко передают свои полномочия и обязанности подчиненным.

Первый возможный способ делегирования полномочий в централизованной системе управления - это создание функциональных подразделений или отделов. С помощью данного способа сотрудники делятся на определенные группы исходя из знаний и навыков. Например, в крупной компании может быть отдел маркетинга, финансовый отдел, отдел по работе с клиентами и т.д.

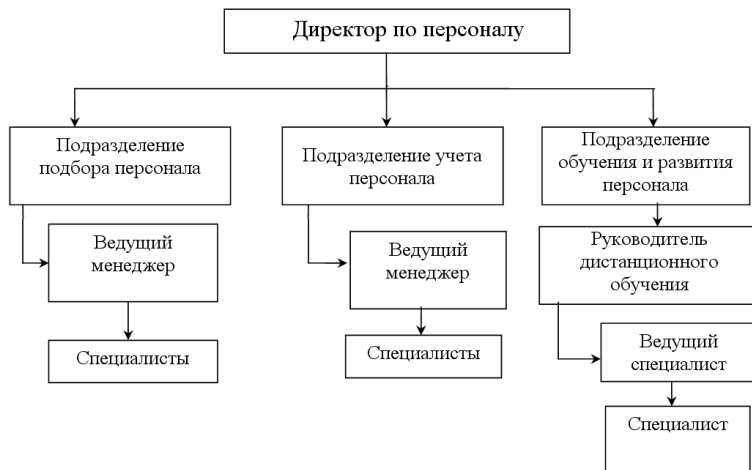

Рисунок 1. Пример функционального подразделения.

Каждый отдел обладает определенными полномочиями, а также разной ответственностью, что позволяет более оперативно решать задачи в соответствии со своей функциональной областью.

Вторым способом делегирования в централизованном управлении является назначение менеджеров или руководителей на различные уровни управления организации. Каждый руководитель наделяется определенными полномочиями и ответственностью перед подчиненными. Например, руководитель находящийся на высшем уровне может делегировать менеджеру принятие повседневных решений в определенной области, а также контроль в своих отделах или подразделениях.

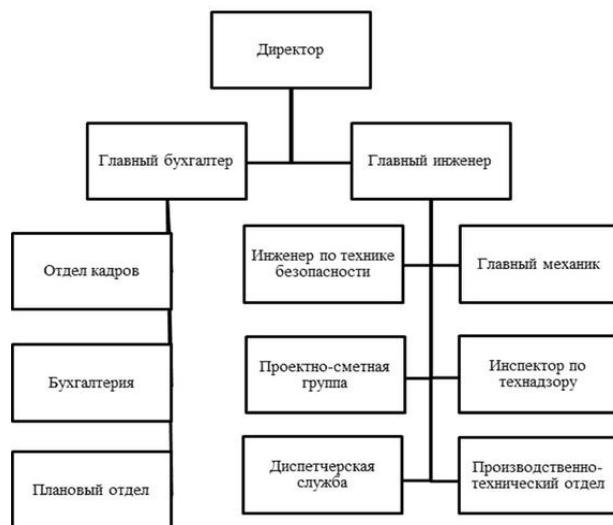

Рисунок 2. Пример способа назначения руководителей на различные уровни управления организации.

Третий способ делегирования в централизованном управлении достигается посредством доверенности. Доверенность - это официальный документ, в котором сотруднику организации передается определенный объем полномочий от имени вышестоящего уровня управления. Например, управляющему директору может быть передана доверенность на принятие финансовых решений от имени компании.

Децентрализация – это подход в котором происходит распределение власти на различные уровни организации. Каждый уровень имеет определенные полномочия и возможность принимать решения в пределах своих полномочий самостоятельно. Рассмотрим принципы децентрализации управления:

Распределение ответственности и полномочий: В децентрализованном управлении, ответственность и полномочия распределяются между различными уровнями управления. Так решения принимаются на всех уровнях иерархической цепочки организации.

Принятие решений на наиболее низком уровне: Решения принимаются на том уровне, где они будут непосредственно реализовываться. Оперативные задачи решаются на нижнем уровне, а стратегически важные задачи на верхнем уровне.

Учет специфики локальных условий: Децентрализованное управление предполагает, что решения принимаются с учетом местных особенностей и условий.

Управление на основе обратной связи: В управлении активно используется обратная связь от сотрудников нижних уровней.

Развитие лидерских качеств у сотрудников: Поскольку децентрализованное управление включает распределение ответственности, это способствует развитию лидерских качеств и инициативности у сотрудников.

Первый способ децентрализованного управления - разделение функций и обязанностей между различными уровнями управления. Различные подразделения организации получают определенные полномочия, находящиеся в их компетенции и отвечают за их выполнение, при этом сохраняя свою автономию. Руководители на разных уровнях иерархии делегируют свои полномочия подчиненным, это помогает отделам или сотрудникам получить более полное представление о своих задачах и особенностях работы.

Еще одним способом делегирования полномочий в децентрализованной системе управления является установление принципа субординации. Каждый сотрудник имеет своего непосредственного руководителя, которому он подчинен, и который в свою очередь отвечает перед своими руководителями. Субординация позволяет качественно координировать деятельность различных структурных подразделений организации. Кроме того, она способствует более гибкому реагированию на изменения внешней среды.

В децентрализованной системе управления также широко применяется делегирование по результатам. Сущность способа заключается в том, что полномочия делегируются на основе достигнутых результатов, а не на основе формальной должности или статуса. Подход позволяет стимулировать индивидуальные достижения и повышает самоуправление сотрудников.

Таким образом, для эффективного делегирования полномочий, необходимо разработать четкую систему коммуникации и контроля. Только так можно обеспечить баланс между централизацией и децентрализацией управления и достичь оптимальных результатов для организации.

1. Вихорева, М. В. Интенсификация взаимосвязи процессов управления персоналом со стратегией развития ОАО "РЖД" // Транспортная инфраструктура Сибирского региона. - 2018. - Т. 2. - С. 158-162.
2. Леонов, С. А. Особенности делегирования полномочий в бизнесе / С. А. Леонов // Дневник науки. – 2021. – № 5(53).
3. Проблемы делегирования полномочий в современных организациях // ФГБОУ ВПО "Уральский государственный экономический университет", 2020. № 6. С. 154.
4. Старобинский Э. Передача полномочий - один из важнейших принципов менеджмента. //Управление персоналом. - 2017. - №4. - 1048с.
5. Хохлова, Т.С. Проблемы делегирования полномочий в современных компаниях / Т.С. Хохлова, С.В. Розова // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. - 2019. - №2 (17). - С. 89-93

Тарасова М.В.

Геополитические риски региональной безопасности в Республике Крым

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН»
(Россия, Ростов-на-Дону)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-276

Аннотация

В работе представлены результаты анализа этнополитических угроз и рисков региональной стабильности в Республике Крым. В современных условиях основными долгосрочными рисками для Крымского полуострова выступают геополитический фактор и угрозы экстремистского и террористического характера, исходящие от украинских спецслужб и националистических формирований. На основе ивент-анализа региональных и федеральных публикаций в СМИ, а также дискурс-анализа выступлений мировых политиков и экспертов сделан вывод об усилении на международной арене антироссийской риторики.

Ключевые слова: геополитические риски, национальная безопасность, региональная стабильность, Республика Крым.

Abstract

This work presents the results of an analysis of ethno-political threats and risks to regional stability in the Republic of Crimea. In modern conditions, the main long-term risks for the Crimean Peninsula are the geopolitical factor and threats of an extremist and terrorist nature emanating from the Ukrainian special services and nationalist formations. Based on an event analysis of regional and federal publications in the media, as well as a discourse analysis of speeches by world politicians and experts, it is concluded that anti-Russian rhetoric is intensifying in the international arena.

Keywords: Geopolitical risks, national security, regional stability, the Republic of Crimea.

В рамках ГЗ ЮНЦ РАН «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века» проведено исследование этнополитических угроз и рисков региональной стабильности в Республике Крым. Результаты факторного и статистического анализа, а также контент-анализа публикаций в официальных СМИ позволили оценить рискогенность факторов дестабилизирующего воздействия на региональную ситуацию в регионе. На первый план выходит геополитический фактор, также основными долгосрочными рисками выступают экстремистские и террористические угрозы. На основе ивент-анализа региональных и федеральных публикаций в СМИ, а также дискурс-анализа выступлений мировых политиков и экспертов сделан вывод об усилении на международной арене антироссийской риторики, связанной, прежде всего, с дискуссией о возврате военным путем Крымского полуострова в состав Украины. На одном из очередных саммитов «Крымская платформа», уже ставшим традиционной международной платформой, президент Украины сделал заявление о том, что Крымский полуостров будет украинским, так как является ключом к безопасности в Черном море и его «нельзя оставлять в руках России» [1]. Более того, политическое и военное руководство Украины допускает высказывания о физическом уничтожении всего населения Крымского полуострова. В интервью главы ГУР Украины звучит заявление о необходимости уничтожить 3 млн. жителей Крыма, которые, по его мнению, «жили под пропагандой РФ и видоизменились психически». К. Буданов выразил уверенность, что физическое уничтожение - это «справедливая ответственность» для всех жителей полуострова. Ранее Буданов в интервью Yahoo News заявлял, что украинские спецслужбы «убивали и будут убивать русских в любой точке мира до полной победы Украины» и «достали уже многих, в том числе публичных, медийных личностей». Подобные угрозы главы украинской военной разведки, по мнению официальных представителей МИД РФ, целесообразно расценивать как экстремизм и терроризм, однако это не получает осуждения от коллективного Запада [2].

В июле 2023г. бывший советник офиса президента Украины А. Арестович (внесён Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов, деятельность в РФ запрещена) выступил с заявлением о том, что контрнаступление ВСУ должно закончиться блокадой Крыма, и в этом случае станут уместными переговоры. «На данный момент перед Залужным стоят две задачи – обеспечить украинским войскам выход к морю, а также перерезать сухопутный коридор, отрезав Крымский полуостров с последующим сношением моста. У нас в республике 2 млн. человек, которые оказались в безвыходном положении, и у которых нет ни воды, ни еды. Так что можно торговаться» [3]. Подобные заявления могут расцениваться, как прямой призыв к военному преступлению против жителей Крыма, учитывая предшествующие водную и энергетическую блокады полуострова, которые организовала Украина. В начале сентября 2023 г. президент Украины подписал указ о внесении изменений в территориальное устройство Крыма, планируется создание военных и военно-гражданских администраций на территориях территориальных общин. Главная цель закона - подготовка основы для деокупации полуострова. В свою очередь правительство разрабатывает законопроект об особенностях восстановления публичной власти в Крыму после возвращения Украиной контроля над полуостровом [4]. В ноябре 2023 г. власти Украины заявили о намерении переименовать города в Республике Крым. «Географическим названиям в... Крыму будут возвращены исторические наименования на крымско-татарском языке». Об этом шла речь на заседании национальной комиссии по вопросам крымско-татарского языка», - говорится в сообщении, опубликованном в Telegram-канале украинского министерства реинтеграции [5]. Все вышеперечисленные факты, свидетельствуют о росте геополитических рисков, как и новые поставки западными странами и США Украине вооружений большой дальности, а также подготовка военных подразделений для оказания помощи украинской армии атаковать Крымский полуостров [6].

В результате проведенного всестороннего конфликтологического анализа с применением факторного и статистического анализа, свидетельствующего об участившихся ракетных обстрелах, ударах БПЛА, рейдах диверсионных групп, а также очередном совершенном в 2023 г. теракте на Крымском мосту, установлено, что возрастают риски перенесения боевых действий на территорию полуострова. Так, глава службы безопасности Украины В. Малюк сообщил о планах уничтожить Крымский мост, о чем заявил в фильме «Крымский мост на бис», который вышел на YouTube телеканала «1+1». Более того, руководство Украины признало причастность к совершению двух терактов на Крымском мосту в октябре 2022 г. и июле 2023 г., заявив, что украинские спецслужбы при атаке на мост использовали в том числе морские беспилотники Sea Baby, которые управлялись дистанционно из Киева [7].

Республика Крым последние пять лет занимает высокие позиции по худшим показателям преступлений террористического характера и экстремистской направленности: 5 место в рейтинге регионов РФ по показателю зарегистрированных преступлений террористического характера и 4 место по преступлениям экстремистской направленности. Согласно анализу статистических данных за период 2018 - 2023 гг., количество зарегистрированных преступлений террористического характера увеличилось в регионе более, чем в 4 раза, а зарегистрированных преступлений экстремистской направленности - в 2 раза [8].

За первое полугодие 2023 г., по данным СК России, в Республике Крым выявлено больше всего экстремистских преступлений среди регионов ЮФО [9]. В условиях специальной военной операции в регионе со стороны Украины значительно увеличилось количество террористических атак на объекты военной инфраструктуры, транспортного и топливно-энергетического комплексов, представителей правоохранительных органов и органов власти. В мае 2023 г. ФСБ сообщила о предотвращении серии терактов в Крыму, целями которых было руководство полуострова, в июне того же года был задержан гражданин РФ, подорвавший газопровод в п. Кореиз и т.д. Директор ФСБ России на заседании Н отметил возросшее число террористических посягательств со стороны украинских спецслужб и националистических формирований при поддержке коллективного Запада, а также усиление киевским режимом

пропагандистской кампании, нацеленной на радикализацию населения, вовлечение молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность [10].

Резюмируя, необходимо заключить, что в условиях новых геополитических вызовов и на фоне проведения СВО сформировался новый пласт угроз, исходящих, в основном, от украинских спецслужб и националистических формирований, в том числе с активным применением интернет-ресурсов в основном ориентированных на молодежь.

*Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2024 г.
(№ 122020100306-9).*

1. Владимир Зеленский представил будущее Крыма на третьем саммите Крымской платформы // Коммерсантъ. – 2023. – 23 августа [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6174154> (дата обращения 27.10.2023).
2. Буданов решил убить три миллиона крымчан и получил ответ из Совфеда // РИА Новости. – 2023. – 20 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://crimea.ria.ru/20230520/budanov-reshil-ubit-tri-milliona-krymchan-i-poluchil-otvet-iz-sovfeda-1128851313.html> (дата обращения 20.10.2023).
3. Экс-советник офиса Зеленского заявил о планах ВСУ устроить блокаду Крыма по итогам контрнаступления // Военное обозрение. – 2023. – 28 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/222622-jeks-sovetnik-ofisa-prezidenta-ukrainy-zajavil-o-planah-vs-u-ustroit-blokadu-kryma-po-itogam-kontrnastuplenija.html> (дата обращения 20.10.2023).
4. Зеленский подписал указ о новом территориальном устройстве Крыма // Коммерсантъ. – 2023. – 5 сентября [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6198096> (дата обращения 16.10.2023).
5. В Киеве предложили переименовать города в Крыму // РИА Новости. – 2023. – 28 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231128/krym-1912341143.html> (дата обращения 01.12.2023).
6. Daily Express: Британия подготавливает ВСУ к захвату Крыма до Рождества // KP.RU. – 2023. – 30 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5384402/> (дата обращения 25.11.2023).
7. Глава СБУ пригрозил взорвать Крымский мост // РБК. – 2023. – 25 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2023/65618c4d9a794753d5cdbafa> (дата обращения 01.12.2023).
8. Зарегистрировано преступлений террористического характера и экстремистской направленности в Республике Крым. Преступность в регионах. Диаграмма. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – 11 ноября [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 10.11.2023)
9. В Крыму и Севастополе в 2023 году выявили больше всего экстремистских преступлений в ЮФО // ТАСС. – 2023. – 11 августа [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/18492699> (дата обращения: 10.11.2023)
10. Объекты транспорта и ТЭК усилят защиту из-за угроз со стороны Украины // РИА Новости Крым. – 2023. – 14 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <https://crimea.ria.ru/20230214/obekty-transporta-i-tek-usilyat-zaschitu-iz-za-ugroz-so-storony-ukrainy-1126971359.html> (дата обращения 20.10.2023).

Упоров И.В.

**Институт местных советов в партийных решениях,
законодательных актах и реальности (период «застоя» в СССР)**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-277

Аннотация

Советское государство после октябрьской революции имело довольно противоречивое развитие, что вполне объяснимо – ведь большевики строили первое в мире социалистическое государство, и соответствующего опыта других стран у них не было. Так, стабильное планомерное развитие на основе политико-идеологических основах марксизма-ленинизма советское государство началось лишь после окончания Великой Отечественной войны, тогда наблюдалось довольно активное социально-экономическое развитие, несколько позже, после смерти Сталина, сопряженное в определенным смягчением политического режима (известная хрущевская «оттепель»). Однако с середины 1960-х гг. стало наблюдаться замедление

развития, получившее в истории название «застоя», длившийся довольно долго – до середины 1980-х гг., когда началась «перестройка». В статье в этом контексте исследуется институт местных Советов в годы «застоя», учитывая, что именно на уровне местной власти непосредственно осуществлялась внутренняя политика советского государства. Анализируются решения монополично правящей тогда КПСС, касающиеся местных Советов, нормы конституций и других законов в данной сфере общественных отношений, а также научные труды, где затрагивается заявленная тема. Отмечается, в частности, что местные Советы имели подчиненную роль исполнителей партийных решений, так и не став действительным народовластием, и не случайно после распада советского государства (1991 г.) этот институт был упразднен.

Ключевые слова: государство, период «застоя», местные Советы, социально-экономическое развитие, КПСС, общество, власть.

Abstract

The Soviet state after the October Revolution had a rather contradictory development, which is understandable - after all, the Bolsheviks were building the world's first socialist state, and they did not have the corresponding experience of other countries. Thus, the stable planned development of the Soviet state based on the political and ideological foundations of Marxism-Leninism began only after the end of the Great Patriotic War, then there was a fairly active socio-economic development, somewhat later, after Stalin's death, associated with a certain softening of the political regime (the well-known Khrushchev "thaw"). However, since the mid-1960s, a slowdown in development began to be observed, which was called "stagnation" in history, lasting for quite a long time - until the mid-1980s, when "perestroika" began. In this context, the article examines the institution of local Councils during the years of "stagnation", taking into account that it was at the level of local government that the domestic policy of the Soviet state was directly implemented. The decisions of the then monopolistic ruling CPSU concerning local Councils, the norms of constitutions and other laws in this area of public relations, as well as scientific works that touch on the stated topic are analyzed. It is noted, in particular, that local Councils had a subordinate role as executors of party decisions, never becoming a real people's power, and it is no coincidence that after the collapse of the Soviet state (1991) this institution was abolished.

Keywords: state, period of "stagnation", local Councils, socio-economic development, CPSU, society, power.

Застойные явления в развитии советского государства, получившие название «застоя», в исторической литературе обычно определяются хронологически с середины 1960-х до середины 1980-х гг., и связывается прежде всего с тогдашним руководителем СССР, Генеральным секретарем монополично правящей КПСС Л.И. Брежневым. Причина застоя в значительной степени заключалась в том, что попытки ввести в экономку, по сути, некоторые рыночные элементы (т.н. «косыгинские» реформы), не сочетались с фундаментальными политико-идеологическими установками о незыблемости общенародной собственности, монополии КПСС как единственно руководящей политической силой и т.д. [1; 2] Одновременно не в лучшую сторону развивался административно-бюрократический аппарат, в частности, увеличивалась численность министерств, усложнялась отчетность, по которой оценивалась деятельность предприятий и организаций, стимулы к высокопроизводительному труду были явно недостаточными. Провозглашенные на весь мир на XXII съезде КПСС (1961 г.) планы скорого построения материально-технической базы коммунизма явно расходились с реальностью [3, с. 528] (ниже мы вернемся к решениям этого партийного съезда).

В этом контексте следует заметить, что в период «застоя» местные Советы осуществляли свою деятельность как при «сталинской» Конституции СССР 1936 г. (соответственно Конституции РСФСР 1937 г.), так и при «брежневской» Конституции СССР 1977 г. (Конституции РСФСР 1978 г.). Была также попытка создать в 1964 г. «хрущевскую» конституцию. Как отмечается в литературе, «в целом же общий анализ «Хрущевской

конституции» позволяет сделать вывод о том, что она отличалась намного большим демократизмом как от «сталинской», так и от «брежневской» конституций» [4, с. 72]. Добавим, что это касалось и института местных Советов, в частности, «конституционный проект создавал новое для СССР понятие прямого народовластия» - формы непосредственного участия граждан в управлении государством. Её объем и содержание являлись специфическими и не дублировались в конституционном праве советского периода» [5, с. 11]. И этот конституционный проект, как нам представляется, являлся своеобразным логическим завершением периода «оттепели», начало которого в истории определяется со второй половины 1950-х гг., когда после смерти Сталина новому советскому лидеру Н.С. Хрущеву удалось обрести реальную власть в стране. Однако проект Основного закона так и не был воплощен ввиду отставки Хрущева. Вместе с тем само решение о разработке новой союзной конституции (а также республиканских конституций - в случае, если бы «хрущевская конституция» была все же принята) свидетельствует о том, что существовавшее тогда положение с конституционно-правовым регулированием общественных отношений не удовлетворяло правящую элиту во главе с Н.С. Хрущевым.

Как представляется, указанный конституционный проект все же опережал сложившееся к тому времени общественное сознание в целом и интересы партийной номенклатуры, уже получившей определенные привилегии, в частности, это касается норм проекта «хрущевской конституции» о введении поста Президента СССР, о большей и реальной демократии в процессе выборов депутатов всех уровней, в том числе и депутатов местных Советов. Между тем в соответствии с программными установками КПСС, основанными на учении марксизма-ленинизма, предполагалось, что местные Советы в перспективе перестанут быть органами государственной власти и всецело превратятся в структуры общественной самодеятельности трудящихся, предназначенные для управления делами общества, без каких бы то ни было политических функций.

Партийная печать в своих призывах стимулировала этот процесс. Так, в одной из передовиц главного партийного журнала «Коммунист» отмечалось, что «насущные потребности коммунистического строительства, задачи подготовки условий перехода к коммунистическому самоуправлению требуют вовлечения в дело управления все более широких масс трудящихся, дальнейшего развития общественных, самодеятельных начал в Советах» [6, с. 5]. На эту тему было немало публикаций, например, статья Н.Р. Митронова [7, с. 8]. А уже в 1967 г., то есть практически с началом «застоя», и в связи с 50-летием социалистической революции советская печать опубликовала необычайно пафосное Обращение к советскому народу, где, в частности, указывалось: «Мы ставили своей задачей – создание нового, социалистического государства, новой, социалистической демократии, воплощающих власть народа и для народа. И мы выполнили эту задачу» [8]. На самом деле, конечно, задача не была выполнена, хотя некоторые позитивные сдвиги имели место, и прежде всего в части предоставления советских граждан социальных гарантий, в их числе можно назвать массовое строительство жилья (так называемых «хрущовок»), что позволило миллионам советских семей переселиться из бараков и коммунальных квартир в более благоустроенное жилье, строительство доступных для населения курортов и домов отдыха и т.д. Если же иметь в виду «социалистическую демократию» в узком смысле (в лице прежде всего Советов всех уровней, в том числе местных Советов), то она не только не способствовала предупреждению застойных явлений в развитии советского государства, а, напротив, в определенной степени усугубляла их, в частности, по причине отсутствия реальных возможностей для конструктивной критики проводимой в стране политики.

Кроме того, как справедливо указывается в литературе, попытки построения гражданского общества в коммунистическом будущем («самоуправление трудящихся») «носили еще крайне неуверенный, половинчатый характер и были во многом ориентированы на текущую политическую конъюнктуру» [9, с. 85]. Указанный и другие концептуальные положения, определявшие развитие института местных Советов, содержались в решениях упомянутого выше XXII съезда КПСС, на котором была принята новая редакция Программы

КПСС [10]. В этом документе указывалось, в частности, что «построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа. Решение задач строительства коммунизма осуществляется последовательными этапами. В ближайшее десятилетие (1961-1970 гг.) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма - США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток: все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня.

В планах провозглашалось также, что в 1971-1980 гг. будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР предполагалось в основном построить коммунистическое общество [10, с. 125-126]. На основе этого общего стратегического направления формулировались соответствующие задачи, которые ставились в области управления обществом, где Советы должны были иметь важнейшее значение. Так, в той же Программе КПСС была выделена специальная глава «Советы и развитие демократических принципов государственного управления» (глава 1 раздела III «Задачи партии в области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии»).

Указывалось, в частности, что «в ходе коммунистического строительства будет повышаться роль Советов, которые являются всеохватывающей организацией народа, воплощением его единства. Сочетая в себе черты государственной и общественной организации, Советы все более выступают как общественные организации при широком и непосредственном участии масс в их деятельности. Партия считает необходимым совершенствовать формы народного представительства и развивать демократические принципы советской избирательной системы» [10, с. 201]. Далее отмечалось, что при выдвижении кандидатов в депутаты Советов необходимо «обеспечивать самое широкое, всестороннее обсуждение на собраниях и в печати личных и деловых качеств кандидатов, чтобы выбирать наиболее достойных и авторитетных. Для улучшения работы Советов и притока в них новых сил с тем, чтобы школу управления государством проходили новые миллионы тружеников, целесообразно при каждом выборах обновлять не менее одной трети состава депутатов Советов» [10, с. 202].

Однако и это программное положение так и не было воплощено в жизнь. Помимо ротации рядовых депутатов, Программа КПСС предписывала «в целях привлечения в руководящие органы более широкого круга способных людей, а также для того, чтобы исключить возможность злоупотребления властью со стороны отдельных работников государственного управления» [10, с. 202], систематически обновлять состав руководящих органов. Предлагалось установить принцип, согласно которому руководящие работники общесоюзных, республиканских и местных органов могли бы избираться на свои должности, как правило, не более чем на три срока подряд. Однако «в тех случаях, когда личные дарования работника, по общему мнению, делают полезной и необходимой его дальнейшую деятельность в руководящем органе, может допускаться его переизбрание. При этом избрание считается действительным не простым большинством, а лишь при условии, если за кандидата будет подано не менее трех четвертей голосов» [10, с. 203].

Данное предложение также не было выполнено. Далее в Программе КПСС подчеркивалось, что «каждый депутат Совета должен активно участвовать в государственной деятельности и выполнять определенную работу» [10, с. 203]. Отмечалось также, что должна повышаться роль постоянных комиссий Советов – на их решение должно было «постепенно передаваться все большее число вопросов, находящихся в компетенции управлений и отделов исполнительных органов» [10, с. 203]. Однако такой подход был явно нереальным. Дело в том,

что депутаты местных Советов работали на общественных началах, и осуществлять текущую управленческую и распорядительную деятельность по решению многочисленных вопросов местного значения в таком режиме просто невозможно. Здесь же заметим, что эта проблема и в настоящее время является актуальной. Так, и сегодня, как и в годы «застоя», депутаты представительного органа муниципального образования осуществляют свои полномочия, как правило, на непостоянной основе. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что именно в начале периода «застоя» было реанимировано понятие «местного самоуправления» применительно к советской действительности, а если еще точнее, то применительно к местным органам власти. Так, в Программе КПСС указывалось, что «расширятся права местных Советов депутатов трудящихся (местного самоуправления). Они будут окончательно решать все вопросы местного значения» [10, с. 204]. Это был именно тот принцип, который в настоящее время действует при определении полномочий органов местного самоуправления с соответствующим закреплением в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11].

В Программе КПСС говорилось и других аспектах общественных отношений, в которых местным Советам депутатов трудящихся отводилось важнейшее значение. Выработанные на высшем партийном форуме концептуальные подходы предопределили появление соответствующих законодательных актов. Так, 8 апреля 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Примерное положение о сельских, поселковых и районных Советах, в тот же день был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», а 19 марта 1971 г. - «Об основных правах и обязанностях районных и районных в городах Советов депутатов трудящихся». Эти акты, в совокупности получившие название реформы системы местных Советов, по мнению С.А. Авакьяна, «модернизировали нормативную базу в данной сфере и сыграли весомую роль в правовом регулировании деятельности местных Советов» [12, с. 90].

Соответствующие акты принимались также в союзных республиках, в том числе в РСФСР, о которых подробнее речь пойдет ниже. Вместе с тем крупным недостатком законодательных актов, регулировавших статус местных Советов, было то обстоятельство, что они «изобиловали общими декларациями, в них содержалось мало конкретных норм, которые бы обеспечивали реальное повышение их роли в руководстве хозяйственным и социально-культурным строительством на своей территории, не содержали достаточных гарантий высокой миссии органов народовластия. В целом размах и обстоятельность данной реформы не дали ожидаемого эффекта, имело место противоречие между общим прогрессом нормативно-правовой модели Советов в направлении демократизации, расширения их функций и реальной практикой, которая новые законы одобряла, но не выполняла» [13, с. 94]. Нельзя не видеть, что такого рода оценки перекликаются с характеристикой «застоя» в более широком плане, о которой говорилось выше. Однако заметим, что такие оценки стали даваться лишь после распада СССР в 1991 г., как говорится, постфактум, а тогда реформа местных Советов в юридической литературе оценивалась позитивно, что видно, в частности, по приведенному суждению С.А. Авакьяна; собственно, по-другому в период «застоя» и не могло быть, поскольку, несмотря на конституционные декларации о свободе слова, в действительности средства массовой информации находились под полным контролем партийных органов.

Следующий этап развития местных Советов в нашей стране был связан с принятием Конституции СССР 1977 г. [14] (и соответственно Конституции РСФСР 1978 г. [15]). В целом в Конституции СССР 1977 г. внимание акцентируется на определенном развитии демократических основ, в частности, вводилась норма о возможности проведения референдумов. Однако сразу же следует заметить, что данная и иные нормы о более демократичном развитии советского общества так и останутся «на бумаге», поскольку не

менялись исходные фундаментальные политико-идеологические опоры советского государства (руководящая роль КПСС, социалистическая плановая экономика, общенародная собственность на средства производства и др.). Но чисто формально нормы Конституции СССР усиливали государственно-властную природу местных Советов народных депутатов, в том числе подчеркивалась ответственность Советов на положение дел на соответствующей территории, местные Советы получали больше полномочий по отношению к тем предприятиям и организациям, которые располагались на их территории. Так, в ст. 46 Конституции СССР указывалось, что «местные Советы народных депутатов решают все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета, проводят в жизнь решения вышестоящих государственных органов, руководят деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов, участвуют в обсуждении вопросов республиканского и общесоюзного значения, вносят по ним свои предложения. Местные Советы народных депутатов руководят на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждают планы экономического и социального развития и местный бюджет; осуществляют руководство подчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями; обеспечивают соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан; содействуют укреплению обороноспособности страны» [14]. Согласно ст. 148 Конституции СССР «местные Советы народных депутатов принимают решения в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Союза ССР, союзной и автономной республики. Решения местных Советов обязательны для исполнения всеми расположенными на территории Совета предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами» [14].

Кроме того, в Основном законе страны было закреплено, что исполнительными и распорядительными органами в системе местных органов власти исполнительные комитеты (исполкомы), избираемые из числа местных депутатов на сессиях местных Советов, при этом исполкомы как самому местному Совету (в лице депутатов), так и вышестоящему исполнительному органу. Здесь, на наш взгляд, обнаруживаются как позитивная, так и негативная нормы. Позитивная норма заключалась в том, что исполкомы состояли из избираемых народом депутатов, соответственно решения исполнительной власти по вопросам местного значения опирались, хотя и косвенно, на мнение населения областей, городов, районов, поселков и сел. И в этом смысле, как представляется, этот опыт целесообразно перенять действующему сейчас в России институту местного самоуправления, где представительная и исполнительная ветви власти неоправданно, разделены (следует напомнить в этой связи в системе местного самоуправления Российской империи в во второй половине XIX – начале XX в. земские (городские) управы как исполнительные органы также формировались из числа гласных (депутатов), то есть советская власть в этом отношении восприняла опыт империи.

Вместе с тем эту позитивную норму перечеркивала негативная норма, которая заключалась с полномочиях вышестоящих Советов отменять в административном порядке решения нижестоящих Советов, то есть допускалось определенное недоверие к местным Советам. Здесь же заметим, что в конце 1970-х гг. были изменены союзные и республиканские законы, определявшие статус местных Советов - в соответствии с Конституцией СССР 1977 г. Как видно, формально имела место демократическая основа советского общества. Однако в стране в период «застоя» функционировала всего одна партия – КПСС, и ее монопольное положение было закреплено в Конституции СССР 1977 г., где партия была определена как «руководящая и направляющая сила советского общества» (ст. 6). Соответственно все без

исключения политические и государственные структуры занимали по отношению к КПСС подчиненное положение. Применительно к местным Советам депутатам это выражалось в том, что областные, городские и районные Советы депутатов свою деятельность основывали на руководящих указаниях съездов КПСС, областных, городских и районных конференций КПСС.

В частности, партийные структуры как правило утверждали руководящие кадры местных Советов, одобряли списки кандидатов в депутаты во время выборов в местные Советы и т.д. При таком положении местные Советы двигались в своем развитии вслед за партийными структурами. И когда в СССР наблюдались негативные застойные явления, например, в той же экономике, то местные Советы (как и в целом все Советы, то есть включая союзные и республиканские структуры) не становились инициаторами исправления недостатков, поскольку они не определяли внутреннюю политику, а лишь исполняли ее, а важнейшие же решения принимались в Политбюро ЦК КПСС, если иметь в виду текущую деятельность, и на партийных съездах, если иметь в виду стратегию общественного развития, и на этот счет имеются работы, в том числе со-временных авторов [16; 17; 18 и др.]. Такая ситуация принципиально не менялась до известной горбачевской «перестройки» (1985-1991 гг.), когда вновь была предпринята попытка вслед за экономикой «вдохнуть» новые демократические идеи в деятельность местных Советов, однако ни экономика, ни местные Советы, развившиеся долгое время в период «застоя», оказались уже неререформируемыми в прежней политико-партийной парадигме, и после 1991 г. они ушли в историю.

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М.: Филос. об-во СССР, 1991. Т.1. 699 с.
2. Мау В.А. Экономика застоя: путь в никуда <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/ekonomika-zastoya-put-v-nikuda.html> (дата обращения: 13.05. 2024).
3. Клешов С.В., Волобуев О.В. и др. Наше Отечество (опыт политической истории. Часть II). М.: Терра, 1991. 624 с.
4. Гагауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. «Хрущевская конституция»: путь нового конституционализма // Известия Саратовского университета. Серия: «Экономика. Управление. Право». 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 63-72.
5. Згоржельская С.С. Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 211 с.
6. Советы и строительство коммунизма: передовая статья // Коммунист. 1962. № 2. С.3-14.
7. Митронов Н.Р. За повышение роли Советов в коммунистическом строительстве // Советы депутатов трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1961. С. 5-12.
8. Обращение «К советскому народу, ко всем трудящимся Союза советских социалистических республик». ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, СМ СССР // Литературная газета. 1967. 5 ноября.
9. Пыжиков А. В. Модель «общенародного государства» // Свободная мысль. 1999. № 12. С. 83-91.
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XXII съездом КПСС 28 октября 1961 г.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1986. С. 125-228.
11. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024 // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 29.08.2024).
12. Авакьян С. А. Правовое регулирование деятельности Советов (конституционные основы, теория, практика). М.: МГУ, 1980. 176 с.
13. Выдрин И. В. Местное самоуправление в Российской Федерации: от идеи к практике (конституционно-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук.. Екатеринбург, 1998. 276 с.
14. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. N 41. С. 617.
15. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации - России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. N 15. Ст. 407.
16. Тулупов Н.С. Партийный и государственный контроль в условиях советской ведомственности: от эпохи застоя к перестройке (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. - Москва : ИНИОН РАН, 2024. № 2. С. 49-67.
17. Паин Э.А. (2023) Национализм под покровом стабильности: изучение латентных факторов дезинтеграции СССР (уроки брежневской эпохи) // Мир России. Т. 32. № 1. С. 87-108.
18. Стрекалов И.Н. О Разномыслии советских граждан в ходе создания третьей союзной конституции // Новейшая история России. 2023. № 2. С. 401-423.

Упоров И.В.**Местные советы в годы «застоя» после конституции СССР 1977 года:
организационно-структурные аспекты***Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-278

Аннотация

Система Советов депутатов, избираемых населением, функционировала с самого начала существования советского государства (1917 г.) до его распада в 1991 г. За эти семьдесят четыре года организационно-правовой статус Советов, сохраняясь в своей основе, некоторым образом трансформировался; при этом система Советов включала в себя все уровни: местные Советы (от сельсоветов до краевых и областных и краевых Советов); Верховные Советы автономных и союзных республик; Верховный Совет СССР как высший орган государственной власти в СССР. В статье рассматриваются особенности организации деятельности местных Советов народных депутатов с конца 1970-х, то есть от принятия последней союзной Конституции СССР 1977г. и до начала 1980-х гг., что хронологически является завершающей частью периода, именуемый в истории советского государства как «застой» (при этом произошло изменение названия Советов – до принятия в 1977 г. они именовались «Советами депутатов трудящихся», а затем – «Советами народных депутатов»). Выявляются и раскрываются основные структурные формы, посредством которых местные Советы реализовывали свои полномочия (сессии местных Советов, депутатские комиссии, исполнительные комитеты, деятельность отдельных депутатов и др.). Соответственно анализируются нормативно-правовые акты, регулировавшие организационно-структурные аспекты деятельности местных Советов народных депутатов, а также научные труды, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, в частности, что местные Советы народных депутатов в соответствии с законом обладали значительными полномочиями как органы государственной власти на местах, однако в реальности далеко не всегда могли эффективно их использовать; дается объяснение этому явлению.

Ключевые слова: советское государство, местные Советы, власть, депутаты, общество, сессия, полномочия, структура, формы.

Abstract

The system of Councils of Deputies elected by the population functioned from the very beginning of the Soviet state (1917) until its collapse in 1991. During these seventy-four years, the organizational and legal status of the Councils, while remaining essentially the same, was transformed in some way; the system of Councils included all levels: local Councils (from village councils to regional and provincial and provincial Councils); Supreme Councils of autonomous and union republics; the Supreme Soviet of the USSR as the highest body of state power in the USSR. The article examines the specifics of the organization of the activities of local Councils of People's Deputies since the end of the 1970s, that is, from the adoption of the last union Constitution of the USSR in 1977. and until the early 1980s, which chronologically is the final part of the period known in the history of the Soviet state as "stagnation" (at the same time, the name of the Soviets changed - before their adoption in 1977, they were called "Soviets of Workers' Deputies", and then - "Soviets of People's Deputies"). The main structural forms by which local Soviets exercised their powers are identified and disclosed (sessions of local Soviets, deputy commissions, executive committees, activities of individual deputies, etc.). Accordingly, the normative legal acts regulating the organizational and structural aspects of the activities of local Soviets, as well as scientific works that touch on the stated topic are analyzed. It is noted, in particular, that local Soviets, in accordance with the law, had significant powers as local government bodies, but in reality they were far from always able to use them effectively; an explanation is given for this phenomenon.

Keywords: Soviet state, local councils, power, deputies, society, session, powers, structure, forms.

В литературе отмечается, что общий период «застоя» в развитии советского государства (середина 1960-х – начало 1980-х гг.) характеризуется «попыткой смещения господствующих ценностей от романтической мечты о завтрашнем дне к идеалу спокойной социальной удовлетворенности достигнутым» [1, с. 589]. Отражением такого подхода стало принятие в рассматриваемой в статье завершающей хронологической части «застоя» Конституции СССР 1977г. [2] (и соответствующие республиканские конституции, в том числе Конституция РСФСР 1978 г.), где советское государство было объявлено «общенародным» - с одновременным отходом от классовой риторики, присущей предшествовавшим советским конституциям, но с сохранением монопольно руководящей роли КПСС. В этом контексте следует отметить также расширение возможностей местных Советов народных депутатов как нижнего уровня государственной власти. Соответственно некоторым образом были расширены права советских граждан, которые избирали депутатов в местные Советы народных депутатов и через них решали актуальные вопросы областей, краев, городов и сел.

Свои полномочия местные Советы народных депутатов осуществляли в различных организационно-правовых и структурных формах. Рассмотрим более подробно основные из них. Так, важное значение в работе местных Советов имели постоянные комиссии Советов народных депутатов, поскольку эта форма деятельности местных Советов народных депутатов позволяла детально вникать в существо рассматриваемых вопросов [3, с. 28]. Правовые основы деятельности постоянных комиссий местных Советов народных депутатов были определены Конституцией СССР 1977 г., Конституциями союзных и автономных республик, законодательством о местных Советах народных депутатов. Однако в союзных законах о местных Советах народных депутатов полномочия постоянных комиссий были сформулированы в самой общей форме. Так, в Конституции СССР о них не упоминается. А в ст. 35 Закона СССР «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» было предусмотрено лишь создание постоянных комиссий для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению Совета народных депутатов, а также для содействия проведению в жизнь решений Совета [4].

Что касается законодательства союзных республик, то в нем этот вопрос регулировался более подробно. Так, Конституция РСФСР 1978 г. [5] хотя, в отличие от Конституции РСФСР 1937 г. не детализировала количество и наименование постоянных комиссий местных Советов народных депутатов, тем не менее, определяла их статус в ст. 137: «Местные советы народных депутатов избирают из числа депутатов постоянные комиссии для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению местных Советов, а также для содействия проведению в жизнь решений Советов, контроля за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. Рекомендации постоянных комиссий местных Советов подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными и общественными органами, предприятиями, учреждениями и организациями. О результатах рассмотрения или о принятых мерах должно быть сообщено комиссиям в установленный срок» [5].

Более подробно эти вопросы регулировались в законах, где конституционные нормы находили свое развитие. В частности, в ст. 49 Закона РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов в РСФСР» в отношении областного Совета указывалось, что он «образует мандатную комиссию, планово-бюджетную комиссию, комиссию по социалистической законности и охране общественного порядка, а также постоянные комиссии по другим вопросам государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства» [6]. Помимо указанных, Совет народных депутатов мог образовывать и иные комиссии. Тот же открытый перечень определял и Закон РСФСР «О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР» [7]. Постоянные комиссии местных Советов народных депутатов

проводили довольно активную работу. Так, в 1982 г. постоянными комиссиями или с их участием было подготовлено на рассмотрение сессий Советов народных депутатов 582 тысячи вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Ими сделано на сессиях свыше 317 тысяч докладов и содокладов. Кроме того, с участием постоянных комиссий подготовлено на рассмотрение исполкомов местных Советов народных депутатов около 859 тысяч вопросов. Отчиталось перед Советами о своей работе 30,5 % постоянных комиссий [8, с. 5].

К примеру, применительно к деятельности местных Советов народных депутатов, в том числе их постоянных комиссий в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» [9], шла речь о настоятельной необходимости охраны общенародного достоинства от бесхозяйственности, расточительства и расхищения, указывалось, что в этой сфере не должны оставаться в стороне постоянные комиссии местных Советов народных депутатов. В советской литературе рассматриваемого периода в этой связи отмечалось, что «для постоянных комиссий городских, районных в городе и районных Советов народных депутатов характерно решение наиболее конкретных вопросов охраны народного добра на территории своего Совета народных депутатов в области торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства и др., а также согласованность предлагаемых мероприятий с работой отделов, управлений исполкомов, взаимодействие с органами народного контроля, профсоюзными органами, добровольными народными дружинами, товарищескими судами трудовых коллективов и другими органами общественной самодеятельности» [10, с. 23]. На 1 января 1980 г. число постоянных комиссий местных Советов народных депутатов составило 331701; в них входило 1805378 депутатов указанных Советов (свыше 80% общего состава Советов народных депутатов). В работе постоянных комиссий участвовало свыше 2,7 млн. активистов [8, с. 23]. Немаловажное значение постоянными комиссиями местных Советов народных депутатов придавалось организации работы добровольных пожарных дружин, групп и постов народного контроля при поселковых и сельских Советах народных депутатов, домовых и квартальных комитетах.

Вместе с тем постоянные комиссии местных Советов народных депутатов, равно, как депутатские группы и депутатские посты (могли создаваться на крупных предприятиях, которые, однако, применялись реже) зачастую работали формально, поскольку существенного влияния на окончательные решения местных Советов народных депутатов они не имели. В этой связи нужно заметить, что основной формой работы Советов народных депутатов были сессии Советов народных депутатов, то есть, общие заседания депутатов, которые коллегиально и принимали окончательные решения по вопросам, относящимся к компетенции местных Советов народных депутатов. На сессиях рассматривались и решались важнейшие вопросы, отнесенные к ведению соответствующих Советов, избирались постоянные комиссии, создавались исполнительные и распорядительные, а также другие подотчетные им органы. В соответствии с упомянутыми выше Законами РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов в РСФСР» и «О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР» сессии краевого, областного, городского и районного Советов народных депутатов созывались исполнительным комитетом не реже четырех раз в год. Вопросы на рассмотрение сессии Совета народных депутатов вносились исполнительным комитетом, постоянными комиссиями и депутатами Совета.

Кроме того, предложения к повестке дня сессии могли представляться органами общественных организаций, а также Советами народных депутатов нижестоящего уровня. Совет народных депутатов правомочен был рассматривать и решать на сессиях любые вопросы, отнесенные к его ведению союзным и республиканским законодательством. Решения на сессии принимались открытым голосованием большинством от общего числа депутатов Совета народных депутатов. В соответствии с законодательством, содержащиеся в решениях областного Совета предложения и рекомендации в адрес расположенных на его территории предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения должны были быть

рассмотрены руководителями этих организаций, а результаты рассмотрения сообщены Совету народных депутатов или его исполнительному комитету не позднее чем в двухнедельный срок. Совет народных депутатов и его исполнительный комитет в случае невыполнения их решений руководителями предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения входили в соответствующие вышестоящие органы с представлениями о наложении на этих руководителей дисциплинарных взысканий вплоть до освобождения их от занимаемых должностей. Результаты рассмотрения представлений должны были быть сообщены Совету народных депутатов или его исполнительному комитету не позднее чем в месячный срок. Решение Совета народных депутатов в случае несоответствия его закону могло быть отменено вышестоящим Советом. Депутаты принимали активное участие в обсуждении вопросов, рассматриваемых Советами народных депутатов. Так, в 1982 г. на сессиях выступали более 1,5 миллиона депутатов, или 65,7 процента от их общего числа. Широко используя предоставленное законодательством право запроса к исполкомам, их органам, а также к руководителям предприятий, учреждений и организации, депутаты внесли на сессиях свыше 75 тысяч запросов [8, с. 6].

При этом, как показывает анализ практики, основной массив выполняемой местными Советами народных депутатов работы приходился на низовые уровни местных органов государственной власти (городские, районные, поселковые и сельские Советы народных депутатов). К примеру, на сессиях местных Советов в 1982 г. всего было рассмотрено 879 254 вопроса, касающихся деятельности местных Советов народных депутатов, при этом основное количество таких вопросов приходилось на сессии сельских Советов народных депутатов – 701 963 вопроса и на сессии поселковых Советов народных депутатов – 70 581. На долю городских, районных в городах, районных, краевых, областных Советов народных депутатов приходилось чуть более 100 тыс. вопросов [8, с. 7]. Основное количество рассмотренных вопросов – вопросы сельского хозяйства, землепользования, водопользования, лесного хозяйства и охраны природы – 14,4 %. На втором месте – вопросы, касающиеся планов экономического и социального развития, а также бюджетно-финансовые вопросы – 13,8 %. Значительно меньше внимания сессии местных Советов уделяли вопросам жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства – 3,2 %. Вопросам здравоохранения и социального обеспечения – 2,2 %, вопросам торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения – 3,8 % [8, с. 8].

Указанные вопросы отражали проблемы, которые были актуальными. Однако в СМИ меньше говорили о проблемах, а больше об успехах местных Советов народных депутатов, что было характерно для периода «застоя». Громкими заявлениями о работе местных Советов народных депутатов пестрили газеты и радиопередачи. Регулярно издаваемые статистические сборники переводили в цифры работу местных Советов народных депутатов, в таком виде успехи местных Советов народных депутатов выглядели более значительными. Указывалось, в частности, что 1980 – 1982 гг. выполнено свыше 730 тысяч наказов, или 91,5 %. В 1982г. на сессиях местных Советов отчитался 51 251 исполком, или 99,4 %. На собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан отчитался 51 491 исполком, или 99,9 %. По отчетам исполкомов проведено свыше 360 тысяч собраний, в которых приняли участие 57,4 миллиона человек. Кроме того, состоялось 119 тысяч собраний, на которых отчитались 55 794 (97 %) отдела и управления исполкомов краевых, областных, окружных, районных и городских Советов народных депутатов. На этих собраниях присутствовал 21 миллион человек. На общественных началах при исполкомах местных Советов народных депутатов функционировало 10 994 внештатных отдела, в составе которых работали 91 798 внештатных работников. В штатных отделах и управлениях исполкомов Советов народных депутатов на общественных началах работали свыше 410 тысяч инструкторов и инспекторов [8, с. 9]. Приводились и многие другие цифры, которые должны были показать высокоэффективную работу местных Советов народных депутатов.

Но масса таких цифр были больше похожи «приглаженную» формальную ответственность, и такой «показухе» во многом способствовали и партийные лозунги, в том

числе принятые на самом высоком уровне. Так, в докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии отмечалось, что «с принятием Конституции СССР в 1977 г., а затем конституций союзных и автономных республик начался новый этап в работе Советов народных депутатов. В их деятельности появилось много нового, интересного. Не снижая внимания к вопросам местного хозяйства, обслуживания населения, они вносят все больший вклад в обеспечение комплексного характера экономического и социального развития» [11, с. 65]. О проблемах тоже указывалось, но без акцентирования на них внимания.

Но говорить о недостатках на рубеже 1980 г. уже было нельзя, поскольку проблемы все более и более обострялись. И на уровнях ниже Съезда КПСС их стали обсуждать все чаще, предлагались и меры по решению проблем. Так, в специальном совместном Постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР [12] с целью устранения имеющихся недостатков местным Советам народных депутатов (областного и краевого уровня) предоставлялись дополнительные полномочия, в частности, право вносить в соответствующие министерства и ведомства предложения о производстве на подчиненных им предприятиях товаров народного потребления. Однако, к тому времени общественно-политическая обстановка в СССР вкладывалась таким образом, что такого рода меры не могли кардинально изменить положение к лучшему.

Соответственно местные Советы народных депутатов в первой половине 1980-х гг. представляли собой некий неработоспособный придаток государственной власти, хотя и наделенный властными полномочиями, но не способный эти полномочия формировать и реализовывать. По поводу причин низкой эффективности работы местных Советов народных депутатов существуют разные точки зрения. Одни (В.С. Основин, П.И. Евсеев) считают, что на эффективности работы местных Советов сказывалась невысокая активность депутатов, которая происходила в результате недостатков при подборе кандидатов в депутаты в период избирательной кампании, неполного осуществления депутатами своих полномочий, недостаточного внимания, которое уделяли исполкомы обучению депутатов [13, с. 7]. Другие авторы (М.Н. Матвеев) причинами неэффективности называют «всцелую зависимость от КПСС, всесильных министерств и ведомств» [14, с. 126]. Третьи (А.Ф. Хутин) указывают на отсутствие полномочия местных Советов и дублирование их работы как партийными органами, так и должностными лицами [15, с. 333]. По этому и другим аспектам деятельности местных Советов народных депутатов есть и другие суждения, в том числе в публикациях последних лет [16; 17; 18; 19 и др.].

Очевидно, каждая точка зрения в какой-то мере объективно отражала положение дел. Очевидно и то, что вся эта советская система на практике дополнялась параллельно функционировавшей партийно-номенклатурной системой, которая зачастую подменяла Советы народных депутатов. Поэтому, несмотря на то, что в исследуемый период было принято значительное число законодательных актов, наделяющих местные Советы народных депутатов все новыми и новыми правами, рассмотренные выше формы их деятельности по многим аспектам оставались неэффективными, что отражало в целом нарастание социально-экономического кризиса, обусловивший известную, горбачевскую «перестройку», в которой местные Советы народных депутатов не сумели ответить на вызов времени и с распадом СССР в 1991 г. были упразднены, будучи замененными современным институтом местного самоуправления.

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Том I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 804 с.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. N 41. Ст. 617.
3. Чехарин И.М. Постоянные комиссии местных Советов. М.: Юрид. лит., 1975. 176 с.
4. Закон СССР от 25.06. 1980 г. «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 27.

5. Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. N 15. ст. 407.
6. Закон РСФСР от 20.11.1980 "О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР" // Ведомости ВС РСФСР. 1980. N 48. Ст. 1593.
7. Закон РСФСР от 29.07.1971 (ред. от 03.08.1979) "О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР" // Ведомости ВС РСФСР. 1971. N 31. Ст. 654; 1979. № 32. Ст. 786.
8. Некоторые вопросы организационной работы местных Советов народных депутатов в 1982 г.: стат. сб. М.: Известия. 1983. 54 с.
9. Постановление ЦК КПСС от 10.09. 1979 «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» // Правда. 1979. 11 сентября.
10. Кронский В.С. Правовое регулирование деятельности постоянных комиссий местных Советов по охране социалистической собственности // Правоведение. 1982. № 1. С. 21 – 27.
11. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. 676 с.
12. Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 19.03. 1981 г. «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 13.
13. Основин В.С., Евсеев П.И. Организационно-правовые проблемы повышения эффективности работы местных Советов // Правоведение. 1985. № 1. С. 5-9.
14. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977-2003 годах: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2006. 472 с.
15. Хутин А.Ф. Местные Советы народных депутатов: особенности и противоречия их развития в 70-80-е годы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992. 496 с.
16. Тулупов Н.С. Партийный и государственный контроль в условиях советской ведомственности: от эпохи застоя к перестройке // Социальные и гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 49-67.
17. Сухова О. А. Обсуждение конституционного проекта 1977 г. и формирование советской идентичности (на примере Пензенской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 129-138.
18. Мамяченков В. Н. Производство товаров широкого потребления промышленностью Среднего Урала в 1971-1980 годах // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 482-498.
19. Манкевич Д. В. Достижения и проблемы калининградского здравоохранения в период «развитого социализма» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 59-69.

Упоров И.В.

**Правительствующий сенат как орган государственного управления
Российской империи при Анне Иоанновне**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-279

Аннотация

Правительствующий сенат как орган государственного управления в Российской империи был создан, как известно, в годы правления Петра Великого, и его статус в этот период в историко-правовой литературе исследован достаточно подробно (в числе авторов соответствующих научных трудов Е.А. Чекурда, П.И. Кононов, Л.В. Липунова, Д.В. Соколов, С.О. Петровский, А.Н. Филиппов и др.). В меньшей степени деятельность Сената изучена в последующие годы XVIII в. В статье с организационно-правовой точки зрения рассматриваются полномочия, структура и механизм функционирования Правительствующего Сената (далее также – Сенат) в годы правления императрицы Анны Иоанновны (1730-е гг.). Анализируются нормативно-правовые акты, регулировавшие статус Сената, а также публикации, в которых затрагивается заявленная тема. Показываются причины, по которым Анна Иоанновна решила восстановить полномочия Сената, которые, после Петра Великого, были значительно уменьшены Верховным тайным советом, раскрывается порядок рассмотрения дел в Сенате и другие аспекты в деятельности Сената. В результате Правительствующий сенат стал существенным органом управления в Российской империи рассматриваемого периода, имея властные полномочия, уступающие только императрице.

Ключевые слова: Правительствующий Сенат, Анна Иоанновна, Российская империя, полномочия, департамент, указ.

Abstract

The Governing Senate as a body of state administration in the Russian Empire was created, as is known, during the reign of Peter the Great, and its status during this period has been studied in sufficient detail in historical and legal literature (among the authors of relevant scientific works are E.A. Chekurda, P.I. Kononov, L.V. Lipunova, D.V. Sokolov, S.O. Petrovsky, A.N. Filippov, and others). To a lesser extent, the activities of the Senate have been studied in the subsequent years of the 18th century. The article examines the powers, structure and mechanism of functioning of the Governing Senate (hereinafter also referred to as the Senate) during the reign of Empress Anna Ioannovna (1730s) from the organizational and legal point of view. The article analyzes the normative legal acts that regulated the status of the Senate, as well as publications that touch upon the stated topic. It shows the reasons why Anna Ioannovna decided to restore the powers of the Senate, which, after Peter the Great, were significantly reduced by the Supreme Privy Council, and reveals the procedure for considering cases in the Senate and other aspects of the Senate's activities. As a result, the Governing Senate became an important governing body in the Russian Empire of the period under consideration, having powers second only to the Empress.

Keywords: Governing Senate, Anna Ioannovna, Russian Empire, powers, department, decree.

Изначально Сенат имел статус органа государственного управления Российской империи с административными, контрольными и судебными функциями, выше его по полномочиям являлся только сам император. Однако после смерти Петра Великого политическая ситуация в стране изменилась, появился известный Верховный тайный совет, соответственно значимость Сената была принижена [1, с. 192]. После прихода к власти Анны Иоанновны Верховный тайный совет был «уничтожен» и был «возстановлен по прежнему Правительствующий Сенат» - согласно Указу от 4 марта 1730 г. [2] Анна Иоанновна формально провозгласила возвращение Сенату его бывшее место в системе властеотношений («чтоб быть Сенату в такой силе, как был при Императоре Петре Великом»). И хотя фактически Сенату так и не удалось обрести прежнего влияния, что во многом было связано с учреждением Кабинета Министров, этот орган являлся важнейшим, по широте охвата государственных вопросов, органом государственной власти [3]. Рядом законодательных актов после восшествия Анны Иоанновны на престол была уточнена (расширена) его структура и в этих же и других актах нашли отражение полномочия Сената, хотя специально, отдельным перечнем они не закреплялись.

Рассмотрим основные акты в этой сфере. Так, указами от 1 июня 1730 г. [4] и от 17 июля 1730 г. [5] было предписано, по примеру других государств, все дела Сената разделить по разным Департаментам и каждому из них поручен был особый род дел – «для лучшего порядочного, основательнейшего и скорого управления дел, потому что от множества государственных и челобитчаковых дел, которые подлежали слушанию и решению всего собрания, недостовало столько времени, чтобы решать оные без продолжения и волокиты». Департаменты были следующими: а) Духовных Дел, сколько они касались ведомству Сената; б) Дел военных, морских и сухопутных; в) Дел, касавшихся финансового управления, доходов и расходов государственных; г) Юстиции; д) Дел купечества, государственных заводов, фабрик и бергверков. В каждом Департаменте должно было заседать четыре или пять Сенаторов, должность которых состояла в том, что при появлении какого-либо дела в Сенате, касавшегося их Департамента, они рассматривали это дело и «приготовляли» его для окончательного решения, затем с приложением своего мнения предлагали в Общее Присутствие Сената. Такое разделение Сената на Департаменты было во многом устраняло традиционную для российского чиновничества волокиту. Полное Собрание Сената должно было собираться каждую неделю два раза: во вторник и пятницу. При этом в первом заседании рассматривались дела частные, а во втором заседании – дела государственные.

Согласно новому устройству Сената изданы были многие правила, определяющие порядок делопроизводства, частью на основании прежних, а частью на новых узаконений. Так, в сенатском указе от 18 августа 1730 г. [6] довольно подробно, в деталях на уровне

должностных инструкций, регулировался документооборот в Сенате, которым должна была заправлять сенатская Канцелярия. Выслушанные и решенные дела записывались протоколистом в журнал. Протоколы имели силу окончательного решения только в том случае, когда они были подписаны всеми членами Правительствующего Сената, без чего никто не имел права приводить постановления в исполнение. Все бумаги, исходящие из Сената, подписывались Обер-Секретарями. При слушании спорных дел, взятых из Коллегий, Канцелярий и других присутственных мест, а также при решении апелляционных жалоб, присутствовали в Сенатской Конторе члены Коллегий, исключая той, на которую принесена была жалоба [7, с. 63]. Такое решение было принято в виде Высочайшей резолюции на доклад Сенатора Графа Салтыкова от 4 июля 1736 г. [8] и по предложению последнего. В этом же докладе обозначалась и еще одна проблема, связанная с тем, что Сенатская Контора в Москве ввиду смерти Генерал-поручика Панина и переводу на другое место службы Князя Баратынского и по причине того, что число «неправых» дел, рассматриваемых в Сенатской Конторе в Москве, неуклонно «множилось», была не в состоянии своевременно пропускать через себя эти дела. Исходя из этого, было решено, что для решения дел в Москве могли участвовать не Президенты Коллегий, а члены этих Коллегий, а Президентам Коллегий быть только «при их настоящих делах» [7, с. 64].

При рассмотрении дел, касающихся Военной Коллегии и войск приглашались Президент этой Коллегии (Генерал-Фельдмаршал Граф фон Миних), а при его отсутствии другие члены Коллегии и другие чиновники, имевшие отношение к делу. Эти и другие вопросы деятельности Сената были определены в Именном Указе, данном Сенату, от 5 сентября 1740 г. [9]. В этом же Указе регулировался и вопрос необходимости нераспространения без особой нужды сведений, содержащихся в указах, которые Сенат направлял для исполнения в инстанции и на места. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что как в этом, так и во многих других именных и сенатских указах, довольно часто делались ссылки на указы и другие акты, которые были приняты в петровскую эпоху, при этом подчеркивалась правильность, целесообразность и незыблемость таких актов, хотя они были приняты 15-20 лет назад. И это не случайно – Анна Иоанновна в государственных делах и законодательной деятельности опиралась прежде всего на петровское наследие и прямо на это указывала. В этой связи большинство государственных и правовых институтов в рассматриваемый период представляли собой обновленные и скорректированные акты времен Петра I.

Такой подход способствовал преемственности государственно-правового развития Российской империи [7, с. 65]. В рассматриваемый период законодатель особо оговаривал процедуру по делам, связанным с обвинением чиновников за «излишне против указов расходы», за что могло быть последовано «тяжкое осуждение и истязание». В подобных ситуациях согласно Указу от 20 марта 1735 г. [10] Сенат должен был «поставить свое мнение на Высочайшую Конфирмацию». Речь шла о том, что, начиная с 1732 г., все Коллегии и прочие государственные учреждения ежегодно должны были направлять в Ревизион-Коллегию «счета», то есть, выражаясь современным языком, ведомственные бюджетные доходы и расходы – «дабы все Наши доходы и государственные расходы б чинены были по указам нашим и Регламентам, с добрым смотрением и порядком» [10]. Предписывалось также, что даже в тех «счетах», которые посланы были, обнаружатся «лишние сверх Наших указов расходы», то Сенат должен был накладывать штрафы «без всякого послабления». Однако, очевидно, вряд ли этот указ был исполняем как положено, поскольку в документах Сената конкретные имена виновных в нарушении финансовой дисциплины не назывались.

Между тем для повышения эффективности своей деятельности Сенату необходима было больше информации с мест. С этой целью был издан сенатский указ от 1 декабря 1736 г. [11], в котором было обращено внимание на необходимость «скорого решения дел», для чего предписывалось присылать из всех присутственных мест губерний и провинций еженедельные ведомости в Сенат о решенных делах и статейные списки колодников и арестантов, дела по которым нужно было решать немедленно – под жестоким наказанием и «отнятием всех имений» в случае невыполнения. Как видно, и здесь потенциальная нерадивость чиновников

заставляла Сенат пугать их возможными карами, то есть, с исполнительной дисциплиной в сфере государственного управления далеко не все обстояло благополучно [7, с. 68].

Сенат выполнял также судебные функции, причем как судебный орган он являлся фактически высшей инстанцией, поскольку хотя Императрица как абсолютный властитель хотя и могла, конечно, отменить или изменить любое сенатское решение, но в практике этого не было, и, более того, «под опасением страшного наказания» запрещено было в чем бы то ни было подавать апелляцию Императрице. Исключение в рассматриваемый нами период было сделано в отношении Князя Константина Кантемира, по делу которого вследствие жалобы на несправедливое Сенатом решение, был учрежден особенный суд под названием «Высочайшего», состоявшего из пяти членов – знатных сановников и под личным контролем Императрицы. Этому Высшему суду предписывалось «списываться» с Кабинетом министров, а в Сенат, Коллегии и другие присутственные места посылать указы, по которым они немедленно должны были исполнять эти требования [12]. Вместе с тем Сенат должен был предоставлять на Высочайшую конфирмацию дела, по которым виновные подлежали тяжкому наказанию. В этом же контексте следует заметить, что во второй половине 1730-х гг. роль Сената в высших эшелонах власти была несколько снижена ввиду того, что императрица по ряду вопросов, в основном организационного характера, стал использовать Кабинет, созданный на основе ей прежней личной канцелярии [13, с. 14].

Далее заметим, что в рассматриваемый период была восстановлена должность генерал-рекетмейстера, который должен был принимать челобития о делах решенных в «противность указам» и нерешенных «по долговременности» и «вообще жалобы на неправильные решения низших присутственных мест». При нем состояла Рекетмейстерская Контора. По поданным челобитным Генерал-Рекетмейстер должен был собирать необходимые справки и другие документы и, сделав из них выписки, докладывать Сенату по мере такого приготовления, а не по времени поступления дел. Были определены процедуры при исполнении дел в Рекетмейстерской Конторе, которые вытекали из складывавшейся практики. Так, в именном Указе от 30 июля 1730 г. [14] в обоснование этих особенностей и в раскрытие их содержания отмечалось, в частности, что «правым челобитчикам от виноватых тягость и долговременная волокита, как уже из дел видно, что многие бьют челом и подают Рекетмейстеру челобитные, будто дела их вершены неправо, и когда по челобитью их дела к рассмотрению возмущаются, тогда за делом больше никто не ходят, а иные и с Москвы съезжают, или и указом Нашим куды посланы бывають, то без них выписок вновь делать не можно, понеже, яко челобитчикам, надлежало давать гербовую бумагу смотреть выписок, правильно ль делают. Сверх же того, когда б и выписки были уже сделаны, только вымышленно продолжают, будто того, или другого не выписано, и для того по многим посылкам рук не прикладывают, а потом такожде с Москвы съезжают, или куда указом Нашим посланы будут, и такое продолжение в убыток себе ставят, что покамест дела их вершатся, и хотя обвинены будут, однакож несколько лет деревнями или другим чем владели» [14].

В данном случае можно обнаружить злоупотребление правом. И законодатель попытался решить эту проблему, установив предписание не допускать такого злоупотребления. В этом предписании, однако, имелся очевиден пробел, связанный с тем, что Рекетмейстер должен был делать доклад сразу Сенату, то есть Общему Собранию Сената, а это заведомо означало, что всему Собранию Сената пришлось бы тратить много времени на рассмотрение частных жалоб, по которым имело лишь мнение одного должностного лица – Рекетмейстера, что на могло способствовать объективному решению дела. Кроме того, не учитывалось наличие Департаментов Сената – именно они, по общему правилу, а не отдельные должностные лица, могли входить в Общее Собрание Сената для окончательного решения дела [7, с. 72]. Этот пробел был обнаружен спустя весьма непродолжительное время, и исправлен в виде сенатского указа от 18 августа 1730 г. [6], где указывалось, в частности, что «по поданным и впредь подаваемых Генерал-Рекетмейстеру челобитным, которые надлежат к решению Правительствующего Сената, о чем надлежит чинить справки ему, и учиняя в Рекетмейстерской Конторе выписки, докладывать в департаментах, в котором и каком деле надлежит» [6].

Упраздненные ранее должности Генерал- и Обер-Прокурора также были восстановлены при Сенате с теми обязанностями, которые были в петровскую эпоху. В Манифесте от 2 октября 1730 г. указывалось: «Ныне в Коллегиях, Канцеляриях, в государственных делах слабое управление и челобитчики справедливого и скорого решения получить не могут и бедные от сильных утесняемы, обиды и разорения претерпевают. Но так как Петр Великий старался все искоренить, для чего в Сенате были Генерал-Прокурор, а в помощь ему Обер-Прокурор, а в Коллегиях и Надворных Судах были Прокуроры, поэтому чтобы решения были правильными и челобитчики были довольствованы прямым и нелицемерным судом, а государственные дела решались с ревностью и добрым порядком, без продолжения и убытка государственного, и вообще правление дел не на письмо исполнялось, а самым действием происходило и ныне быть при Сенате чину Генерал-Прокурора, а ему в помощь – Обер-Прокурора. а во всех Коллегиях и судебных местах Прокурорам по-прежнему» [15]. В целом в период правления Анны Иоанновны Сенат восстановил полномочия, которые имел в конце петровской эпохи, при этом его деятельность была усовершенствована с организационно-правовой точки зрения.

1. Филимонов Д.А. Трансформация высшей политической элиты России после Петра Великого в процессе «дворцовых переворотов»//Вестник университета. 2022. № 8. С. 188-195.
2. Манифест от 04. 03. 1730 г. «Об уничтожении Верховного Тайного Совета и Высокого Сената, и о восстановлении по прежнему Правительствующего Сената» // ПСЗ-1. № 5510.
3. Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е 60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 190-199.
4. Указ именной, данный Сенату, от 01. 06. 1730 г. «О разделении Сената на департаменты и о назначении каждому Департаменту особого рода дел» // ПСЗ-1. № 5570.
5. Указ сенатский от 17. 07. 1730 г. «О бытии в Департаментах Сената Секретарям, о смотре над ними Обер-Секретарям и о назначении дней для общего в Сенате Собрания» // ПСЗ-1. № 5587.
6. Указ сенатский от 18. 08. 1730 г. «О докладывании Генерал-Рекетмейстеру поданных челобитен, кои надлежат решению Сената, в Департаментах по принадлежности» // ПСЗ-1. № 5603.
7. Демьяненко М.А. Особенности абсолютизма как формы государственного правления и развитие правовой системы в период властвования императрицы Анны Иоанновны (1730 - 1740 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 194 с.
8. . Высочайшая резолюция на доклад Сенатора Графа Салтыкова от 04. 07. 1736 г. «О присутствии в Сенатской Конторе Членам Коллегий для решения спорных дел и апелляционных жалоб, и о наблюдении, чтобы Члены той Коллегии, на которую принесена жалоба, при рассмотрении того дела. в Конторе не присутствовали» // ПСЗ-1. № 7003.
9. Указ именной, данный Сенату, от 05. 09. 1740 г. «О приглашении в Сенат, при рассмотрении дел, касающихся до Военной Коллегии и войск, Президента оной Коллегии или прочих Членов, и о писании в указах, отправляемых из Сената в Коллегии, о тех только делах, которые до которой Коллегии принадлежат» // ПСЗ-1. № 8230.
10. Указ именной, данный Сенату, от 20. 03. 1735 г. «О доставлении счетов на определенные сроки, под опасением лишения движимого и недвижимого имущества, а по важности вины, и живота и о представлении Сенату с мнением на Высочайшую конфирмацию тех дел, по которым подлежат будут виновные, за излишние против указов расходы, тяжкому осуждению и истязанию» // ПСЗ-1. № 6713.
11. Указ сенатский от 01.12. 1736 г. «О присылке впредь из всех Присутственных мест, из Губерний и Провинций еженедельных ведомостей о решенных делах и статейных списках колодников» // ПСЗ-1 № 7114.
12. Указ Именной, данный Кабинету, от 29. 11. 1736 г. «Об учреждении Вышнего Суда для рассмотрения дела Лейб-Гвардии Поручика Князя Константина Кантемира с мачихою его, и о порядке сношения сего Суда с Кабинетом, Сенатом и прочими Судебными и Правительственными местами» // ПСЗ-1. № 7113.
13. Белова Т.А. Кабинет Анны Ивановны в системе государственного управления России // Вестник Томского государственного университета. Серия: "История". 2014. № 1 (27). С. 9-14.
14. Указ именной, в дополнение Рекетмейстерской инструкции 2 пункта от 30. 07. 1730 г. «О докладывании в Сенат апелляционных дел в подлинных экстрактах, учиненных в Коллегиях и о недопущении тяжущихся снова к рукоприкладству» // ПСЗ-1. № 5600.
15. Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция // Вестник Пермского университета. Серия: "История". 2016. № 4 (35). С. 34-43.

Хохлов Р.Р.**Влияние новейших технологий на политику государств***Кубанский государственный аграрный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-280

Аннотация

В статье анализируется влияние внедрения современных технологий на внутривнутриполитическую и внешнеполитическую составляющую государства. Приведены основные положительные и негативные аспекты влияния развития современных технологий на внутреннюю и внешнюю политику государства с подробным описанием каждого из аспектов. Даны реальные примеры негативных событий, реализованных благодаря современным технологиям и негативно повлиявших на политику государств на разных уровнях. Представлены практические рекомендации по наиболее безопасному и эффективному внедрению современных технологий в политическую сферу общества.

Ключевые слова: политика, государство, современные технологии, новейшие технологии, влияние технологий.

Abstract

The article analyzes the impact of the introduction of modern technologies on the domestic and foreign policy components of the state. The main positive and negative aspects of the impact of the development of modern technologies on the domestic and foreign policy of the state are given with a detailed description of each aspect. Real examples of negative events realized thanks to modern technologies and negatively affecting the policy of states at different levels are given. Practical recommendations for the safest and most effective introduction of modern technologies into the political sphere of society are presented.

Keywords: politics, government, modern technologies, latest technologies, influence of technologies.

Внутренняя и внешняя политика всегда были сложными и многогранными процессами, вне зависимости от каких-либо факторов. Однако, за последние 30 лет в жизнь каждого государства активно начали внедряться новые технологии, которые кардинально поменяли как жизнь и быт каждого человека, так и работу каждого государственного органа. Изменения эти коснулись и вопроса внешней политики, которая никогда не стоит на месте и постоянно развивается.

Важно отметить, что развитие технологий повлияло на внутривнутриполитические и внешнеполитические отношения как с положительной, так и с отрицательной стороны, поскольку развитые технологии открыли новые возможности как для ведения переговоров, торговли и обмена, так и для ведения войн, саботажа других государств и иных негативных действий по отношению к другим странам.

Начать стоит с определения того, какие положительные аспекты несет в себе внедрение цифровых технологий во внешнюю и внутреннюю политику. Можно выделить следующее:

- **Усиление сотрудничества и взаимосвязи:** современные технологии открывают новые возможности в сфере коммуникации, делая реальным общение лидеров прямо из своих стран, без необходимости во встрече; современные технологии дают возможность обмениваться технологическими и научными исследованиями; современные технологии создают платформу для общения между людьми разных стран и культур, что способствует культурному обмену и улучшению внешнеполитических отношений.
- **Улучшение качества жизни населения:** новейшие технологии дают возможность людям получать образование или проходить консультации со

специалистами из разных частей мира, при этом не выходя из дома, что позволяет перенять иностранный опыт и таким образом улучшить внешнеполитические отношения.

- **Усиление международной безопасности:** современные технологии дают возможность лидерам стран практически моментально обмениваться стратегической информацией, предупредить другие страны об опасности; новейшие технологии в области обороны дают возможность сдерживать другие страны от нападения.
- **Ускорение экономического развития:** создание и развитие новых технологий открывает новые рынки производства и, как следствие, новые возможности для торговли между государствами; новейшие технологии и их распространение создает новые рабочие места в сфере IT и иных сфер, что создаст спрос в специалистах, в том числе из-за рубежа; современные технологии способны повысить производительность в тех сферах государственной экономики, что получили свое развитие ещё до развития технологий.
- **Укрепление демократии:** новейшие технологии и их внедрение в сферу государственного управления позволяет людям проще и эффективнее влиять на государство и выразить свое мнение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные технологии открыли множество возможностей для улучшения внутренней и внешней политики. Важно отметить то, что последствия внедрения новейших технологий представляют из себя не только исключительно положительные аспекты, но и отрицательные.

Кроме положительных моментов внедрения технологий, можно отметить и отрицательные аспекты для внутренней и внешней политики. Среди рисков и трудностей можно обозначить следующие:

- **Усиленное неравенство между странами:** современные технологии быстро развиваются и обновляются, использование странами новейших технологий создает огромную пропасть между странами, чей технологический уровень менее развит; чрезмерное использование странами современных технологий может вызвать технологическую зависимость.
- **Экологические проблемы:** технические аварии, происходящие в ходе работы и технического обслуживания новейших технологий способны вызвать экологические катастрофы; создание новейших технологий требует большого количества ресурсов, добыча которых негативно сказывается на экологии.
- **Социальные проблемы:** использование современных технологий подразумевает автоматизацию производства, в связи с чем может возникнуть структурная безработица в некоторых видах деятельности; новейшие технологии требуют специального образования для того, чтобы обслуживать и использовать их, в связи с чем есть вероятность возникновения социального неравенства.
- **Проблемы с международным регулированием:** новейшие технологии требуют создания специализированного свода правил и норм, ограничивающих деятельность государств в области новейших технологий, специальных цифровых стратегий.
- **Угрозы нового уровня:** новейшие технологии открывают возможности к дестабилизации инфраструктуры, манипуляции общественным мнением и возможности к краже данных с любой точки мира; новейшие технологии позволяют оставаться анонимным, что дает возможность контрабандистам

покупать и сбывать оружие, запрещенные вещества и иные нелегальные предметы.

- **Широкое распространение фейков и дипфейков:** политические силы и медиа при помощи современных технологий обработки и анализа больших объемов данных (big-data) целенаправленно создают дезинформацию для воздействия на население, правительства и международные организации с целью манипуляции [1; 2].

Таким образом, можно понять, что современные технологии в области внутренней и внешней политики способны создать не только блага для общества и взаимоотношения между странами, но и множество проблем и опасностей, работать над которыми необходимо ещё с момента внедрения новейших технологий в политическую сферу государства.

Помимо вышеуказанных, теоретически возможных отрицательных аспектов, важно отметить реальные примеры ситуаций, возможность возникновения которых появилась с развитием современных технологий. Среди таких примеров можно перечислить следующие ситуации, возникшие по мере цифровизации глобальных процессов:

- **Террористические атаки с использованием цифровых технологий:** многие запрещенные группировки (например – ИГИЛ) используют социальные сети и сеть Интернет в целом для вербовки людей, распространения пропаганды и координации атак на государственные учреждения и гражданскую инфраструктуру.
- **Шпионаж, утечки важных данных:** современные технологии дают возможности для шпионажа одних стран за другими. В 2013 году произошел международный скандал, когда немецкое правительство получило информацию о том, что спецслужбы США отслеживали мобильный телефон канцлера ФРГ Ангелы Меркель.
- **Кибернетические атаки на цифровую инфраструктуру и государственные учреждения:** широкое использование современных технологий создает угрозу внедрения вируса и паралича инфраструктуры государства. Так, 27 июня 2017 году произошла глобальная атака вируса «NotPetya», что остановило работу большей части компаний и государственных учреждений в более чем 60-ти странах мира. Период парализации органов государственной службы варьируется от нескольких дней до нескольких недель. Ущерб, по примерным оценкам, составляет более 2 миллиардов долларов.

Таким образом, риски, появляющиеся с внедрением современных технологий, не являются чисто теоретическими и представляют из себя реальные, серьёзные экономические, информационные и иные потери, способные как просто доставить некоторые проблемы государственным органам, так и полностью парализовать их работу на несколько недель, что уже в свою очередь принесет государству огромные экономические, репутационные и политические издержки.

Исходя из всего вышеперечисленного можно составить следующие практические рекомендации по устранению проблем и рисков, связанных с внедрением современных технологий в политическую сферу государства:

- создание и поддержание норм и стандартов, регламентирующих и ограничивающих работу с современными технологиями;
- разработать и реализовать программу кибербезопасности;
- развивать цифровую инфраструктуру;
- проводить обучение населения в области цифровой грамотности;
- использовать возможности по международному сотрудничеству с целью обмена и улучшения технологического уровня.

При использовании каждой из вышеперечисленных рекомендаций отдельно или совместно возможно простое и безопасное внедрение современных технологий в сферу внутренней и внешней политики, что положительно отразится на всех сферах общества в целом. Следует отметить то, что некоторые из рекомендаций уже используются во многих странах, в том числе и в Российской Федерации.

Исходя из всего вышеперечисленного важно отметить то, что современные технологии за достаточно короткий промежуток времени стали неотъемлемой частью жизни каждого из нас и заняли важное место во множестве сфер жизни общества, в политической в том числе. Так, лидеры множества стран ведут переговоры не только при личных встречах и во время официальных визитов, но и формате онлайн-встреч, онлайн-конференций, что в том числе показывает важность, практичность и удобство новейших технологий в сфере внутренней и внешней политики.

1. Фалалеев, М. А. Дипфейк как феномен политической коммуникации / М.А. Фалалеев, Н.А. Ситдикова, Е.Е. Нечай // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021. – Т. 27. – № 6. – С. 101-106.
2. Дзыбова, С.А. СМИ, социальные сети и личные блоги как инструмент политической конкуренции в России / С.А. Дзыбова, С.В. Хоружая, П.С. Морозова, В.И. Фалеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022 - № 11-1. - С. 36-38.
3. Шульга, М. В. Тендерная политика и современные информационные технологии / М. В. Шульга, И. В. Кулибаба, Р. Ю. Мальков // Российский экономический интернет-журнал. – 2019. – № 4. – С. 142.
4. Постел-Винай, К. Глобализация 4.0 и новые модели международного сотрудничества / К. Постел-Винай // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 82-92.
5. Алов, Ю.Ю. Региональная политика в федеративном государстве: мировой опыт / Ю.Ю. Алов, С.В. Хоружая / Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. – Краснодар, 2018. – С.76-79.
6. Ключко Е.Н. Цифровая трансформация сельских территорий России: проблемы и перспективы / Е.Н. Ключко, В.В. Хоружий // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 7 (156). – С. 452-456.
7. Чикаева, К.С. Значение российской цивилизации в системе глобальных геополитических связей / К.С. Чикаева, А.Ю. Зюзин / Социально-гуманитарный аспект научного знания: современность и перспективы развития: материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина. Армавир, 2021. С. 251-254.

LJournal

Научно-издательский центр

Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№114, Октябрь 2024**

Часть 6

Подписано в печать 25.10.2024. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.9,90
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович